3 1761 09702649 6

UNIV. OF
TORONTO
LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/psichologiiaperv00trac

1761 p
Rm

ПСИХОЛОГІЯ ПЕРВАГО ДѢТСТВА.

Psichologiya pervago detstva

Ф. ТРЭСИ (Tracy), Frederick

ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ ТОРОНТО (КАНАДА).

ПЕРЕВЕЛЪ СО ВТОРОГО АМЕРИКАНСКАГО ИЗДАНІЯ

П. Г. МИЖУЕВЪ.

48211
1900

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 20-го февраля 1899 года. С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Д. Стэнли Холла (Stanley Hall), ректора университета Кларка въ Ворсестерѣ (штатъ Массачусэтсъ),

Авторъ настоящаго сочиненія сдѣлалъ попытку изложить возможно болѣе кратко и въ то-же время возможно болѣе обстоятельно результаты систематическаго изученія дѣтской психологіи, которые до сихъ поръ были опубликованы, стараясь не опустить ничего сколько-нибудь важнаго. Въ такой работѣ ощущалась большая потребность, и авторъ исполнилъ взятый на себя трудъ съ величайшей добросовѣстностью, чѣмъ, конечно, заслужилъ искреннюю благодарность отъ всѣхъ лицъ, интересующихся предметомъ настоящаго изслѣдованія. Большинство наблюденій надъ дѣтьми ограничивались лишь одной или нѣсколькими сторонами такого широкаго предмета, какъ психологія дѣтства,—предмета, къ изученію котораго можно подойти со многихъ сторонъ. Теперь, когда мы, благодаря настоящему труду, можемъ въ первый разъ бросить бѣглый взглядъ на все обширное поле относящихся сюда изслѣдованій, мы яснѣе сознаемъ какъ важность уже достигнутыхъ результатовъ, такъ и блестящія перспективы, открывающіяся впереди.

Вопросы, о которыхъ говорится въ настоящемъ сочиненіи, имѣютъ капитальную важность *какъ для психологіи*, такъ и *для науки о воспитаніи*, потому что, чѣмъ глубже мы хотимъ изучить природу ребенка, тѣмъ раньше должны мы начать слѣдить за его развитіемъ. Надо сказать при этомъ, что въ распоряженіи науки имѣется большій запасъ фактовъ, относящихся къ изученію дѣтей до-школьнаго возраста, нежели такихъ, которые относятся къ дѣтямъ школьнаго возраста. Наблюденія послѣдняго рода, когда они будутъ собраны и систематически изложены, могутъ имѣть серьезное практическое значеніе, но для вопросовъ философіи и этики представляютъ еще большую важность наблюденія, относящіяся къ такъ называемому первому дѣтству.

Намъ кажется въ высшей степени знаменательнымъ фактомъ,—

и притомъ фактомъ, отъ котораго можно ожидать самыхъ хорошихъ результатовъ,—что какъ философія, такъ и теорія воспитанія все болѣе и болѣе ищутъ себѣ вполнѣ естественной и незыблемой основы въ систематическихъ наблюденіяхъ надъ развитіемъ дѣтей; намъ кажется знаменательнымъ и тотъ фактъ, что появленія настоящаго труда (первое—изданія въ 1893 г.) совпало по времени съ образованіемъ національнаго (американскаго) общества для изученія дѣтей, открывшаго свою дѣятельность созваніемъ съѣзда, засѣданія котораго продолжались три дня.

Предлагаемый вниманію читателя трудъ болѣе, нежели простая компиляція. Онъ вноситъ значительный вкладъ въ наши свѣдѣнія по нѣкоторымъ изъ важнѣйшихъ разбираемыхъ въ немъ вопросовъ. Это въ особенности справедливо по отношенію къ главѣ о дѣтской рѣчи,—главѣ, которая представляетъ собой почти монографію и которая можетъ заинтересовать какъ филологовъ, такъ и психологовъ и педагоговъ.

Стэнли Холлъ.

Университетъ Кларка.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ дополненіе къ предшествующему предисловію мы считаемъ нелишнимъ прибавить слѣдующее. Университетъ Кларка въ Ворсестерѣ, въ штатѣ Массачусэтсъ, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ высшихъ учебныхъ заведеній Америки. Такъ какъ въ этомъ штатѣ (съ $2^1/_2$ милліонами жителей) есть *цѣлый рядъ высшихъ учебныхъ заведеній и нѣсколько университетовъ*, то, по желанію основателя университета, Джонаса Кларка (пожертвовавшаго въ 1887 г. на нужды новаго университета 2.000.000 дол., или 4.000.000 руб.), въ университетъ принимаются лишь лица, уже получившія высшее образованіе и желающія посвятить себя подготовкѣ къ ученой дѣятельности. Въ университетѣ обращается особое вниманіе на изученіе психологіи и педагогическихъ вопросовъ; съ самого основанія университета во главѣ его приглашенъ стать бывшій профессоръ философіи и педагогики John Hopkins University въ Балтиморѣ—Стэнли Холлъ. Этотъ извѣстный американскій ученый и педагогъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ упоминаемой имъ въ предисловіи такъ называемой «Національной ассоціаціи для изученія дѣтей» (National Association for Study of Children) и былъ выбранъ первымъ ея президентомъ. Имъ-же редактируется одно изъ лучшихъ американскихъ педагогическихъ изданій—«The Pedagogical Seminary», въ которомъ печатаются, между прочимъ, труды учащихъ и учащихся въ Кларковскомъ университетѣ.

Мы думаемъ, что предисловіе Стэнли Холла и немногія вышеприведенныя строки могутъ служить достаточнымъ объясненіемъ читателю, почему мы сочли полезнымъ ознакомить русскую публику съ трудомъ американскаго ученаго.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу признательность Э. Л. Радлову и А. С. Виреніусу, которые весьма охотно согласились разрѣшить намъ нѣкоторыя сомнѣнія, возникшія у насъ при переводѣ книги.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе къ первому изданію.

Отъ переводчика.

Введеніе 1

Глава I. Ощущеніе. 4

» II. Чувства или эмоціи 41

» III. Умъ 56

» IV. Воля 81

» V. Языкъ или рѣчь. 104

Замѣченныя опечатки и погрѣшности.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
11	14 сверху	процессомъ	процессъ
15	9 снизу	не больше, какъ	приблизительно
16	2 сверху	называлъ именемъ	принималъ за
19	22 »	изъ его наблюденій	его наблюденія
20	2 »	этотъ	желтый
22	3 »	полуторыхъ лѣтъ	полутора года
—	7 »	страннымъ	непонятнымъ
67	4 снизу	Mindson	Minds on
72	8 »	рѣчи	рѣчи и
74	3 сверху	brûle	ça brûle
—	1 снизу	1884	1894
—	15 »	allamer	allumer
—	17 »	le	la
80	3 »	dam	J am
—	5 »	вѣрнѣе	вѣрны
81	9 »	которое и т. д.	важность — тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ принятіе той или иной теоріи воли на нравственныя и религіозныя идеи.
101	19 »	они одновременны	она одновременна
103	4 »	фотъ.....ас	фэтъ.....айс
—	27 »	carner	corner
117	15 »	ăg-gă	gă-gă
119	7 »	Ка-ки	Ка-ка
—	11 »	boak	book
—	15 »	re	ie
120	12 сверху	ap	up
—	13 »	unde	uncle
121	10 »	она-она	oua-oua
125	11 »	tach	tash
—	18 »	русское г	русское ч
126	14 снизу	fataff	fufuff
127	21 »	ройтъ	райтъ
143	1 »	Maugie	Mangie
—	11 »	Didu	Dida
—	14 »	la-hàut	là-haut.

ПСИХОЛОГІЯ ПЕРВАГО ДѢТСТВА.

(Переводъ со 2-го англійскаго изданія соч. Трэси «The psychology of Childhood»).

Введеніе.

Сравнительный методъ изученія оказалъ большія услуги въ новѣйшее время во всѣхъ наукахъ, вездѣ обнаружилась плодотворность этого метода. Онъ употребляется особенно часто при установленіи аналогій и при изученіи генезиса разныхъ явленій. Такъ, напр., языковѣдъ сравниваетъ свой родной языкъ, съ одной стороны, съ другими языками, стараясь установить между ними различныя аналогіи; съ другой, стороны тотъ-же языковѣдъ пользуется надписями, древними манускриптами и т. п. памятниками своего родного языка для выясненія того, какимъ образомъ, дѣйствіемъ какихъ причинъ, согласно какимъ законамъ совершился переходъ этого языка изъ первобытной грубой формы къ современному его состоянію, когда дѣлается возможнымъ совершенно ясное и отчетливое выраженіе самыхъ сложныхъ мыслей.

То-же самое справедливо и относительно другихъ наукъ. Въ психологіи примѣненіе сравнительнаго метода выразилось въ томъ, что изслѣдователи стали наблюдать проявленія умственной жизни въ низшихъ животныхъ, затѣмъ они стали наблюдать умственную жизнь людей психически-ненормальныхъ, какъ-то: идіотовъ, душевно-больныхъ, слѣпыхъ, глухо-нѣмыхъ, умственную жизнь народовъ разныхъ степеней культуры, наконецъ, самый генезисъ психической жизни человѣка и проявленія ея въ первые годы жизни ребенка. Если ребенокъ имѣетъ тѣ-же свойства, что и взрослый человѣкъ, но лишь въ иной степени, и если жизнь общества во многомъ аналогична съ жизнью отдѣльнаго человѣка, то изъ этого слѣдуетъ, какъ выводъ, что, изучая умственную жизнь ребенка, мы пріобрѣтаемъ знакомство съ нѣкоторыми фактами, которые въ извѣстной степени позволяютъ предугадать нѣкоторыя явленія не только психологическія, но даже и соціологическія.

Если сравнить ребенка съ какимъ-нибудь очень молодымъ животнымъ, то сейчасъ-же бросается въ глаза фактъ очевиднаго пре-

восходства животнаго надъ человѣкомъ въ первое время послѣ рожденія. Человѣкъ лишь по истеченіи нѣсколькихъ недѣль послѣ своего рожденія пріобрѣтаетъ способность держать прямо голову (in equilibrium), между тѣмъ какъ цыпленокъ, напр., бѣгаетъ и клюетъ зерно пшеницы въ первый-же день своей жизни. Однако, если вникнуть хорошенько въ суть дѣла, этотъ фактъ надо скорѣе считать признакомъ превосходства человѣка надъ другими животными. Чѣмъ выше вы поднимаетесь въ ряду существъ органическаго міра, тѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе становится среда, въ которой живетъ индивидуумъ и къ которой онъ долженъ умѣть приспособляться. Такое приспособленіе требуетъ со стороны физіологической развитія мозга и нервовъ, а со стороны психической — нѣкотораго умственнаго развитія, для чего, въ свою очередь, безусловно необходимъ извѣстный періодъ времени.

Въ теченіе всей своей жизни животныя совершаютъ постоянно одни и тѣ-же простыя дѣйствія, для которыхъ нужна минимальная умственная работа; вслѣдствіе постояннаго повторенія эти дѣйствія производятъ въ организмѣ нѣкоторыя физіологическія приспособленія, которыя, наконецъ, дѣлаются наслѣдственными. Вотъ почему такіе факты, которые случайному наблюдателю кажутся признакомъ поразительнаго умственнаго развитія, какъ, напр., то, что совсѣмъ молодые цыплята бѣгутъ стремглавъ къ матери по извѣстному, очень характерному крику ея,—такіе факты на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ отвѣтъ организма, сложившійся подъ вліяніемъ наслѣдственности, на дѣйствіе внѣшняго стимула.

Чѣмъ отдаленнѣе, чѣмъ труднѣе предстоитъ кому-либо путь, тѣмъ больше времени уходитъ на приготовленіе къ нему; чѣмъ сложнѣе искусство, которое мы хотимъ себѣ усвоить, тѣмъ продолжительнѣе періодъ подготовительныхъ занятій. Такъ и для ребенка которому предстоитъ жизнь несравненно болѣе серьезная, которому предстоитъ совершать самые разнообразные, сложные и трудные акты — умственные, нравственные и физическіе, требуется болѣе продолжительный періодъ воспитанія, нежели для цыпленка, который уже въ первый день своей жизни роетъ землю и клюетъ пищу, но который и до конца своей жизни не идетъ далѣе этихъ простыхъ дѣйствій. Молодое животное, прежде чѣмъ окончится первый день его жизни, уже совершаетъ то, до чего ребенокъ дойдетъ лишь въ теченіе перваго года, за-то уже двухлѣтній ребенокъ совершаетъ такія дѣйствія, которыя животное не будетъ въ состояніи сдѣлать до конца своихъ дней *).

*) «Повидимому, въ природѣ существуетъ законъ, по которому болѣе высокое по своему значенію развивается медленнѣе и благодаря этому существуетъ

Настоящее сочиненіе имѣетъ цѣлью изслѣдованіе психологіи ребенка. Когда и какимъ образомъ начинается у ребенка умственная жизнь? Какую роль здѣсь играетъ наслѣдственность, какую воспитаніе, включая сюда и внушеніе? Въ чемъ заключается сущность процесса, вслѣдствіе котораго автоматическія и механическія дѣйствія переходятъ въ сознательныя и произвольныя? Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ вопросовъ, отвѣтомъ на которые служитъ настоящее сочиненіе. Для того, чтобы возможно полнѣе отвѣтить на такіе и подобные вопросы, мы сочли самымъ лучшимъ собрать все, что могли найти лучшаго изъ непосредственныхъ наблюденій надъ дѣтьми, опубликованныхъ до настоящаго времени, расположить добытое такимъ образомъ въ извѣстномъ порядкѣ, включить сюда-же результаты личныхъ наблюденій и все это представить въ самомъ сжатомъ видѣ, снабдивъ нашъ трудъ обильными указаніями на первоисточники и цитатами изъ нихъ.

Въ своемъ изложеніи мы держались того порядка, которому обыкновенно слѣдуютъ психологи. Проявленія умственной жизни разсматриваются нами въ порядкѣ ихъ генезиса, а именно: ощущенія, чувства или эмоціи, умъ, воля. Развитіе рѣчи у дѣтей, вслѣдствіе крайней важности относящихся сюда вопросовъ, составляетъ предметъ особой главы. Первоначально мы имѣли въ виду прибавить еще главу о нравственномъ развитіи ребенка, но по мѣрѣ того какъ настоящее сочиненіе подвигалось впередъ, мы все болѣе и болѣе убѣждались, что для того, чтобы изложить какъ слѣдуетъ, какъ этого заслуживаетъ важность вопроса,—нравственное развитіе ребенка,—надо не только несоразмѣрно расширить объемъ изслѣдованія, но и коснуться многихъ вопросовъ, относящихся къ болѣе позднимъ стадіямъ дѣтскаго возраста, между тѣмъ какъ въ настоящей своей работѣ мы желали по возможности ограничиться лишь психологіей дитяти въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. психологіей перваго дѣтства. При этомъ мы считаемъ нужнымъ теперь-же обратить вниманіе читателя на одинъ общій принципъ, который столь часто проявляется въ умственной жизни ребенка, что вліяніе его можно назвать универсальнымъ. Этотъ принципъ можно назвать принципомъ превращенія и формулировать его слѣдующимъ образомъ. Всякій умственный актъ (phenomen) постепенно проходитъ восходящую скалу развитія. Сначала

затѣмъ долѣе». B. Sigismund, «Kind und Welt», Braunschweig, 1856, стр. 17. См. также Jastrow, «Problems of Comparative Psychology» (Popular Science Monthly, 1892, Nov.). Замѣтимъ однако, что утробная жизнь у человѣка продолжается относительно гораздо менѣе времени, нежели у большинства низшихъ животныхъ. Лошадь, напр., менѣе долговѣчна, нежели человѣкъ, но утробная жизнь ея продолжается дольше.

*

преобладаетъ чисто физіологическая сторона акта, сознаніе участвуетъ въ минимальной степени и такъ-называемый *умственный актъ*, слѣдовало-бы описать какъ реакцію нервной системы на нѣкоторый внѣшній стимулъ или на извѣстное состояніе самаго организма. Такъ, напр., съ момента своего рожденія ребенокъ по временамъ *кричитъ*, но въ началѣ этотъ крикъ происходитъ безъ всякаго участія воли и едва-ли соотвѣтствуетъ какому-нибудь опредѣленному состоянію сознанія, потому что этотъ крикъ происходитъ безъ всякаго участія мозга и даже, какъ, напр., у дѣтей микроцефаловъ, можетъ проявляться при совершенномъ отсутствіи мозга *).

Впослѣдствіи участіе сознанія становится замѣтнѣе. Когда-же умъ и воля достаточно развились, ребенокъ направляетъ свое вниманіе на этотъ актъ (т.-е. на крикъ), отдаетъ себѣ въ немъ ясный отчетъ и уже совершаетъ его произвольно.

Для посторонняго наблюдателя актъ, можетъ быть, представляется все время однимъ и тѣмъ-же, между тѣмъ, если вникнуть во внутреннюю его сторону, то оказывается, онъ совершенно измѣнился, *преобразовался* по своему характеру, и психологу приходится рѣшить одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ—*когда* и *какъ* совершилось описанное превращеніе.

Можно, пожалуй, утверждать, что не столь важно опредѣлить въ точности *время* появленія каждаго рода психической дѣятельности, сколько тотъ порядокъ, въ которомъ они возникаютъ одна послѣ другой. Однако для того, чтобы опредѣлить послѣднее, т.-е. *порядокъ*, приходится внимательно слѣдить за первымъ, т.-е. за *временемъ*. Вотъ почему на нижеслѣдующихъ страницахъ удѣлено столь серьезное вниманіе опредѣленію какъ абсолютнаго, такъ и относительнаго времени проявленія разнаго рода психической дѣятельности у ребенка.

Ощущеніе.

Крайне важно начать наше изложеніе съ ощущенія (sensation), такъ какъ оно лежитъ въ основѣ всего умственнаго развитія. Весь дальнѣйшій ходъ умственнаго развитія есть лишь результатъ все болѣе и болѣе сложныхъ «обобщеній существующаго въ природѣ многообразія», которое познается черезъ посредство ощущеній. Хотя

*) W. Preyer, «The Mind of the Child», New-York, 1889. (Авторъ цитируетъ англійскій переводъ классическаго сочиненія: «Die Seele des Kindes»; это сочиненіе существуетъ и на русскомъ языкѣ, хотя, надо прибавить, при переводѣ на русскій языкъ оно подверглось значительнымъ сокращеніямъ. Далѣе мы будемъ приводить это сочиненіе подъ его русскимъ заглавіемъ: «Душа ребенка». *П. М.*).

мы и не можемъ согласиться съ Локкомъ, что всѣ идеи происходятъ *отъ* ощущеній, но должны однако признать, что въ умѣ нѣтъ никакихъ идей *до ощущеній*. Настолько-же очевидной надо считать тѣсную связь между нашими чувствованіями и волей. Впечатлѣнія нашихъ органовъ чувствъ, производимыя вліяніемъ внѣшнихъ предметовъ на периферію организма, передаются приносящими нервами чувствительнымъ центрамъ, тѣсно связаннымъ съ соотвѣтствующими двигательными центрами въ корковомъ веществѣ мозга. Отсюда ясно, насколько важно развитіе чувствованій у ребенка.

Есть ли какія-нибудь ощущенія у ребенка во время утробной жизни, и если да, то каковы эти ощущенія?

Отвѣчая на такой вопросъ, мы будемъ слѣдовать методу исключенія и начнемъ съ отрицанія дѣятельности такихъ чувствъ, которыя, очевидно, не могутъ проявляться въ указанный періодъ жизни ребенка. Всякое чувствованіе, которое можетъ происходить лишь при нахожденіи организма въ такой средѣ, гдѣ есть свѣтъ или воздухъ, конечно, не можетъ быть испытываемо ребенкомъ до рожденія, такъ какъ лишь послѣ рожденія ребенокъ приходитъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ и ощущаетъ свѣтъ. На этомъ основаніи надо, вѣроятно, вовсе исключить зрѣніе, слухъ и обоняніе; зрѣніе слѣдуетъ исключить въ виду полнаго мрака въ утробѣ, два другіе рода ощущеній надо исключить вслѣдствіе того, что слуховой и носовой проходы въ утробный періодъ еще совершенно заполнены околоплодной жидкостью, такъ что воздуха тамъ никакъ не можетъ быть, хотя-бы ему и былъ туда свободный доступъ.

Есть, однако, основаніе думать, что, начиная со второй половины утробной жизни, плодъ становится чувствительнымъ къ измѣненіямъ температуры *), чувство-же осязанія въ извѣстной мѣрѣ пробуждается соприкосновеніемъ съ окружающей плодъ маткой **). Крайне трудно сказать, насколько эти рудиментарныя ощущенія плода имѣютъ дѣйствительно психическій характеръ. Многіе физіологи ***) думаютъ, что въ это время нѣтъ еще кооперації центровъ двигательныхъ или чувствительныхъ. Однако не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что въ послѣдніе мѣсяцы беременности происходятъ большія измѣненія въ эмбріональномъ мозгу, въ особенности въ большомъ мозгу ****).

*) I. Suys, «The Brain and its functions», New-York, 1882 (International Scientific Series).

**) A. Kussmaul, «Untersuchungen über das Seelenleben des Neugeborenen Menschen», Tübingen, 1884.

***) Напр., Вирховъ.

****) Bastian. Авторъ не даетъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній; надо думать, онъ имѣетъ въ виду сочиненіе извѣстнаго англійскаго физіолога Генри Бастіана: «The Brain as an Organ of Mind», London, 1880. *Прим. перев.*

Если въ данномъ случаѣ умѣстны догадки, то можно сказать, что весьма вѣроятно, что эти «чувствованія» зародыша сопровождаются сознаніемъ, хотя и весьма смутнымъ и неопредѣленнымъ, движенія-же плода рефлекторны или автоматичны, являясь послѣдствіемъ органической связи между чувствомъ и движеніемъ, что, въ свою очередь, объясняется, главнымъ образомъ, наслѣдственностью.

1. Зрѣніе.

Мы уже говорили, что въ продолженіе утробной жизни ребенокъ не получаетъ никакихъ зрительныхъ ощущеній. Если это справедливо, то объясненіе факта лежитъ не въ несовершенствѣ самаго органа, а въ отсутствіи свѣтовыхъ впечатлѣній: опыты Куссмауля и Генцмера *) надъ недоношенными дѣтьми показываютъ, что по крайней мѣрѣ за два мѣсяца до момента нормальнаго дѣторожденія механизмъ глаза вполнѣ развитъ и способенъ реагировать на соотвѣтствующіе стимулы. Возможно даже, что въ это время существуютъ нѣкоторыя смутныя ощущенія свѣта, происходящія отъ субъективныхъ причинъ или внутриматочныхъ, но во всякомъ случаѣ, если даже допустить существованіе такихъ ощущеній свѣта, они имѣютъ весьма мало значенія съ психологической точки зрѣнія и ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить объясненіемъ правильнаго функціонированія глаза немедленно послѣ рожденія.

Глазъ новорожденнаго. Послѣ предъидущихъ объясненій ясно, что выраженіе: «новорожденный ребенокъ слѣпъ» вовсе не значитъ, что ребенокъ не ощущаетъ свѣта, а значитъ лишь, что новорожденный не можетъ еще предметовъ *видѣть* въ истинномъ смыслѣ этого слова. Периферическій механизмъ глаза уже вполнѣ готовъ при самомъ рожденіи ребенка, и ребенокъ съ первыхъ моментовъ жизни ощущаетъ разницу между мракомъ и свѣтомъ, но *видѣть* предметы ребенокъ не можетъ вслѣдствіе отсутствія опыта, вслѣдствіе несовершеннаго развитія мозговыхъ центровъ, вслѣдствіе ошеломляющаго вліянія свѣта, который, по выраженію Сигизмунда **), вторгается милліонами волнъ въ деликатный органъ, до тѣхъ поръ привыкшій къ полному мраку ***). Однако послѣднее препятствіе скоро

*) Kussmaul, «Untersuchungen über das Seelenleben des neugeborenen Menschen», 1884. A. Genzmer, «Untersuchungen über die Sinnerwahrnehmungen des neugeborenen Menschen», 1882.

**) Sigismund, «Kind und Welt».

***) Куссмауль замѣчаетъ также слѣдующее: «вполнѣ доношенныя дѣти, которыя только что родились, пытаются часто открывать глаза, но должны всегда быстро и судорожно закрывать ихъ отъ непривычнаго яркаго свѣта».

преодолѣвается ребенкомъ, и дитя весьма быстро подвигается къ полному обладанію своимъ органомъ зрѣнія.

Ощущеніе *свѣта* есть первое чувство, имѣющее источникомъ внѣшнюю причину, которое испытываетъ ребенокъ при посредствѣ глаза. Но этотъ органъ по своему строенію спеціально приспособленъ къ воспріятію падающихъ на него свѣтовыхъ лучей, а потому, какъ только пройдетъ первое ошеломляющее впечатлѣніе и дѣтскій глазъ привыкнетъ къ своей новой средѣ, глазъ такъ-же естественно поворачивается къ свѣту, какъ поворачиваются къ восходящему солнцу лепестки только что распустившагося цвѣтка. Локкъ по этому поводу выразился такъ: «какъ душа жаждетъ идей, такъ глазъ ребенка жаждетъ свѣта».

Такая чувствительность къ свѣту всегда замѣчается въ первыя-же минуты жизни; рѣдко бываетъ, чтобы она проявлялась лишь по истеченіи нѣсколькихъ часовъ послѣ рожденія, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда есть недостатокъ въ самомъ строеніи органа зрѣнія *). Надо однако прибавить, что въ это время разница между свѣтомъ и темнотою скорѣе чувствуется, нежели ясно сознается, и даже самое поворачиваніе головы къ свѣту, которое было замѣчено у дѣтей на второй день жизни и уже на двадцатомъ часу **), даже этотъ фактъ надо считать однороднымъ съ поворачиваніемъ растенія къ свѣту. Это продолжается однако недолго. Ограничиваясь однимъ частнымъ случаемъ (изъ наблюденій Прейера надъ своимъ сыномъ), мы узнаемъ, напр., что сынъ Прейера скоро сталъ выказывать знаки удовольствія при умѣренномъ свѣтѣ, знаки страданія при свѣтѣ слишкомъ яркомъ, и не столь значительнаго удовольствія при темнотѣ. Даже въ первый-же день выраженіе его лица измѣнялось, когда какой-нибудь предметъ заслонялъ отъ него свѣтъ, на одиннадцатый-же день ребенокъ принимался кричать, когда свѣчу уносили изъ комнаты. Съ теченіемъ времени онъ все болѣе и болѣе внимательно относился къ свѣтовымъ ощущеніямъ, такъ что на второмъ мѣсяцѣ одного вида яркаго свѣта или ярко окрашеннаго предмета было достаточно, чтобы вызвать въ ребенкѣ громкія выраженія восторга.

Слишкомъ большой свѣтъ причиняетъ ребенку безпокойство даже во время сна. Ребенокъ крѣпко жмуритъ глаза, иногда даже начинаетъ проявлять признаки безпокойства и просыпается. Очень сильный свѣтъ въ особенности непріятенъ тотчасъ послѣ пробужденія.

*) В. Прейеръ, «Душа ребенка».

**) Куссмауль приводитъ примѣръ мальчика, который родился на седьмомъ мѣсяцѣ, тѣмъ не менѣе поворачивалъ голову къ окну уже на второй день жизни См. также Mrs Talbot, «Papers on infant development», Boston, 1882.

Прейеръ замѣтилъ, что его сынъ закрылъ глаза и отворотилъ голову, когда къ нему, послѣ того какъ онъ проснулся, была поднесена близко свѣча. Но послѣ нѣсколькихъ часовъ бодрствованія, тотъ-же ребенокъ смотрѣлъ очень пристально, не моргая, на пламя свѣчи, которую держали на разстояніи одного метра отъ него *).

Помня такія ограниченія, мы можемъ изъ всего предшествующаго вывести общее заключеніе, что «свѣтъ для глазъ пріятенъ», будучи для нихъ, такъ сказать, нормальной «пищей», и что подъ вліяніемъ свѣта нѣжный органъ зрѣнія растетъ и развивается, въ большомъ мозгу дифференцируются зрительные центры, становясь вмѣстѣ съ тѣмъ способными отправлять свои функціи и дѣлая возможнымъ послѣдующее распознаваніе посредствомъ зрѣнія качествъ предметовъ внѣшняго міра.

Физіологическія приспособленія къ свѣту. Въ началѣ жизни всѣ приспособленія органа зрѣнія къ силѣ падающаго въ глаза свѣта рефлекторны. Такъ, напримѣръ, дѣйствуетъ мышца, служащая для сокращенія зрачка. Зрачекъ приспособляется къ яркости свѣта, расширяясь или сжимаясь, какъ это показали Куссмауль и Рельманъ **). Оба зрачка сокращаются, если свѣтъ упадетъ на одинъ изъ нихъ. Эти сокращательныя движенія остаются автоматическими до конца жизни человѣка. Иное дѣло — провожаніе глазами двигающагося свѣта или предмета. Сначала, несомнѣнно, и такое дѣйствіе ребенка рефлекторно, потому что оно замѣчается прежде, чѣмъ центры сознанія настолько разовьются, чтобы наступила возможность для волевыхъ актовъ; впослѣдствіи, однако, это движеніе входитъ въ область волевыхъ актовъ, какъ это знаетъ всякій взрослый человѣкъ изъ собственнаго опыта.

Движенія глазъ. Сюда входятъ движенія глазныхъ яблокъ (вверхъ, внизъ, вбокъ и т. д.) и движенія вѣкъ (поднятіе и опусканіе), равно какъ и соотношеніе этихъ движеній другъ съ другомъ.

Обладаетъ-ли ребенокъ полнымъ нервнымъ аппаратомъ для произведенія движенія глазъ, способнымъ производить правильно всѣ нужныя движенія, или-же ребенокъ лишь постепенно и цѣною не легкаго опыта пріобрѣтаетъ способность къ движеніямъ глаза? Новѣйшія наблюденія надъ дѣтьми приводятъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Можно утверждать, что указанный механизмъ наслѣдуется полностью, т.-е. зрачекъ, сѣтчатая оболочка и нервные пути, но со-

*) Намъ кажется, что такая чувствительность къ свѣту тотчасъ послѣ сна составляетъ весьма обыкновенное явленіе и среди взрослыхъ.

**) Rachlmann, «Physiologisch-psychologische Studien über die Entwickelung der Lichtswahrnehmungen bei Kindern und bei operirten Blindgeborenen», 1891.

отвѣтствующіе мозговые центры еще не развиты въ первые дни жизни и развиваются лишь вслѣдствіе опыта, а потому и приспособленіе движеній глаза къ внѣшнимъ условіямъ также достигается лишь постепенно. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что существуетъ наслѣдственное предрасположеніе къ извѣстной координаціи движеній, что, конечно, облегчаетъ наступающее впослѣдствіи приспособленіе, однако послѣднее является по преимуществу результатомъ опыта. Нижеслѣдующіе факты можно считать твердо установленными результатами весьма тщательныхъ наблюденій.

Первое. Относительно движенія глазныхъ яблокъ надо замѣтить, что полная сознательная координація въ движеніяхъ обоихъ глазъ не существуетъ въ продолженіе первыхъ дней жизни. Правда, иногда случается, что глаза съ самаго начала двигаются вмѣстѣ *), но въ то-же время замѣчается чрезвычайно много некоординированныхъ движеній, что показываетъ, что координированныя движенія въ началѣ есть просто игра случая и что лишь съ теченіемъ времени совершенно исчезаютъ безцѣльныя движенія глазъ. Рельманъ и Витковскій изъ большого числа наблюденій надъ новорожденными дѣтьми, которыя они производили въ теченіе пятнадцати лѣтъ, вывели заключеніе, что дѣтскіе глаза, въ особенности во снѣ, «принимаютъ такія положенія и совершаютъ такія движенія, которыя совершенно противны всякимъ принципамъ ассоціаціи», такъ что, напр., можно видѣть даже, какъ одинъ глазъ движется по направленію, прямо противоположному направленію движенія другого глаза, вслѣдствіе чего получается несоотвѣтствіе въ положеніи глазъ **). Иногда бываетъ, что у ребенка глаза двигаются вмѣстѣ какъ по сторонамъ, такъ и вверхъ и внизъ (хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ, при вертикальныхъ движеніяхъ, координація въ движеніяхъ глазъ никогда не бываетъ у ребенка столь совершенной, какъ у взрослаго человѣка), но почти столь-же часто можно замѣтить и движенія неправильныя ***). Иногда бываетъ, что въ то время, когда двигается одинъ глазъ, другой остается въ покоѣ. Бываетъ также, что голова двигается въ одномъ направленіи, а глаза въ другомъ.

---

*) Согласно одному наблюдателю—на четвертый день жизни, согласно второму—на второй (наблюденія проф. Балдвина), наконецъ, третій наблюдатель замѣтилъ такія движенія черезъ пять минутъ послѣ рожденія ребенка (Прейеръ). Миссъ Шиннъ нашла, что указанныя движенія обыкновенно бываютъ координированными съ самого рожденія. M. Chinn, «Notes on the development of child», 1894. California.

**) E. Rählmann, op. c.

***) Рукописныя наблюденія, произведенныя одной изъ слушательницъ Wellesley College—одномъ изъ лучшихъ женскихъ колледжей въ Америкѣ. (См. «Русскую Школу» 1895 г., Статья Бонэ Мари: «Въ американскихъ женскихъ колледжахъ»).

Надо однако сказать, что въ большинствѣ случаевъ наблюдатели замѣчали, что эти некоординированныя движенія становились значительно рѣже на третьемъ мѣсяцѣ, а нѣсколько позже совершенно исчезали, за исключеніемъ сна.

Второе. Что касается вѣкъ, то единственное движеніе ихъ, которое можно считать передающимся по наслѣдству, это мгновенное «морганье», когда какое-нибудь постороннее тѣло коснется рѣсницы или роговой оболочки глаза или, наконецъ, при внезапномъ появленіи яркаго свѣта.

Одно *приближеніе* предмета безъ непосредственнаго прикосновенія сначала не производитъ морганья; въ самомъ дѣлѣ, были случаи, когда при этомъ не моргали даже дѣти двухъ мѣсяцевъ *). Всѣ другія движенія вѣкъ въ началѣ просто случайны. Иногда оба вѣка двигаются одновременно, но чаще бываетъ противное. Случается иногда, что одинъ глазъ закрытъ, когда другой открытъ. Не всегда оба глаза бываютъ одинаково открытыми и часто случается, что, если безпокоятъ одинъ глазъ и онъ отъ этого моргаетъ, вѣки другого глаза смыкаются лишь по истеченіи нѣкотораго промежутка времени. Часто случается также, что вѣки приподняты, когда взглядъ направленъ внизъ, и обратно. Ребенокъ часто засыпаетъ съ несовсѣмъ закрытыми глазами.

Итакъ, въ началѣ координація движеній глазъ не совершенна и дѣлается таковой лишь послѣ извѣстнаго періода опыта. Даже болѣе того, ребенку приходится *отучаться* отъ нѣкоторыхъ движеній (напр., отъ поднятія вѣкъ тогда, когда глазъ смотритъ внизъ), которые для взрослаго дѣлаются даже совершенно невозможными **). Постепенно эти некоординированныя движенія исчезаютъ и въ концѣ третьяго мѣсяца становятся весьма рѣдкими, за исключеніемъ времени сна.

Все, что было сказано относительно движенія глазъ или вѣкъ въ отдѣльности, можно было-бы повторить, mutatis mutandis, и по поводу взаимнаго отношенія этихъ двухъ движеній.

Итакъ, въ началѣ жизни не замѣчается полной координаціи въ движеніяхъ глазныхъ мышцъ (по Рельману—въ теченіе первыхъ 10 дней нѣтъ никакой координаціи въ движеніяхъ этихъ мышцъ) и она достигается лишь постепенно, для чего требуются время и опытъ. Но когда проснувшійся интеллектъ овладѣетъ механизмомъ глаза и совершенно подчинитъ себѣ всѣ его движенія, тогда глазъ становится однимъ изъ самыхъ выразительныхъ органовъ и поразительно

*) Rählmann, op. c.

**) Champneys, «Notes on an infant». Mind, vol. VI (англійскій журналъ, посвященный разработкѣ вопросовъ психологіи).

точно выражаетъ различные оттѣнки внутренняго душевнаго состоянія.

Фиксація взгляда. Подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвается сознательное направленіе взора на опредѣленный предметъ въ отличіе отъ неопредѣленнаго устремленія взора въ пространство. Намъ предстоитъ рѣшить вопросъ первостепенной важности: когда у ребенка совершается переходъ отъ взгляда послѣдняго рода къ первому?

Этотъ вопросъ крайне важенъ, такъ какъ онъ можетъ содѣйствовать выясненію еще болѣе серьезнаго вопроса о зарожденіи воли, появленіе и послѣдующее упражненіе которой въ значительной степени опредѣляетъ ходъ умственнаго и нравственнаго развитія ребенка.

Прейеръ постепенное овладѣваніе ребенкомъ своимъ органомъ зрѣнія—процессомъ «видѣнія» (seeing)—дѣлитъ на четыре стадіи. Я буду слѣдовать его классификаціи, присоединяя къ каждой стадіи наблюденія, сдѣланныя и другими лицами, изучавшими процессъ развитія ребенка.

Первая стадія. Неосмысленное смотрѣніе (staring) въ пустое пространство; при этомъ дитя, конечно, испытываетъ извѣстное ощущеніе, но неспособно еще видѣть предметъ. Способности «фиксировать» взглядъ на предметы нѣтъ у новорожденныхъ, такъ какъ они не владѣютъ еще мускулами, управляющими движеніями головы и глазъ. Поэтому, кажущаяся способность дѣтей смотрѣть въ первые дни жизни не есть проявленіе дѣятельности воли или ума, но простое инстинктивное поворачиваніе головы и глазъ такъ, чтобы свѣтъ попалъ на центральную часть сѣтчатой оболочки глаза (retina), гдѣ этотъ свѣтъ производитъ наиболѣе пріятное ощущеніе (feeling). По поводу наблюденія Чампниса, который видѣлъ, что ребенокъ фиксировалъ глаза на свѣчѣ на седьмомъ днѣ, и по поводу замѣчанія Дарвина, что другой ребенокъ сдѣлалъ то-же самое на девятый день, Прейеръ говоритъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ, вѣроятно, настоящаго «видѣнія» не было, но было простое устремленіе взора въ пространство, такъ какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ было наблюдаемо, что ребенокъ продолжалъ якобы «смотрѣть» даже и тогда, когда самый предметъ былъ удаленъ. Такимъ образомъ, надо думать, что въ теченіе первыхъ девяти дней, вѣроятно, нѣтъ еще способности къ фиксаціи взгляда.

Вторая стадія. Дитя способно «смотрѣть». Ребенокъ приковываетъ свой взоръ къ свѣтлой широкой поверхности (напр., лицу матери) и когда другой свѣтлый и достаточно значительный по размѣрамъ предметъ попадаетъ въ его поле зрѣнія, ребенокъ поворачиваетъ свои глаза отъ перваго предмета ко второму. Въ одномъ

случаѣ было замѣчено, что ребенокъ это сдѣлалъ на одиннадцатомъ днѣ, въ другомъ—на четырнадцатомъ.

Вмѣстѣ съ появленіемъ способности къ фиксаціи взгляда, самый взглядъ пріобрѣтаетъ осмысленность. Пэрэ разсказываетъ, что одинъ ребенокъ, надъ которымъ онъ производилъ наблюденія, «пристально смотрѣлъ въ теченіе трехъ или четырехъ минутъ на дрожащее отраженіе свѣта, прежде чѣмъ ему исполнился мѣсяцъ. Въ другомъ случаѣ ребенокъ въ первый разъ пристально посмотрѣлъ на четвертой недѣлѣ, еще въ одномъ случаѣ—взоръ дитяти въ первый разъ былъ сосредоточенъ на привлекшемъ его вниманіе желтомъ платьѣ. Наконецъ, одна наблюдательница указываетъ, что у двухмѣсячнаго ребенка еще отсутствовала способность къ фиксаціи взгляда *).

Сигизмундъ **) замѣчаетъ, что ребенокъ «начинаетъ смотрѣть на предметы со вниманіемъ» около средины перваго трехмѣсячнаго періода жизни, а Рельманъ изъ своихъ наблюденій вывелъ, что «способность выбрать сообразное обстоятельствамъ движеніе между многоразличными движеніями, возможными для глазъ и для вѣкъ, и фиксированье взгляда на предметы въ первый разъ проявляется по истеченіи пятой недѣли» ***).

Третья стадія. Эта стадія развитія характеризуется пріобрѣтеніемъ способности провожать взоромъ яркій движущійся предметъ. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ координированными движеніями глазъ, причемъ голова остается неподвижной или почти неподвижной. Такимъ образомъ, здѣсь происходитъ очень ясный шагъ впередъ въ развитіи ребенка, такъ какъ для указаннаго движенія нужно болѣе полное контролированіе мышцами. Однако указаннаго движенія глазъ не бываетъ, если предметъ двигается слишкомъ быстро. Въ одномъ случаѣ ребенокъ провожалъ глазами двигающуюся свѣчу на второй недѣлѣ, въ другомъ случаѣ—на двадцать третьемъ днѣ. Однако большинство наблюдателей въ первый разъ замѣтили это движеніе около пятой недѣли, нѣкоторые на шестой и даже на седьмой. Рельманъ по этому поводу замѣчаетъ, что координированныя боковыя движенія глазъ рѣдко можно замѣтить ранѣе пятой недѣли. Держите свѣтлый или яркоокрашенный предметъ прямо передъ глазами ребенка на небольшомъ разстояніи. Скоро можно замѣтить у ребенка особенное выраженіе лица, причемъ прекращаются движенія, которыя передъ тѣмъ онъ дѣлалъ членами своего тѣла. Предметъ фиксированъ. Теперь двигайте медленно пред-

*) Наблюденія одной слушательницы Welleseley College.

**) B. Sigismund, op. c.

***) Среднее ариѳметическое изъ приведенныхъ наблюденій - 32-й день, т.-е. фиксація взгляда становится возможной на пятой недѣлѣ.

метъ въ одну сторону въ горизонтальномъ направленіи, оба глаза ребенка слѣдуютъ за предметомъ, однако безъ соотвѣтствующаго движенія головы. Если вы будете двигать предметъ быстро, глаза ребенка потеряютъ его сейчасъ изъ виду; то-же самое случится и въ томъ случаѣ, если движеніе будетъ въ вертикальномъ направленіи, а не горизонтальномъ *).

Въ началѣ третьей стадіи, по мнѣнію Прейера, при актѣ зрѣнія нѣтъ необходимости предполагать кооперацiи (т.-е. одновременной работы) большого мозга, но только лишь такъ называемаго «четверохолмія»; въ доказательство своей мысли Прейеръ приводитъ опытъ Лонже съ голубемъ, у котораго были осторожно удалены полушарія большого мозга и который и послѣ этого слѣдилъ глазами за пламенемъ двигающейся свѣчи. Надо, однако, замѣтить, что, такъ какъ у низшихъ животныхъ рефлекторныя и инстинктивныя дѣйствія играютъ гораздо большую роль, чѣмъ у человѣка, то на этомъ основаніи доводъ Прейера нельзя считать рѣшающимъ вопросъ, такъ какъ возможно, что движеніе, рефлекторное у низшихъ животныхъ, у человѣка совершается при участіи большого мозга. Болѣе убѣдительными были-бы наблюденія надъ дѣтьми-микроцефалами (идіотами). Кольманнъ (Kollmann) говоритъ о восьмилѣтней идіоткѣ Маргаритѣ Бекеръ: «она ходитъ, пошатываясь, какъ-то странно качаетъ головой и раскидываетъ оконечностями, причемъ движенія ея не всегда согласованы (координированы), а потому носятъ характеръ какой-то неувѣренности, неловкости, напоминая временами даже спазмодическія движенія; *взглядъ ея безпокоенъ и не сосредоточивается на какомъ-нибудь опредѣленномъ предметѣ*». Этотъ фактъ, повидимому, склоняетъ насъ не соглашаться съ приведеннымъ мнѣніемъ Прейера, основанномъ на наблюденіяхъ Лонжэ надъ голубемъ.

Четвертая стадія. Здѣсь мы уже переходимъ отъ видѣнія къ наблюденію, т.-е. къ активнымъ поискамъ за предметами наблюденія. Дитя въ это время пріобрѣло способность давать опредѣленное направленіе своему взгляду и держать его въ желаемомъ направленіи. Несомнѣнно первыя, относящіяся сюда, попытки ребенка часто бываютъ безуспѣшны, но, вообще говоря, въ періодъ между третьимъ и пятымъ мѣсяцемъ эта способность уже пріобрѣтается ребенкомъ **). Дѣвочка десяти недѣль искала глазами лицо той особы, которая ее звала. Мальчикъ шести недѣль повернулъ голову, чтобы

*) Съ другой стороны, Генцмеръ сильнымъ встряхиваніемъ яркаго предмета передъ глазами ребенка достигалъ не только фиксаціи взгляда, но даже и провожанія глазами у большого числа дѣтей въ значительно болѣе раннемъ періодѣ ихъ жизни.

*) Рельманъ, ор. с.

слѣдовать за взглядомъ, который при немъ бросили въ извѣстномъ направленіи *). Другой на шестнадцатой недѣлѣ сталъ въ первый разъ пристально разсматривать свои руки. Еще одинъ мальчикъ двѣнадцати недѣль, услышавъ звукъ, который былъ произведенъ одной особой, проведя смоченнымъ въ водѣ пальцемъ по стакану, повернулъ голову по направленію звука и послѣ одной или двухъ неудачныхъ попытокъ, наконецъ, нашелъ предметъ глазами и сталъ пристально его разсматривать. На четырнадцатой недѣлѣ онъ быстро слѣдовалъ глазами за движеніями маятника, который совершалъ сорокъ полныхъ колебаній въ минуту **). Сынъ Сигизмунда, автора извѣстнаго сочиненія «Міръ и дитя», когда ему исполнилось девятнадцать недѣль, обращалъ большое вниманіе на движеніе маятника, а нѣсколько позже слѣдилъ съ большимъ любопытствомъ за движеніями ложки отъ блюда ко рту и обратно.

Однако въ это время нѣтъ еще предпочтенія быстрымъ движеніямъ. При ѣздѣ по желѣзной дорогѣ, ребенокъ этого возраста смотритъ не на мелькающіе предметы снаружи, а скорѣе на стѣны и потолокъ вагона. Въ одномъ случаѣ наблюдателю удалось подмѣтить, что дитя въ первый разъ взглянуло на пролетѣвшаго воробья никакъ не раньше двадцать девятой недѣли. Другой ребенокъ «наблюдалъ полетъ птицъ», будучи пяти мѣсяцевъ ***).

Изъ всего предъидущаго видно, что полное достиженіе четвертой стадіи возможно лишь при подчиненіи волѣ движеній глаза и при значительномъ прогрессѣ въ умственномъ воспріятіи внѣшняго міра.

Въ это время ребенокъ уже болѣе не водитъ безсмысленно глазами и актъ зрѣнія перестаетъ быть рефлекторнымъ движеніемъ; однимъ словомъ, ребенокъ дѣйствительно начинаетъ «видѣть» въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Способность видѣть предметы въ перспективѣ. Нижеслѣдующія обобщенія основаны на весьма значительномъ числѣ наблюденій: а) Новорожденный ребенокъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи видѣть предметовъ, находящихся на значительномъ отъ него отдаленіи; если даже и допустить, что ребенокъ сколько-нибудь въ состояніи видѣть такіе предметы, впечатлѣніе, производимое ими на сѣтчатую оболочку, настолько неопредѣленно что не можетъ быть сознаваемо ребенкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно утверж-

*) Perez, «The First Three Years of Childhood», London, 1889. Далѣе мы будемъ цитировать это французское сочиненіе подъ заглавіемъ, которое ему дано въ существующемъ русскомъ переводѣ: «Первые три года жизни ребенка», 1879. *П. М.*

**) Прейеръ, «Душа ребенка».

***) Наблюденія профессора университета въ Торонто Мэкъ-Кёрди и его жены.

дать, что въ первое время дитя получаетъ чрезвычайно мало изображеній на сѣтчатой оболочкѣ какъ отъ близкихъ предметовъ, такъ и отъ отдаленныхъ. б) Долгое время послѣ того, какъ ребенокъ пріобрѣлъ уже способность видѣть отдаленные предметы или нѣсколько предметовъ, находящихся на разныхъ отъ него разстояніяхъ, но въ полѣ зрѣнія ребенка, ребенокъ несомнѣнно не сознаетъ, *насколько неравны* разстоянія, отдѣляющія его отъ этихъ предметовъ; онъ даже не сознаетъ, что эти разстоянія вообще неравны *). Физіологическій механизмъ глаза, благодаря которому онъ имѣетъ способность «приспособляться» къ разстояніямъ, отдѣляющимъ его отъ предметовъ, дѣйствуетъ весьма рано, тѣмъ не менѣе оцѣнка глазомъ разстояній долгое время бываетъ весьма несовершенна. Сынъ Тидемана **), будучи мѣсяца и пяти дней, могъ «различать внѣшніе предметы и пытался схватывать ихъ, протягивая руки и наклоняя тѣло».

Согласно одному наблюдателю, въ концѣ второго мѣсяца есть неопредѣленное представленіе о пространствѣ. Однако большинство наблюдателей считаютъ, что это представленіе развивается гораздо позже. Одинъ изъ нихъ говоритъ слѣдующее: «Первыя несомнѣнныя попытки схватить заранѣе выбранный предметъ были замѣчены въ концѣ пятаго мѣсяца, но эта способность пріобрѣтается очень медленно и только значительно позже этого періода рука прямо идетъ по должному кратчайшему направленію къ желаемому предмету» ***).

Другой наблюдатель могъ замѣтить лишь весьма плохое представленіе о размѣрахъ тѣлъ или о разстояніяхъ у ребенка, не достигшаго шести мѣсяцевъ. Одинъ наблюдатель разсказываетъ о маленькомъ мальчикѣ, что тотъ, будучи почти одного года отъ роду, «увидѣлъ луну и звѣзды, причемъ было весьма любопытно видѣть, какъ сильно ребенокъ желалъ взять въ руки луну. Въ теченіе цѣлаго ряда вечеровъ ребенокъ звалъ къ себѣ луну, протягивая свои ручонки къ окну» ****).

Дѣвочка Ф. не смотрѣла ни на какой очень отдаленный предметъ, пока ей не исполнилось года. Другой ребенокъ даже на второмъ году «неоднократно ошибался, пробуя называть по имени взрослыхъ и мальчиковъ, находящихся отъ него не больше, какъ въ

*) Cabanis, «Rapports du physique et du moral de l'homme». «Неподлежащими сомнѣнію фактами доказано, что ребенокъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не имѣетъ яснаго представленія о пространствѣ».

**) Tiedemann, «Record of infant life».

***) Rählmann, op. c.

****) Brown, Elizabeth Stow (докторъ медицины), «The Baby Mind. Studies in Infant Psychology». (Умъ ребенка; этюды по дѣтской психологіи). Напечатано въ журналѣ «Babyhood» (1890. July-November).

20 ярдахъ (60 фут.), причемъ почти всегда людей, которыхъ онъ зналъ мало, называлъ именемъ тѣхъ, кого онъ зналъ лучше» *).

Сынъ Прейера, будучи четырехъ мѣсяцевъ, «часто пытался схватить рукой предметы, которые на самомъ дѣлѣ находились на разстояніи, вдвое превышавшемъ длину руки мальчика. Когда ребенку было уже значительно больше года, онъ неоднократно пытался схватить рукой лампу, висящую на потолкѣ вагона желѣзной дороги. Уже будучи почти двухъ лѣтъ, мальчикъ, находясь въ саду, пытался передать листъ бумаги человѣку, смотрѣвшему изъ окна второго этажа: несомнѣнное доказательство, какое плохое представленіе имѣлъ въ это время ребенокъ о разстояніяхъ **).

Сначала ребенокъ видитъ только окрашенныя поверхности и не представляетъ себѣ тѣлъ во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ. Всѣ предметы представляются его глазу просто какъ окрашенныя пятна. Постепенно посредствомъ собственныхъ движеній и опытовъ въ ощупываніи предметовъ дитя доходитъ до познанія свойствъ предметовъ, какъ тѣлъ о трехъ измѣреніяхъ. Параллельно съ этимъ путемъ опыта возникаетъ представленіе объ отношеніи между формой тѣла, степенью его близости и разными степенями отчетливости изображенія предмета въ глазу, такъ что дитя выучивается по послѣднему судить о первомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ начинаетъ ходить, онъ быстро подвигается къ полному зрѣнію, включая правильное представленіе предметовъ въ перспективѣ, такъ какъ путемъ передвиженія съ мѣста на мѣсто ребенокъ можетъ подойти къ предметамъ и, изслѣдуя ихъ, привести въ связь свои зрительныя и осязательныя впечатлѣнія, равно какъ и мышечное чувство.

Различеніе цвѣтовъ. Не только цвѣтовая слѣпота «несомнѣнно передается по наслѣдству», когда она существуетъ въ качествѣ физическаго недостатка у взрослыхъ ***), она представляетъ *нормальное* явленіе у новорожденнаго ребенка ****).

---

*) M. Shinn, «Notes on the development of a child».

**) Однако по крайней мѣрѣ относительно одного ребенка, повидимому, можно утверждать, что онъ въ концѣ седьмого мѣсяца сравнительно правильно опредѣлялъ разстоянія, такъ какъ этотъ ребенокъ «неизмѣнно отказывался протягивать руку къ предмету, находящемуся отъ него на разстояніи, большемъ 14 дюймовъ, при чемъ по длинѣ рукъ онъ могъ доставать лишь предметы, отстоящіе на 9 или 10 дюймовъ». I. Baldwin, «Origin of Right and Left-handedness Science», October, 1890.

***) Ribot, «Heredity» (по-русски переведено и носитъ заглавіе: «Наслѣдственность душевныхъ свойствъ»).

****) Цвѣтовая слѣпота, повидимому, наблюдается значительно чаще среди мужчинъ, нежели среди женщинъ. Изслѣдованіе въ 1879 г. около 30.000 учащихся

Такъ какъ оптическій нервъ пріобрѣтаетъ свое нервное вещество и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянную окраску лишь на третій или четвертый день жизни, то, вѣроятно, до той поры ребенокъ не сознаетъ различія красокъ, но лишь различіе между свѣтомъ и тьмой. Кромѣ того, когда уже существуетъ физическая возможность различенія красокъ, способность къ различенію ихъ развивается весьма медленно и самое наблюденіе за развитіемъ ея въ дѣтяхъ весьма затруднительно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ, напр., различить простое непосредственное ощущеніе *разницы* между окраской разныхъ предметовъ и яснымъ пониманіемъ каждаго изъ этихъ различающихся между собой цвѣтовъ окраски.

Въ этомъ отношеніи можно сдѣлать весьма мало, пока дитя не овладѣетъ рѣчью и даже тогда приходится испытывать особыя трудности. Слова, обозначающія цвѣтъ, усвоиваются труднѣе, нежели названія предметовъ, такъ какъ первыя представляютъ собой отвлеченныя понятія. Грантъ Алленъ при своихъ изслѣдованіяхъ нашелъ, что дѣти двухъ лѣтъ и даже старше, которыя знали названія нѣкоторыхъ ягодъ и плодовъ, не имѣли словъ для обозначенія цвѣта этихъ плодовъ или ягодъ *). Я самъ, изучая запасъ словъ у дѣтей, о чемъ я буду говорить въ пятой главѣ книги, убѣдился, что изъ 5.400 словъ, которыя разными наблюдателями были отмѣчены у разныхъ дѣтей, лишь 30 служили для обозначенія окраски. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ составъ словъ, употребляемыхъ ребенкомъ двухъ лѣтъ, не входило ни одно выраженіе, обозначающее цвѣтъ, хотя общее число словъ, употребляемыхъ ребенкомъ, было между 300 и 500 **).

При опредѣленіи періода, когда ребенокъ начинаетъ разбирать цвѣта, весьма трудно убѣдиться, существуетъ-ли у него строгое соотвѣтствіе между словомъ и самымъ понятіемъ, которое имъ обозначается. Ребенокъ можетъ различать очень хорошо, ну, хоть, напр., красный *цвѣтъ*, онъ можетъ хорошо знать и *слово* «красный», но у него нѣтъ еще прочной ассоціаціи между *словомъ* и *цвѣтомъ* окраски, такъ чтобы при названіи цвѣта, онъ могъ его показать или, если ему покажутъ что-нибудь красное, назвать цвѣтъ. Это происходитъ не отъ неумѣнья отличать одинъ цвѣтъ отъ другого, а отъ отсутствія ассоціаціи между цвѣтомъ и словомъ, его обозначающимъ.

въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Бостона показало, что изъ мальчиковъ 4% страдаютъ цвѣтовой слѣпотой, между дѣвочками-же процентъ страдающихъ цвѣтовой слѣпотой значительно меньше и не достигаетъ 0,1%. «School Documents», № 13. Boston, 1880. Статья доктора Joy Jeffers.

*) Grant Allen, «The Color-Sense, its origin and development», London, 1879.

**) H. K. Wolfe. «On the Color-Vocabulary of Children» (О дѣтскомъ словарѣ для обозначенія окраски). Nebraska University Studies, 1890, July.

Вниманіе дѣвочки десяти дней было привлечено контрастами въ окраскѣ частей одежды матери; повидимому, дѣвочкѣ это обстоятельство нравилось и она улыбалась *). Мальчикъ двадцати трехъ дней съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ярко-окрашенный занавѣсъ. Другой ребенокъ на второмъ мѣсяцѣ сталъ обращать вниманіе на разницу между яркими красками и неяркими и своими улыбками показывалъ свое предпочтеніе первымъ. Одинъ ребенокъ въ концѣ второго мѣсяца обращалъ вниманіе на бѣлый, голубой и фіолетовый цвѣта, на другіе-же не обращалъ вниманія. Одна дѣвочка трехъ мѣсяцевъ и мальчикъ пяти мѣсяцевъ, повидимому, съ удовольствіемъ смотрѣли на рисунки сплошь сѣраго цвѣта **), между тѣмъ какъ сынъ Генцмера ***) въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ жизни обращалъ особое вниманіе лишь на предметы бѣлаго цвѣта; послѣ этого періода онъ сталъ оказывать предпочтеніе другимъ яркимъ цвѣтамъ, въ особенности красному.

Рельманъ не замѣтилъ, чтобы ребенокъ съ разборомъ относился къ одинаковымъ предметамъ съ разной окраской ранѣе пятой недѣли и даже позже. Наблюдались случаи, когда ребенокъ выражалъ какую-то странную антипатію къ нѣкоторымъ цвѣтамъ. Случалось также наблюдать, что ребенокъ отказывался идти къ кому-бы то ни было, одѣтому въ черное.

Наблюденія надъ различеніемъ дѣтьми окраски тогда, когда дѣти понимаютъ и произносятъ слова, можно производить двояко. Можно назвать извѣстный цвѣтъ и предложить ребенку показать его, давъ ему нѣсколько разно-окрашенныхъ предметовъ, или-же можно показать ребенку предметъ и предложить ему назвать цвѣтъ. Прейеръ примѣнялъ оба способа, и вотъ каковы результаты его наблюденій. На двадцатомъ мѣсяцѣ неоднократныя попытки не привели ни къ какимъ результатамъ, и лишь въ началѣ третьяго года въ первый разъ были получены правильные отвѣты: на одиннадцать вѣрныхъ отвѣтовъ пришлось невѣрныхъ шесть. При этихъ наблюденіяхъ Прейеръ употреблялъ лишь два цвѣта: красный и зеленый. Затѣмъ былъ прибавленъ желтый, при чемъ этотъ цвѣтъ сразу сталъ такимъ, который ребенокъ легче всего различалъ (26-й мѣсяцъ). Выражая болѣе или менѣе правильное опредѣленіе цвѣтовъ въ процентахъ, мы видимъ, что на желтый приходилось 82% правильныхъ отвѣтовъ, на зеленый—77%, на красный—72%. Затѣмъ былъ прибавленъ синій цвѣтъ (blue—по-англійски значитъ синій и голубой), и вотъ каковы оказались результаты: правильные отвѣты относительно желтаго

*) Mrs. Talbot, «Papers on Infant Development», Boston, 1882.

**) Пэрэ, «Первые три года жизни ребенка».

***) Genzmer, op. c.

цвѣта составили 94%, относительно зеленаго 79%, относительно краснаго 70%, относительно синяго 69%. Далѣе наблюденія дѣлились съ шестью цвѣтами, причемъ результаты оказались слѣдующіе: желтый далъ 96% правильныхъ отвѣтовъ, фіолетовый—95%, красный—84%, сѣрый — 83%, зеленый—74%, синій—67%. Наблюденія были произведены на 26-мъ и 27-мъ мѣсяцахъ жизни ребенка. Наконецъ, двумя недѣлями позже опытъ былъ произведенъ съ девятью цвѣтами; результаты были слѣдующіе: желтый, сѣрый, коричневый и черный дали 100% вѣрныхъ отвѣтовъ, красный—94%, фіолетовый—85%, зеленый—36%, розовый—33%, синій—23%.

Прейеръ и впослѣдствіи повторялъ эти опыты, причемъ результаты оказались совершенно такіе-же. Въ качествѣ вывода изо всѣхъ этихъ опытовъ вплоть до 34-го мѣсяца жизни ребенка, можно указать слѣдующій порядокъ, въ какомъ дѣти способны разбирать цвѣта: желтый, коричневый, красный, фіолетовый, черный, розовый, оранжевый, сѣрый, зеленый, синій. Когда удаляли желтый и красный цвѣта, дитя съ меньшимъ интересомъ относилось къ опытамъ. Ребенокъ избѣгалъ синяго и зеленаго цвѣтовъ и большею частью ошибался въ распознаваніи ихъ, причемъ зеленый цвѣтъ называлъ «garnix» (т.-е. gar nichts—ничего).

Бинэ *) произвелъ рядъ опытовъ съ маленькой дѣвочкой между 32-ымъ и 40-ымъ мѣсяцомъ, причемъ, по моему разсчету, изъ его наблюденій приводятъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Первая серія опытовъ: красный 100%, зеленый 61%, желтый 52%.

Вторая серія опытовъ: красный 100%, синій 92%, каштановый и розовый 89%, фіолетовый 75%, зеленый 71%, бѣлый 62%, желтый 38%.

При этихъ опытахъ ребенокъ долженъ былъ показать цвѣтъ, который ему былъ названъ. Затѣмъ поступили наоборотъ: отъ ребенка потребовали назвать цвѣтъ предмета, который ему показывали. Результатъ былъ таковъ:

Первая серія опытовъ: красный 100% правильныхъ отвѣтовъ, желтый 0%.

Вторая серія: синій 100%, красный 96%, зеленый 82%, розовый 57%, фіолетовый 54%, каштановый 50%, бѣлый 45%, желтый 28%. (Бинэ говоритъ, что всякій разъ, когда ребенокъ дѣлаетъ ошибку въ распознаваніи желтаго цвѣта, онъ смѣшиваетъ его съ зеленымъ. Бинэ замѣтилъ также, что ребенокъ фіолетовый цвѣтъ смѣшивалъ съ синимъ).

Между результатами этихъ двухъ рядовъ наблюденій (Прейера

*) A. Binet, «Perceptions d'enfants», «Revue Philosophique», 1890, Décembre

*

и Бинэ) оказывается довольно замѣчательная разница. Напр., въ то время, какъ ребенокъ Прейера различалъ этотъ цвѣтъ лучше всѣхъ, дѣвочка Бинэ лишь съ величайшимъ трудомъ отличала этотъ цвѣтъ. То-же самое справедливо и относительно синяго цвѣта; въ одномъ случаѣ этотъ цвѣтъ стоитъ послѣднимъ, въ другомъ—почти первымъ *).

Наибольшее единообразіе заключается у дѣтей въ распознаваніи яркихъ цвѣтовъ, какъ, напр., краснаго **). Весьма возможно, что въ основѣ этого явленія лежитъ физіологическій фактъ, а именно то, что, когда глаза закрыты при яркомъ свѣтѣ, виденъ лишь одинъ красный цвѣтъ.

Для предшествующихъ опытовъ необходимо, чтобы ребенокъ зналъ названія цвѣтовъ окраски, и мы, конечно, никакъ не можемъ быть увѣрены въ томъ, что ошибка произошла отъ смѣшенія красокъ, а не отъ смѣшенія словъ. На этомъ основаніи слѣдующіе опыты Бинэ, мнѣ кажется, гораздо болѣе цѣнны. Вмѣсто «метода названія» (méthode d'appellation), какъ онъ называетъ описанный выше пріемъ, Бинэ примѣнялъ «методъ распознаванія» (méthode de reconnaissance), который заключается въ томъ, что ребенку показываютъ лоскутокъ извѣстнаго цвѣта, затѣмъ этотъ лоскутокъ кладутъ въ кучу такихъ-же лоскутковъ разныхъ цвѣтовъ, перемѣшивая ихъ еще разъ; затѣмъ ребенку предлагаютъ выбрать лоскутокъ того цвѣта, какой былъ раньше показанъ. Такимъ образомъ, здѣсь можно вовсе не употреблять названія цвѣтовъ окраски, и опытъ строго ограничивается однимъ распознаваніемъ и цвѣтомъ. Результаты этихъ опытовъ оказались болѣе удовлетворительными. Относительно трехъ цвѣтовъ—краснаго, зеленаго и желтаго—вовсе не было ошибокъ; даже при опытахъ съ семью цвѣтами и при нѣкоторомъ промежуткѣ между воспріятіемъ и послѣдующимъ распознаваніемъ того-же цвѣта ошибокъ оказалось весьма мало. Повидимому, изо всего этого мы въ правѣ сдѣлать выводъ, что для ребенка главная трудность заключается не въ распознаніи окраски, а въ установленіи твердой ассоціаціи между цвѣтомъ и словомъ, которымъ онъ обозначается ***).

*) Опыты Вольфа надъ дѣтьми въ школахъ города Линкольна (Небраска) дали результаты, отличные и отъ Прейера, и отъ Бинэ. Въ этихъ опытахъ цвѣта расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: бѣлый, черный и красный (почти безошибочно), затѣмъ: синій, желтый, зеленый, оранжевый, фіолетовый. Wolfe, «On the Color Vocabulary of Children».

**) Впрочемъ, ребенокъ, котораго наблюдала г-жа Шиннъ, не легко выучился различать красный цвѣтъ.

***) Критическія замѣчанія относительно этихъ методовъ и объясненіе еще одного метода см. въ статьѣ проф. Балдвина въ журналѣ «Science», 1893, апрѣль.

Истолкованіе зрительныхъ впечатлѣній (объективная интерпретація). Между способностями, существованіе которыхъ связано съ разными отправленіями глаза, медленнѣе всего развивается способность правильно истолковывать зрительныя впечатлѣнія. Вопросъ собственно относится скорѣе къ главѣ о воспріятіи и сужденіи, и здѣсь мы можемъ коснуться его лишь слегка.

Представленіе о разстояніи, отдѣляющемъ наблюдателя отъ предмета, и о формѣ самого предмета есть шагъ впередъ по сравненію съ простымъ актомъ «видѣнія» предмета; нужно, однако, сдѣлать еще шагъ дальше, чтобы быть въ состояніи понимать, *каковъ* именно видимый глазу *предметъ*, такъ чтобы умѣть отличить его отъ другихъ предметовъ и отдавать себѣ отчетъ въ отношеніи между нимъ и наблюдающимъ субъектомъ.

Дитя достигаетъ этой послѣдующей ступени въ развитіи зрѣнія медленно и съ большимъ трудомъ, при чемъ дѣлаетъ бездну промаховъ—результатовъ ошибокъ въ сужденіи, вызывая въ лицѣ, наблюдающемъ эти промахи, то сожалѣніе, то смѣхъ. Въ это время ребенку много помогаютъ чувство и инстинктъ, побуждая его совершать такія дѣйствія, которыя неопытный наблюдатель легко-бы могъ счесть за доказательство дѣятельности мысли, какъ, напр., такой фактъ, когда ребенокъ, которому не исполнилось еще и одного мѣсяца, сдѣлалъ недовольную мину при взглядѣ на горькое лекарство.

Обыкновенно, первымъ предметомъ, который узнаетъ ребенокъ, бываетъ лицо матери, видъ котораго вызываетъ улыбку на лицѣ ребенка всего нѣсколькихъ недѣль. Это первое распознаваніе имѣетъ очень неопредѣленный и неточный характеръ, какъ это ясно видно изъ того, напр., что ребенокъ «узнаетъ» сначала такимъ-же образомъ и всякое другое лицо, которое въ общемъ напоминаетъ лицо матери, или, напр., изъ того, что ребенокъ, начинающій узнавать отца, ласково улыбается и всякому другому бородатому мужчинѣ, лицо котораго попадетъ въ поле зрѣнія дитяти.

Долгое время ребенокъ знаетъ предметы не во всемъ ихъ объемѣ и обращаетъ скорѣе вниманіе на какой-нибудь поражающій его признакъ, все-же остальное еще не существуетъ для него. Вотъ причина возникновенія нѣкоторыхъ любопытныхъ ассоціацированныхъ группъ, о которыхъ мы будемъ говорить во главѣ о языкѣ.

Однако, приблизительно, около шестого мѣсяца можно замѣтить доказательства разумнаго пониманія многихъ обыкновенныхъ предметовъ. Ребенокъ, напр., иначе отвѣчаетъ на улыбку или поклонъ родителей и чужихъ. Зрительныя впечатлѣнія, связанныя съ пи-

щей и одеждой, быстро и прочно запечатлѣваются *). Но все-таки ребенокъ продолжаетъ дѣлать ошибки даже и много позже. Ребенокъ полуторыхъ лѣтъ пытается поднять лучъ солнца съ полу, пытается схватить собственное изображеніе въ зеркалѣ, потянуть за струю воды, стекающей съ губки, какъ будто-бы то былъ шнурокъ. Даже въ концѣ второго года картина представляется чѣмъ-то страннымъ ребенку и онъ предпочитаетъ дѣйствительность. Сынъ Сигизмунда, будучи двухъ лѣтъ, называлъ кругъ «тарелкой» (plate), квадратъ «конфеткой» (bonbon), тѣнь отца «папой». Сынъ Прейера, будучи много старше, называлъ квадратъ «окномъ», треугольникъ «крышей», кругъ «кольцомъ» и нѣсколько точекъ на бумагѣ «маленькими птичками». Поллокъ **) разсказываетъ объ одной дѣвочкѣ почти двухъ лѣтъ, которая, увидѣвъ рядъ точекъ на печатной страницѣ, вскрикнула: «булавки!» и стала пробовать подобрать ихъ, будучи затѣмъ крайне удивлена своей неудачей.

II. Слухъ.

Значеніе слуха, какъ органа, дающаго намъ возможность познавать внѣшній міръ, въ высшей степени важно. Однако, чувство слуха не только даетъ намъ значительную часть нашихъ познаній, не только оно представляетъ источникъ тончайшаго художественнаго наслажденія, оно, кромѣ того, играетъ столь важную роль въ развитіи рѣчи, что ребенокъ совершенно глухой отъ рожденія дѣлается и нѣмымъ.

Слухъ до рожденія. Возможность слуховыхъ ощущеній въ теченіе утробной жизни ребенка обусловливается двумя обстоятельствами: во-первыхъ, существованіемъ соотвѣтствующихъ стимуловъ, во-вторыхъ, проницаемостью тѣхъ проходовъ, по которымъ идетъ звукъ, и возбудимостью нервныхъ путей, по которымъ передается ощущеніе слуха. Относительно перваго надо сказать, что, вѣроятно, въ указанный періодъ есть много звуковъ, которые *могли-бы* производить слуховыя ощущенія въ плодѣ, какъ, напр., движенія внутренностей матери и даже самаго плода. Слуховой каналъ наполненъ клейкой массой, которая, вѣроятно, мѣшаетъ передачѣ необходимыхъ звуковыхъ вибрацій черезъ барабанную перепонку, если даже на время опустить изъ виду полное отсутствіе воздуха въ этомъ періодѣ. Самая барабанная перепонка въ это время имѣетъ не вертикальное положеніе, которое она получаетъ впослѣдствіи и которое, повидимому, необходимо для передачи звука, а скорѣе положеніе горизонтальное ***).

*) Прейеръ, «Душа ребенка».

**) F. Pollok, «An. infant's progress in language», Mind, vol. III, p. 392.

***) Schultze, «Die Sprache des Kindes». Leipzig, 1880.

Слухъ новорожденнаго. Черный (Czerney) въ своихъ опытахъ о сравнительной крѣпости сна въ разные періоды жизни не могъ примѣнить къ новорожденнымъ дѣтямъ простыхъ возбудителей, какіе онъ примѣнялъ къ взрослымъ, такъ какъ новорожденные не реагируютъ на звуковыя впечатлѣнія; ему пришлось примѣнять къ нимъ электрическій возбудитель [1]).

Кронеръ [2]) убѣдился рядомъ опытовъ, что ребенокъ въ первую недѣлю жизни ясно реагируетъ на сильныя звуковыя впечатлѣнія; крайне тщательные опыты Молденгауера подтверждаютъ то-же заключеніе. Г-жа Тэлботъ говоритъ, что одинъ ребенокъ былъ чувствителенъ къ слуху черезъ три часа послѣ рожденія. Сигизмундъ [3]) увидѣлъ первыя доказательства способности къ слуховымъ ощущеніямъ много позднѣе.

Пэрэ думаетъ, что возможно—черезъ посредство вибрацій—нѣчто соотвѣтствующее рудиментарному и общему неопредѣленному чувству слуха даже во время утробной жизни. Чэмпнисъ [4]) (Chatmneys) никакъ не могъ вызвать какого-нибудь отвѣта—вздрагиванія или чего-либо другого—въ продолженіе первой недѣли никакимъ шумомъ, какъ-бы онъ ни былъ громокъ, если этому шуму не сопутствовали другія вибраціи, кромѣ вибрацій воздуха. Куссмаулю никакъ не удалось произвести какое-бы то ни было впечатлѣніе въ первые дни жизни ребенка, какъ ни были громки или рѣзки звуки [5]). Онъ думаетъ, что чувство слуха глубже спитъ у новорожденнаго ребенка, нежели всякое другое чувство. Онъ-же, однако, приводитъ слова Фельдсбауша (Feldsbausch), ассистента гинекологической клиники въ Іенѣ, изъ которыхъ видно, что во многихъ случаяхъ чувство слуха было наблюдаемо у ребенка, начиная уже съ третьяго дня.

Генцмеръ нашелъ, что почти всѣ дѣти, надъ которыми онъ производилъ опыты, на первый день и, во всякомъ случаѣ, на второй жизни реагировали на слуховыя впечатлѣнія, но эта реакція была неодинакова у разныхъ дѣтей. Докторъ Денеке наблюдалъ, какъ ребенокъ черезъ шесть часовъ послѣ рожденія вздрогнулъ и закрылъ крѣпче глаза при звукѣ отъ удара одна о другую двухъ металлическихъ крышекъ. Прейеръ наблюдалъ одного ребенка, который вовсе

---

[1]) «Beobachtungen über den Schlaf im Kindesalter» (Jahrbücher für Kinderkrankheiten, N. F. XXXIII).

[2]) Kroner, «Ueber die Sinnesempfindungen der Neugeborenen», Breslau, 1882.

[3]) «Лишь по истеченіи нѣсколькихъ недѣль (отъ 3 до 8) можно видѣть, какъ ребенокъ вздрагиваетъ при внезапномъ шумѣ». «Kind und Welt.», стр. 27.

[4]) «Notes of an infant», Mind, VI.

[5]) «Около ушей не спящаго новорожденнаго въ первые дни жизни можно производить самые сильные и дисгармоническіе звуки, не производя на ребенка никакого впечатлѣнія». Kussmaul, «Untersuchungen» etc.

не реагировилъ на звукъ на третій день, и другого ребенка, который и на шестой день реагировалъ весьма слабо. Сёлли уже на второй день замѣтилъ ясное движеніе головы въ отвѣтъ на звукъ; то-же самое подтвердилъ профессоръ Балдвинъ. Бурдахъ утверждаетъ, что въ теченіе первой недѣли дитя ничего не слышитъ.

По поводу вышеизложенныхъ наблюденій можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія, которыя помогутъ читателю разобраться въ разногласіяхъ наблюдателей.

1) Въ одномъ отношеніи всѣ наблюдатели согласны: никому не удалось доказать, чтобы какой-либо ребенокъ что-нибудь слышалъ въ теченіе первыхъ часовъ жизни. Это вполнѣ согласно съ фактомъ, извѣстнымъ изъ физіологіи, что евстахіева труба не проходима и воздухъ не можетъ попасть въ среднее ухо, пока не пройдетъ извѣстное время послѣ того, какъ ребенокъ начнетъ дышать. Опыты Лессера показываютъ, что состояніе, свойственное уху во время утробной жизни ребенка, можетъ у недоношеннаго ребенка продлиться болѣе, нежели двадцать часовъ послѣ рожденія.

2) Вздрагиваніе въ отвѣтъ на громкій шумъ часто можетъ быть обусловлено вибраціями, которыя дѣйствуютъ на все тѣло и производятъ нервное потрясеніе. Извѣстно, напр., что дѣти вздрагиваютъ при хлопаньи дверью, но не испытываютъ ничего подобнаго отъ крика, какъ-бы онъ ни былъ силенъ. Очевидно, что въ первомъ случаѣ дѣти скорѣе *чувствуютъ рѣзкій ударъ*, чѣмъ слышатъ шумъ.

3) Дальнѣйшія разногласія между наблюденіями, которыя не объясняются предшествующими соображеніями, можно истолковать различіемъ въ степени зрѣлости дѣтей при рожденіи и различіемъ въ быстротѣ, съ которой наступаютъ физіологическія приспособленія, необходимыя для правильнаго отправленія разныхъ органовъ чувствъ. Какъ общее заключеніе, мы должны вывести, что періодъ начала слуха колеблется, сообразно вышеприведеннымъ соображеніямъ, между шестымъ часомъ и третьей недѣлей. Если на четвертой недѣлѣ здоровый, нормальный ребеномъ относится безучастно къ сильному звуку, раздавшемуся позади него, то есть основаніе опасаться, что ребенокъ будетъ глухонѣмымъ *).

Что касается локализаціи звуковъ, то ухо, оказывается, приноситъ не особенно много пользы въ этомъ отношеніи въ виду его относительной неподвижности. Даже взрослый съ трудомъ можетъ отличить звукъ, раздавшійся этажемъ выше, отъ звука, идущаго съ нижняго этажа, если рѣшенію вопроса не помогаютъ нѣкоторыя постороннія соображенія.

---

*) Прейеръ, «Душа ребенка».

Ребенокъ Чампниса (Champneys) на четырнадцатый день повернулъ голову по направленію голоса матери, но, вѣроятно, причиной этого былъ не только звукъ, но и ощущеніе дыханія матери на одной изъ его щекъ, такъ какъ дитя не сдѣлало того-же, когда лицо матери при крикѣ было повернуто въ другую сторону. Не принимая поэтому во вниманіе это наблюденіе, мы находимъ, что періодъ, въ который, по наблюденіямъ, дѣти въ первый разъ повертываютъ голову по направленію звука, находится между десятой недѣлей [1]) и семнадцатой [2]). Одинъ ребенокъ поворачивалъ иногда голову по направленію звука на шестнадцатой недѣлѣ [3]). Другой, четырехъ мѣсяцевъ и 10 дней, «всегда поворачивалъ голову совершенно по произвольному направленію [4]). Третій въ первый разъ повернулъ свою голову по направленію звука на одиннадцатой недѣлѣ, а на шестнадцатой это движеніе совершалось съ точностью рефлекторнаго движенія [5]), наконецъ, еще одинъ ребенокъ пяти мѣсяцевъ, услышавъ шумъ колесъ на улицѣ, зналъ, къ какому окну слѣдовало подойти, чтобы посмотрѣть на проѣзжающіе экипажи [6]). Шультце говоритъ, что активное прислушиваніе со вниманіемъ началось со второй половины перваго года.

Не только замѣчается такая разница между дѣтьми, но и у одного и того-же ребенка умѣнье локализировать источникъ звука совершенствуется по мѣрѣ упражненія. Вышеуказанная разница въ результатахъ наблюденій несомнѣнно отчасти объясняется уклоненіями въ степени быстроты, съ какой наступаетъ физіологическое развитіе уха.

Въ концѣ четвертаго мѣсяца нормальный ребенокъ уже успѣваетъ сдѣлать большіе успѣхи *въ пониманіи значенія звуковъ*, т.-е. въ истолкованіи звуковъ по ихъ *тэмбру*. Но и здѣсь замѣчается большая разница въ результатахъ наблюденій. Сынъ Тидемана сталъ обращать вниманіе на жесты на тринадцатый день. Обращенныя къ ребенку слова могли вызвать у него слезы или остановить ихъ, смотря по тому, какимъ они были произнесены тономъ. Другой ребенокъ шестнадцати дней, по словамъ наблюдавшаго его, прекращалъ иногда плачъ, когда мать говорила съ нимъ ласково. Будучи двухъ мѣсяцевъ, онъ различалъ сердитый и громкій лай собакъ и лай со-

---

[1]) H. Taine, «De l'intelligence».

[2]) Ch. Darwin, «Biographical skech of an infant», Mind, vol. II (Біографическій очеркъ жизни ребенка).

[3]) Shinn, «Notes on the development of a child», 1893.

[4]) Tiedemann, «Record of an infant life».

[5]) Прейеръ, «Душа ребенка».

[6]) E. Brown, «The baby'smind».

баки, которая ласкается къ хозяину: первый пугалъ ребенка, второй быстро его успокаивалъ. Дѣвочка трехъ съ половиной мѣсяцевъ «знаетъ, когда ее бранятъ» (Пэрэ, «Первые три года жизни ребенка»). Съ другой стороны, изъ ста дѣтей, которыхъ наблюдалъ докторъ Демме, онъ нашелъ только двухъ, которые, будучи трехъ съ половиной мѣсяцевъ, знали голоса своихъ родителей *). Другой наблюдатель разсказываетъ, что у двухмѣсячнаго ребенка нельзя было замѣтить пониманія обыкновенныхъ звуковъ, но что дѣти четырехъ съ половиной мѣсяцевъ иногда узнавали голосъ **).

Замѣченная разница между дѣтьми несомнѣнно въ извѣстной мѣрѣ объясняется наслѣдственностью, отчасти-же она имѣетъ искусственное происхожденіе и объясняется обстоятельствами развитія ребенка. Обыкновенный (средній) ребенокъ, повидимому, начинаетъ понимать значеніе тоновъ между вторымъ и четвертымъ мѣсяцемъ.

Наблюдая за развитіемъ у ребенка слуха, весьма интересно прослѣдить въ связи съ этимъ развитіе *способности къ оцѣнкѣ музыки*. Эта способность такъ тѣсно связана съ развитіемъ эстетической натуры ребенка, что она заслуживаетъ внимательнаго изученія психологовъ и педагоговъ.

Въ музыкѣ есть два главныхъ источника удовольствія: ритмическія движенія и мелодія—размѣръ и тонъ. Что касается перваго, то, повидимому, можно съ основаніемъ утверждать, что всякій здоровый, нормальный ребенокъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ рожденія способенъ находить удовольствіе въ ритмическихъ движеніяхъ. Одинъ мальчикъ шестнадцати дней былъ успокоенъ тихими, мѣрными движеніями матери. Первыя музыкальныя впечатлѣнія имѣютъ физіологическое объясненіе. Повидимому, можно утверждать, что у человѣка есть *чувство* ритма. Рядъ музыкальныхъ звуковъ вызываетъ притокъ крови къ мозгу слушающаго, а сильное возбужденіе мозга выражается въ живыхъ чувствахъ и въ энергичныхъ движеніяхъ. Такимъ образомъ, музыка вполнѣ соотвѣтствуетъ столь сильной у ребенка потребности къ мышечной дѣятельности. Сюда-же присоединяется и соціальный инстинктъ: ребенокъ находитъ больше удовольствія въ шумѣ и движеніяхъ, когда кто-нибудь находится съ нимъ, принимая участіе въ его движеніяхъ.

Что касается второго пункта, мы можемъ смѣло утверждать, что ни одинъ здоровый, нормальный ребенокъ не лишенъ вовсе музыкальнаго «уха». Намъ никогда не приходилось читать, чтобы ребенокъ, за развитіемъ котораго внимательно слѣдили, оказался-бы со-

*) См. Прейеръ, «Душа ребенка».

**) S. Chaille, «Infants, their Chronological Progress» (Хронологія развитія дѣтей, «New-Orleans Medical Journal», June, 1887.

вершенно лишеннымъ способности находить удовольствіе въ музыкальныхъ звукахъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ наблюдатели сообщаютъ факты, прямо противоположные.

Почти всегда дѣти съ самаго ранняго возраста выказываютъ живой интересъ къ музыкѣ. Въ одномъ случаѣ намъ сообщаютъ, что ребенокъ одного мѣсяца выказывалъ восхищеніе, слушая пѣніе и игру *). Случалось, что дѣти двухъ недѣль прекращали движенія своими членами и, повидимому, прислушивались, когда въ сосѣдней комнатѣ начинали играть на фортепіано **).

Начиная съ шестой или седьмой недѣли и въ особенности со второй половины перваго года жизни, удовольствіе, которое находитъ ребенокъ въ музыкѣ, ясно видно изъ тѣхъ мышечныхъ движеній, которыми онъ сопровождаетъ музыку и отъ которыхъ онъ, повидимому, не можетъ удержаться. Ребенокъ съ живымъ удовольствіемъ слушаетъ колыбельную пѣснь матери, а когда онъ дѣлается постарше, то старается даже воспроизвесть ее своимъ очаровательнымъ дѣтскимъ лепетомъ.

Ребенокъ часто оказывается способнымъ различать даже эмоціональный элементъ въ музыкѣ. Женщина-врачъ Броунъ разсказываетъ объ одномъ ребенкѣ, котораго она наблюдала въ Нью-Іоркѣ; будучи всего пяти съ половиной мѣсяцевъ, онъ начиналъ плакать, когда мать играла грустную мелодію, и сразу останавливалъ плачъ, начиналъ подпрыгивать, хлопать ручками и смѣяться, если мать переходила къ веселому мотиву.

По нашему мнѣнію, совершенно справедливо кто-то замѣтилъ, что существуетъ нѣкоторая симпатія между голосомъ и ухомъ, которая предшествуетъ индивидуальному опыту человѣка и которая даже не зависитъ отъ нормальнаго развитія мозга. Даже дѣти-идіоты (если только они не глухи), которые въ состояніи сказать лишь нѣсколько простыхъ словъ и слоговъ, могутъ пѣть, и когда поютъ, то употребляютъ и такія слова, которыми въ разговорѣ они не пользуются. При всемъ томъ нельзя забывать, что мозговая и умственная природа ребенка крайне пластичная и что поэтому звуки, которые сначала не нравятся ребенку, затѣмъ дѣлаются для него сносными и даже пріятными. Ребенокъ гораздо скорѣе взрослаго привыкаетъ ко всякаго рода шумнымъ звукамъ и скоро начинаетъ восторгаться всякимъ грубымъ, рѣзкимъ и громкимъ звукомъ, въ особенности, если онъ самъ производитъ чѣмъ-нибудь эти звуки. Поэтому, при воспитаніи надо обращать особое

*) Пэрэ, «Первые три года жизни ребенка».

**) Mrs Talbot, «Papers on infant development».

вниманіе на развитіе слуха. Какъ выше было сказано, есть полное основаніе думать, что всѣ дѣти рождаются со способностью находить удовольствіе въ музыкѣ, хотя, конечно, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ раннемъ дѣтствѣ, въ продолженіе первыхъ четырехъ или пяти лѣтъ, весьма легко или развить эту музыкальную способность, или уничтожить ее. Если дитя слышитъ каждый день рѣзкіе, грубые, негармоничные звуки, оно скоро начинаетъ находить въ нихъ такое-же удовольствіе, какъ и въ самыхъ гармоничныхъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ родителей и учителей есть средство, развивая музыкальныя способности ребенка, въ высшей степени содѣйствовать счастію всей его послѣдующей жизни и сохраненію чистоты его характера *).

III. Осязаніе.

Осязаніе иногда называютъ универсальнымъ чувствомъ, потому что въ то время какъ зрѣніе, слухъ и прочія чувства имѣютъ свой особый, занимающій извѣстную часть тѣла, органъ, осязать можетъ всякая часть тѣла, такъ какъ безчисленное множество чувствительныхъ къ осязанію нервныхъ нитей распредѣляется по всей кожѣ, причемъ отъ каждой изъ нихъ раздраженіе можетъ передаваться въ мозгъ. Изъ этого очевидна важность осязанія.

Нѣкоторые писатели даже доходятъ до того, что считаютъ осязаніе основнымъ чувствомъ, сдѣлавъ попытку свести всѣ другія чувства къ осязанію. Не раздѣляя такого крайняго взгляда, мы можемъ однако вполнѣ признать чрезвычайную важность этого чувства для умственнаго развитія ребенка, основываясь на извѣстныхъ фактахъ, удостовѣряющихъ, что дѣти, которыя отъ рожденія или вообще съ ранняго дѣтства были лишены другихъ чувствъ или важнѣйшихъ изъ нихъ, тѣмъ не менѣе почти черезъ посредство одного осязанія достигли замѣчательной степени умственнаго и нравственнаго развитія **).

Съ своей стороны, мы попытаемся отвѣтить на слѣдующіе три вопроса: 1) Когда начинаются первыя осязательныя ощущенія? 2) Какова сравнительная чувствительность къ осязанію разныхъ

*) «Какъ выразился превосходно одинъ поэтъ, ухо есть дорога къ сердцу. Окружить ребенка атмосферой пріятныхъ, нѣжныхъ, радостныхъ звуковъ—это значитъ содѣйствовать его счастію въ настоящемъ и готовить для него источникъ радости въ будущемъ, укрѣпляя вмѣстѣ съ тѣмъ и его нравственную природу». Perez, «Education morale dès le berceau». Paris 1888.

**) Lamson, «Life and Education of Laura Bridgman». Boston, 1878. (Жизнь и воспитаніе Лауры Бриджманъ).

частей тѣла? 3) Насколько осязательная способность можетъ быть развита воспитаніемъ?

1) Всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что чувство осязанія въ значительной мѣрѣ упражняется уже въ утробный періодъ жизни ребенка. Еще Кабанисъ *) выразилъ мнѣніе, что осязаніе есть единственное изъ чувствъ, которое въ первые-же дни жизни доставляетъ ребенку опредѣленныя воспріятія (perceptions), «вѣроятно, потому, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ единственное, которое упражняется до рожденія».

Куссмауль думаетъ, что это чувство пробуждается въ зародышѣ прикосновеніемъ къ стѣнкамъ матки. Пэрэ утверждаетъ, что неясныя осязательныя ощущенія существуютъ въ періодъ утробной жизни. Прейеръ полагаетъ также, что въ этомъ періодѣ существуютъ осязательныя ощущенія, но далеко менѣе сильныя, чѣмъ въ послѣдующей жизни. Сёлли говоритъ объ осязаніи, какъ о первомъ чувствѣ, которое проявляется въ жизни ребенка. Эразмъ Дарвинъ **) полагалъ, что плодъ черезъ посредство осязанія получаетъ нѣкоторое представленіе о своей собственной формѣ и о самой маткѣ (uterus). Это мнѣніе раздѣляется почти всѣми авторитетами, на которыхъ мы здѣсь ссылаемся, и оно не подлежитъ болѣе сомнѣнію послѣ опытовъ Куссмауля и Генцмера надъ недоношенными дѣтьми, у которыхъ чувство осязанія, какъ оказалось, вполнѣ правильно работало непосредственно послѣ рожденія, хотя въ продолженіе значительнаго времени оно не сопровождается никакимъ опредѣленнымъ сознаніемъ вызывающаго ощущеніе объекта и остается чисто субъективнымъ чувствомъ.

2) Разница въ чувствительности къ осязанію разныхъ частей тѣла не такъ велика въ началѣ жизни сравнительно съ тѣмъ, какой она бываетъ впослѣдствіи. Въ утробѣ окружающая среда была однородна, но, начиная съ рожденія, среда становится все болѣе и болѣе разнообразной, такъ что тѣ части тѣла, которыя постоянно подвержены соприкосновенію съ внѣшнимъ міромъ, становятся относительно мало чувствительны, тогда какъ тѣ, которыя и впослѣдствіи болѣе или менѣе защищены, какъ, напр., глазъ или языкъ, полнѣе удерживаютъ свою первоначальную чувствительность. Тѣмъ не менѣе уже съ самаго начала замѣчается поразительная разница въ чувствительности различныхъ частей тѣла.

Верхняя поверхность языка чрезвычайно чувствительна. Куссмауль вводилъ тонкую стеклянную палочку въ ротъ новорожден-

*) Op. cit.

**) Весьма извѣстный въ свое время врачъ, философъ и поэтъ, дѣдъ геніальнаго Чарльза Дарвина. *Прим. перев.*

нымъ дѣтямъ, вызывая каждый разъ быстрыя отвѣтныя движенія, характеръ которыхъ измѣнялся въ зависимости отъ того, какой части языка касался наблюдатель. Когда палочка касалась языка около его кончика, губы сейчасъ-же вытягивались впередъ, кончикъ языка обвивалъ окопечность палочки и начинались сосущія движенія. Когда-же палочка касалась задней части языка около его корня (root), то всѣ отвѣтныя движенія—выраженіе лица, движеніе рта и т. д.—все указывало на приближающуюся рвоту. Подобные-же результаты были получены Кронеромъ и Генцмеромъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чувствительно-двигательнымъ рефлекторнымъ актомъ, который установляется еще до рожденія. То-же справедливо и относительно *губъ*, которыя, подобно языку, съ самаго-же рожденія ребенка обладаютъ поразительной чувствительностью. Даже легчайшее прикосновеніе перомъ производило складываніе губъ для сосанія на шестой день отъ рожденія *), тотъ-же результатъ имѣлъ легчайшій ударъ по губамъ на пятый **) и даже на первый день ***).

Одна изъ самыхъ чувствительныхъ къ прикосновенію частей тѣла есть слизистая оболочка, выстилающая внутренность носовыхъ полостей. Чувствительность ея была замѣчена на первый-же день жизни ребенка. «Щекотаніе перомъ внутренней поверхности носовыхъ полостей вызываетъ у дѣтей сначала миганіе глазъ, которое бываетъ сильнѣе и проявляется скорѣе на той сторонѣ, на которой происходитъ щекотаніе; если продолжать щекотаніе, то дитя не только закрываетъ глаза и нахмуриваетъ брови, но и начинаетъ двигать головой и руками, протягивая послѣднія къ лицу ****). По-видимому, изъ наблюденій того-же изслѣдователя слѣдуетъ, что эта чувствительность слизистой оболочки образуется только къ концу утробной жизни ребенка, такъ какъ подобные-же опыты надъ дѣтьми, родившимися на седьмомъ мѣсяцѣ, не привели ни къ какому результату.

Слѣдующими по чувствительности (пожалуй, ихъ слѣдовало поставить даже раньше) надо считать различныя части глаза: рѣсницы, соединительную оболочку и роговую оболочку. Изъ нихъ Куссмауль и Кронеръ считаютъ наиболѣе чувствительными къ прикосновенію рѣсницы. Куссмауль говоритъ: «рѣсницы необыкновенно чувствительны даже къ малѣйшимъ раздраженіямъ. Если ребенокъ не спитъ и у него открыты глаза, то можно прижать стеклянную палочку почти

*) Прейеръ, «Душа ребенка».

**) Kussmaul, «Untersuchungen» etc.

***) Kroner, op. cit.

****) Kussmaul, «Untersuchungen» etc.

къ самой роговой оболочкѣ, прежде чѣмъ ребенокъ закроетъ глаза; но, если хотя чуть-чуть коснуться одной изъ рѣсницъ, глазъ сейчасъ-же закрывается. Дотрагиваніе до вѣкъ далеко не сопровождается такой быстрой реакціей; она не всегда вызываетъ морганіе, какъ дотрогиваніе рѣсницъ». Затѣмъ Куссмауль говоритъ также, что, если дуть въ трубку, свернутую изъ бумаги, въ лицо ребенка, то морганіе бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда струя воздуха попадаетъ на одну изъ рѣсницъ. Генцмеръ и Прейеръ въ этомъ случаѣ расходятся съ Куссмаулемъ, утверждая, что роговая оболочка болѣе чувствительна, нежели рѣсницы.

Эти факты интересны, такъ какъ они имѣютъ значеніе для рѣшенія вопроса о томъ, къ чему глазъ проявляетъ раньше чувствительность: къ зрительнымъ впечатлѣніямъ или къ осязательнымъ. Не разъ было замѣчено, что ребенокъ въ теченіе извѣстнаго періода не моргаетъ, когда кто-нибудь дѣлаетъ быстрое движеніе по направленію къ его глазу, если только, конечно, палецъ не приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ глазомъ. Повидимому, это даетъ намъ право утверждать, что осязательныя рефлекторныя движенія развиваются раньше, чѣмъ зрительныя.

Если дотрогиваться до кончика носа, оба глаза плотно закрываются. Если дотрогиваться до одной стороны, то, вообще говоря, глазъ закрывается лишь съ той стороны, которой касаются. Если раздраженіе увеличивать, глаза закрываются и голова откидывается назадъ. Это—врожденное защитительное рефлекторное движеніе.

Если щекотать ладонь руки новорожденнаго ребенка, то пальцы сжимаются около того мѣста, гдѣ происходитъ щекотаніе *). Повидимому, кожа на лицѣ еще болѣе чувствительна. Если щекотать пятку ноги, то этимъ вызываются весьма энергичныя рефлекторныя движенія, какъ, напр., сгибаніе колѣнъ и бедренныхъ сочлененій, сгибаніе и вытягиваніе пальцевъ на ногахъ и т. д. У дѣтей, однако, реакція наступаетъ позже, чѣмъ у взрослыхъ, и иногда промежутокъ между раздраженіемъ и реакціей доходитъ до двухъ секундъ.

Ударъ плашмя производитъ бо́льшее впечатлѣніе, нежели щипанье (prick); къ послѣднему нѣкоторыя дѣти относительно индифферентны. При ударѣ плашмя раздражается большее число окончаній нервныхъ нитей, а потому реакція наступаетъ скорѣе. Большая впечатлительность взрослаго человѣка къ воспріятіямъ чувствъ, вообще говоря, объясняется болѣе совершеннымъ развитіемъ центральной нервной системы, а никакъ не превосходствомъ въ раздражимости периферическихъ окончаній или самихъ нервныхъ стволовъ.

---

*) Kussmaul, «Untersuchungen» etc.

Остальныя части тѣла, по своей чувствительности къ осязательнымъ впечатлѣніямъ, въ общемъ располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: слуховой аппаратъ *), предплечье, нога, плечо, грудь, животъ, спина, верхняя часть бедра.

Способность чувства осязанія къ развитію путемъ соотвѣтственнаго воспитанія чрезвычайно велика, какъ это несомнѣнно слѣдуетъ изъ тѣхъ успѣховъ, которыхъ въ этомъ отношеніи достигаютъ слѣпые отъ рожденія, какъ, напр., искусство, съ которымъ они читаютъ путемъ осязанія и т. п. Какъ путь къ познанію міра, чувство осязанія стоитъ весьма высоко; оно много содѣйствуетъ первому знакомству ребенка съ внѣшнимъ міромъ и вмѣстѣ съ зрѣніемъ и мускульнымъ чувствомъ даетъ возможность ребенку составить первыя представленія объ отношеніяхъ пространства и времени.

Это-же чувство въ значительной мѣрѣ помогаетъ ребенку составить понятіе о себѣ самомъ, какъ о чемъ-то отдѣльно стоящемъ отъ остального міра: въ первый разъ, вѣроятно, такое сознаніе приходитъ послѣ послѣдовательныхъ попытокъ дотрогиваться до какой-нибудь части собственнаго тѣла, и затѣмъ—до какого-нибудь внѣшняго предмета и ощущенія разницы между впечатлѣніями въ обоихъ случаяхъ **).

Однако даже прежде, нежели начнутся активныя осязательныя ощущенія, въ основаніе воспитанія ребенка въ этомъ отношеніи ложатся пассивныя осязательныя ощущенія, которыя съ самаго начала жизни ребенка не только доставляютъ ему и удовольствіе, и боль, но въ то-же время, будучи болѣе частыми и болѣе разнообразными, чѣмъ ощущенія, доставляемыя другими чувствами, раньше и въ большей мѣрѣ, нежели какое-нибудь изъ этихъ чувствъ, содѣйствуютъ развитію ребенка и постепенному его ознакомленію съ міромъ внѣшнихъ предметовъ, которыми онъ окруженъ ***).

IV. Вкусъ.

По мнѣнію Сигизмунда ****), вкусъ, есть первое чувство, которое даетъ отчетливыя воспріятія, запечатлѣвающіяся въ памяти. Упражненіе этого чувства не только съ самаго-же начала жизни ребенка связано съ его первыми, основными нуждами и удовлетвореніемъ ихъ,

*) Ребенокъ, котораго наблюдалъ Прейеръ во второй четверти перваго года, сразу переставалъ плакать и совершенно успокаивался, если ему въ это время осторожно вводили палецъ въ ушную раковину.

**) Shinn, op. cit.

***) См. по этому поводу Perez, «Education Morale dès le berceau», Chap. V.

****) Sigismund, «Kind und Welt».

но, какъ можно почти съ достовѣрностью утверждать, даже въ утробный періодъ вкусъ до извѣстной степени пробуждается поглощеніемъ околоплодной жидкости. Многочисленными и тщательными изслѣдованіями подтверждается, что дитя вполнѣ способно испытывать настоящія ощущенія вкуса въ самые первые моменты жизни. Хотя въ теченіе нѣкотораго времени ребенокъ менѣе воспріимчивъ ко вкусовымъ ощущеніямъ и не такъ вѣрно реагируетъ на нихъ, какъ взрослый человѣкъ, тѣмъ не менѣе, если ребенку ввести въ ротъ какое-либо вкусовое вещество, то полученное ощущеніе является результатомъ раздраженія вкусовыхъ сосочковъ и нервовъ, а не представляетъ собой одинъ изъ видовъ осязательныхъ впечатлѣній, какъ это утверждали нѣкоторые писатели. Куссмауль произвелъ опыты надъ двадцатью дѣтьми въ продолженіе перваго дня ихъ жизни, надъ нѣкоторыми изъ нихъ даже въ первыя минуты жизни, и получилъ нижеслѣдующіе результаты. Дѣтямъ были вводимы въ ротъ одинъ за другимъ растворы сахара и хинина, при чемъ растворы были подогрѣты, такъ чтобы температура растворовъ не могла вліять на качество раздраженія; въ результатѣ оказалось, что у дѣтей наблюдались тѣ-же самыя движенія лица, которыя у взрослыхъ считаются за внѣшнія выраженія, сочувствующія воспріятію чего-нибудь сладкаго или горькаго». Сахаръ заставлялъ дѣтей вытягивать губы, прижимая къ нимъ языкъ, дѣлать тѣ-же движенія губъ, какъ для сосанья и проглатыванья. Когда-же вводили растворъ хинина, лицо у ребенка искажалось, глаза закрывались, высовывался языкъ, ребенокъ какъ-бы захлебывался, причемъ жидкость изрыгалась при обильномъ слюнотеченіи. «Иногда при этомъ замѣчались сильныя качанія головой, какъ это бываетъ у взрослыхъ во время рвоты» *).

Такіе-же результаты были получены и при опытахъ надъ недоношенными дѣтьми, что показываетъ, что это рефлекторное движеніе можетъ проявляться и до рожденія. Куссмауль прибавляетъ, однако, что онъ замѣтилъ въ этомъ отношеніи большую разницу между дѣтьми: нѣкоторыя оказались гораздо менѣе воспріимчивы, чѣмъ другія. Случалось также, что дѣти сначала, повидимому, впадали въ ошибку, такъ какъ они иногда на сахаръ отвѣчали выраженіемъ лица, соотвѣтствующимъ ощущеніямъ отъ горькаго, но это, вѣроятно, являлось результатомъ удивленія, возбужденнаго *новизной* ощущенія, такъ какъ скоро это выраженіе лица смѣнялось соотвѣтствующимъ раздраженію выраженіемъ. Куссмауль убѣдился также, посредствомъ этихъ опытовъ, что ощущеніе вкуса сосредоточивается на кончикѣ и на краяхъ языка, середина-же задней части языка вовсе не реагировала на вкусовыя раздраженія.

*) Kussmaul, «Untersuchungen» etc.

Генцмеръ, дѣлая опыты съ двадцатью пятью дѣтьми, изъ которыхъ большинство только что родилось на свѣтъ, получилъ результаты, вполнѣ согласные съ результатами наблюденій Куссмауля. Онъ однако замѣтилъ, что во многихъ случаяхъ введеніе въ ротъ слабаго раствора хины вызывало сосательныя движенія, тогда какъ болѣе сильный растворъ вызывалъ картину раздраженія отъ «горькаго», обнаруживая, такимъ образомъ, что въ это время у ребенка чувствительность вкуса слабѣе, чѣмъ впослѣдствіи *).

Развитіе воспріятій вкуса (taste perception) у ребенка представляетъ большой интересъ и важность. Пріятныя и непріятныя вкусовыя впечатлѣнія играютъ важную роль въ раннемъ воспитаніи ребенка. Ротъ скоро дѣлается «испытующимъ» органомъ, къ которому подносятся всѣ предметы и посредствомъ котораго познаются ихъ качества. Сынъ Прейера на второй день жизни безъ колебанія выпилъ коровьяго молока, разведеннаго водой, котораго, однако, на четвертый день онъ уже принимать не хотѣлъ. На шестомъ мѣсяцѣ онъ началъ отказываться сосать грудь (которую ему давали сосать только ночью), такъ какъ подслащенное коровье молоко, которое онъ пилъ днемъ, было нѣсколько слаще. Съ этихъ поръ и въ особенности послѣ отнятія отъ груди, вкусъ его сталъ значительно разборчивѣе, а на четвертомъ и пятомъ году онъ сдѣлался въ этомъ отношеніи такъ «прихотливъ», что даже одинъ видъ нѣкоторыхъ родовъ пищи вызывалъ въ немъ такое выраженіе лица, какое бываетъ при тошнотѣ и т. п.

Пэрэ говоритъ, что чувство вкуса слабо развито въ новорожденномъ, но все-же оно у него есть. Ребенокъ, котораго наблюдалъ Пэрэ, различалъ по вкусу молоко отъ подслащенной воды и подслащенную воду отъ простой воды. Однако въ дѣтяхъ наблюдается большая разница въ чувствительности къ вкусовымъ ощущеніямъ. Бывали примѣры, что шестимѣсячнаго ребенка удавалось склонить выпить горькаго лекарства, измѣнивъ его цвѣтъ. Съ другой стороны, ребенокъ $2^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ не хотѣлъ пить молоко изъ своей бутылки, потому что молоко не было подслащено. Большинство дѣтей весьма рано начинаетъ различать кислый вкусъ въ нѣкоторыхъ веществахъ.

Вообще говоря, надо сказать, что вкусы дѣтей измѣняются весьма легко, а потому ихъ можно воспитывать почти въ любомъ направленіи по желанію. Сверхъ того, вкусы одного и того-же ребенка подвержены частымъ измѣненіямъ: состояніе здоровья, температура пищи (послѣднее обстоятельство, по мнѣнію Чампнейса, имѣетъ болѣе

*) Къ тому-же результату привели наблюденія Кронера, Фелинга и нѣкоторыхъ другихъ.

важное значеніе, нежели самый вкусъ ея) и многія другія обстоятельства вносятъ элементъ неустойчивости во вкусовыя ощущенія.

V. Обоняніе.

Вкусъ и обоняніе такъ тѣсно связаны между собой, что ихъ, пожалуй, можно было-бы разсматривать вмѣстѣ. Вкусъ разныхъ веществъ въ значительной степени зависитъ отъ ихъ запаха. Оба эти чувства походятъ одно на другое относительной неопредѣленностью соотвѣтствующихъ воспріятій, а также и тѣмъ фактомъ, что оба рода воспріятій имѣютъ длительный характеръ, а потому послѣдовательный рядъ ихъ не такъ легко можетъ быть расчлененъ, какъ воспріятія высшихъ чувствъ.

Для возможности обонятельныхъ ощущеній необходимо присутствіе воздуха въ носовыхъ полостяхъ, поэтому таковыхъ ощущеній не можетъ быть прежде, нежели начнется дыханіе, слѣдовательно они невозможны до рожденія на свѣтъ.

Тщательные опыты надъ новорожденными дѣтьми показываютъ, однако, что дѣти способны ощущать *сильный* запахъ уже въ первые часы жизни. Мы располагаемъ отчетомъ о наблюденіяхъ надъ 50-ю дѣтьми, изъ которыхъ большинству не исполнилось однихъ сутокъ, нѣкоторымъ-же было всего 15 минутъ. Опыты дѣлались съ assa foetida (вонючая камедь), одною foetida и oleum dipelli *)

Опыты были произведены надъ дѣтьми во время сна и во время бодрствованія для того, чтобы избѣжать ошибочнаго толкованія жестовъ и выраженія лица. Въ результатѣ оказалось, что отъ этихъ запаховъ дѣти обнаруживали безпокойство, закрывали плотнѣе вѣки, выраженіе лица ихъ искажалось; затѣмъ они начинали двигать руками и ногами и, наконецъ, просыпались иногда даже съ плачемъ. По удаленіи источника дурного запаха дѣти вновь засыпали. Къ такимъ-же результатамъ привели опыты надъ дѣтьми, рожденными 8-ми мѣсяцевъ; наблюденія-же надъ дѣтьми, которыя родились еще менѣе доношенными, не дали такихъ-же результатовъ **).

Съ ростомъ ребенка прогрессируетъ и степень воспріимчивости его обоянія, хотя не такъ быстро, какъ его высшія чувства. Дѣвочки 18-ти часовъ настойчиво отказывались отъ соски, въ которую было втерто немного керосину, но охотно взяли другую соску. Другой ребенокъ отказался отъ коровьяго молока, когда оно было только *поднесено близко къ нему*. Одинъ ребенокъ тринадцати дней

*) Сильно пахнущія вещества, о которыхъ (т.-е. двухъ послѣднихъ) нельзя было найти свѣдѣній даже въ фармацевтическихъ словаряхъ. *Прим. перев.*

**) Kussmaul, «Untersuchungen» etc.

отказывался отъ нѣкоторыхъ лекарствъ, руководясь только ихъ запахомъ.

Ясное различеніе пріятныхъ и непріятныхъ запаховъ съ отказомъ отъ послѣднихъ наблюдалось во многихъ случаяхъ у дѣтей съ начала второго мѣсяца ихъ жизни. У нѣкоторыхъ дѣтей со второй половины перваго года эта способность къ различенію запаховъ дѣлала весьма замѣтные успѣхи, такъ что даже можно было наблюдать у нихъ настоящее наслажденіе запахомъ цвѣтовъ.

При всемъ этомъ обоняніе у дѣтей все-таки далеко не такъ чувствительно, какъ у взрослыхъ. Иногда дѣти, повидимому, нисколько не тяготятся запахами, которые для взрослаго человѣка кажутся крайне непріятными. Кромѣ того, чувствительность дѣтей къ запахамъ очень скоро утрачивается вслѣдствіе частаго повторенія ихъ или вслѣдствіе непрерывности раздраженія, что, хотя и въ меньшей мѣрѣ, справедливо и относительно взрослыхъ. Когда вышеупомянутые опыты съ ассафетидою были повторены, то уже со второго или съ третьяго раза не вызывали никакой реакціи. Когда даже ребенокъ хорошо сознаетъ непріятный для него запахъ, онъ, повидимому, совершенно не умѣетъ управлять своимъ органомъ обонянія такъ хорошо, какъ онъ управляетъ своимъ органомъ вкуса. Можно часто видѣть, что дѣти, которымъ уже давно исполнился годъ, подносятъ пахучій цвѣтокъ ко рту или даже прямо кладутъ его въ ротъ вмѣсто того, чтобы поднести его къ носу.

Та-же неловкость замѣтна и въ управленіи дыхательными органами. Стараясь обонять предметъ, дѣти всегда первоначально усиленно выдыхаютъ воздухъ, и требуется значительная практика, прежде чѣмъ ребенокъ выучивается вдыхать запахъ.

Человѣкъ, повидимому, значительно уступаетъ низшимъ представителямъ животнаго царства по отношенію къ обонянію. Котенокъ всего черезъ три дня послѣ рожденія «сплюнулъ» («spat») на руку, которую передъ тѣмъ лизала собака—замѣчательный примѣръ устойчивости и передачи по наслѣдству того, что Дарвинъ называетъ «полезными ассоціированными движеніями». Острота обонянія у собакъ и у лошадей, равно какъ и у многихъ дикихъ животныхъ, слишкомъ хорошо извѣстна. У человѣка-же это чувство стоитъ очень низко въ качествѣ пути къ познаванію внѣшняго міра. Это вполнѣ справедливо даже относительно человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, для котораго обоняніе можетъ сравнительно рѣдко быть руководителемъ и притомъ, во всякомъ случаѣ, руководителемъ неточнымъ. Ребенокъ пользуется обоняніемъ главнымъ образомъ для распознаванія пищи. Весьма возможно, однако, что если-бы это чувство нужно было человѣку такъ-же часто, какъ, напр., зрѣніе или слухъ, и если-бы

на воспитаніе этого чувства удѣлялось столько-же вниманія, то можно было-бы достигнуть весьма важныхъ результатовъ и въ развитіи чувства обонянія *).

VI. Различеніе температуры.

Есть два рода «термическихъ» или тепловыхъ ощущеній: во-первыхъ, пассивное, субъективное и общее, какое испытывается нами, когда мы говоримъ: «мнѣ холодно» или «мнѣ жарко», во-вторыхъ, активное, объективное и мѣстное, которое мы испытываемъ, прикасаясь къ какому-нибудь холодному или горячему предмету. И то, и другое чувство важны въ развитіи ребенка, но развитіе второго поддается легче экспериментальному методу изслѣдованія.

Термическое (температурное) чувство не слѣдуетъ смѣшивать съ чувствомъ осязанія, такъ какъ, хотя и то и другое чувство универсальны вслѣдствіе того, что конечные органы ихъ распространены по всему тѣлу, тѣмъ не менѣе ощущенія, доставляемыя ими, совершенно различны.

Относительно возможности чувствительности къ температурѣ до рожденія Льюисъ **) выражается такимъ образомъ. «Мы знаемъ въ самомъ дѣлѣ, что съ этого періода (съ четвертаго мѣсяца беременности) плодъ чувствителенъ къ дѣйствію холода, и мы можемъ вызвать въ немъ движенія, прикладывая холодную руку къ нижней части живота матери». Пэрэ также держится мнѣнія, что около этого времени плодъ испытываетъ термическія ощущенія. Прейеръ не раздѣляетъ этого взгляда, основываясь на томъ, что температура должна быть однообразна во всей полости матки и что, слѣдовательно, невозможно сравненіе термическихъ ощущеній.

Какъ-бы то ни было, въ новорожденномъ чувство тепла и холода развивается весьма быстро. Постепенное охлажденіе послѣ перваго непосредственнаго прикосновенія со внѣшнимъ міромъ, процессъ раздѣванія и одѣванія, купанье въ ваннѣ — все это содѣйствуетъ быстрому развитію термическихъ ощущеній и различенію температуры.

Генцмеръ, дѣлая опыты надъ почти 20 новорожденными, нашелъ, что они отстраняли тѣ части тѣла, — ладонь руки, подошву ноги, щеку и т. д., — къ которымъ прикладывали какой-нибудь холодный предметъ. Однако его опыты нельзя считать вполнѣ удовлетво-

*) Монтегацца жалуется, что мы помогаемъ своимъ глазамъ очками, телескопомъ и микроскопомъ, ушамъ—слуховыми рожками, носъ-же оставляемъ въ полномъ пренебреженіи. См. «Гигіена чувствъ».

**) I. Luys, «The Brain und its functions», 1882, New-York.

рительными, такъ какъ онъ не принялъ достаточныхъ мѣръ къ устраненію вліянія примѣси осязательныхъ ощущеній.

Вообще надо сказать, что до сихъ поръ еще мало произведено удовлетворительныхъ наблюденій надъ развитіемъ чувствительности къ температурѣ. Прейеръ убѣдился, что теплая ванна доставляетъ удовольствіе съ самаго начала, холодная-же ванна не нравится до тѣхъ поръ, пока ребенокъ по опыту не убѣдится въ освѣжающемъ ея дѣйствіи. Губы, языкъ и слизистая оболочка рта чрезвычайно чувствительны къ теплу и холоду съ первыхъ дней жизни. Ребенокъ отказывается отъ молока, если температура его хотя немного выше или ниже молока матери. Однако, вообще говоря, ребенокъ менѣе чувствителенъ къ крайностямъ температуры, нежели взрослый, ощущеніе котораго усиливается вліяніемъ дѣятельности разсудка.

Здѣсь будетъ умѣстно указать на постепенное развитіе разницы въ «нейтральной температурѣ» для языка и полости рта съ одной стороны и для внѣшнихъ частей тѣла, какъ, напр., руки. Въ первомъ случаѣ эта температура остается въ теченіе всей жизни такой-же, какой она была до рожденія, во второмъ случаѣ эта температура постоянно понижается вслѣдствіе соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ.

VII. Органическія ощущенія.

Подъ этимъ обыкновенно разумѣются тѣ неопредѣленныя и общія чувства, пріятныя или непріятныя, которыя являются результатомъ того или иного состоянія внутреннихъ органовъ тѣла, въ отличіе отъ опредѣленныхъ локализованныхъ чувствованій, происходящихъ отъ возбужденія спеціальныхъ органовъ чувствъ.

Голодъ и жажда могутъ служить примѣромъ непріятныхъ ощущеній, возбуждаемыхъ извѣстнымъ состояніемъ внутреннихъ органовъ, и ощущеніе сытости, которое слѣдуетъ за принятіемъ пищи, можетъ быть приведено въ качествѣ примѣра пріятнаго чувства, возбуждаемаго состояніемъ нашихъ внутреннихъ органовъ. Мы здѣсь разсмотримъ также вообще чувство боли, будетъ-ли оно произведено внѣшними или внутренними возбудителями.

Вопросъ о возможности болевыхъ ощущеній до рожденія можно, пожалуй, считать рѣшеннымъ послѣ изслѣдованій, произведенныхъ Прейеромъ надъ утробнымъ развитіемъ морскихъ свинокъ (guinea pigs) и собакъ (см. его «Физіологію зародыша»—«Physiology of the Embryo»). Онъ получилъ реакціи, которыя доказывали существованіе такихъ болевыхъ ощущеній. Однако эти реакціи совершались гораздо медленнѣе, чѣмъ въ послѣродовой періодъ жизни, что показываетъ или то, что въ періодъ утробной жизни чувствительность къ

боли много ниже, нежели въ послѣдующіе періоды жизни, или то, что болевые рефлексы еще не вполнѣ установились въ это время. Въ самомъ дѣлѣ, другіе изслѣдователи нашли, что, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ наблюденія надъ плодомъ (foetus) въ самомъ раннемъ фазисѣ его развитія, уколъ булавки не вызывалъ никакой реакціи, тогда какъ всякій нормальный новорожденный рѣзко реагируетъ криками или разными движеніями на сильное механическое возбужденіе, равно какъ и на возбужденіе электричествомъ.

Тотъ фактъ, что новорожденный ребенокъ способенъ съ самаго начала испытывать чувства удовольствія или боли, подтверждаетъ взглядъ, что его физіологическій аппаратъ уже приспособленъ до рожденія къ такого рода ощущеніямъ.

Куссмауль слѣлалъ нѣсколько опытовъ, которые доказываютъ, что вскорѣ послѣ рожденія, — такъ, спустя шесть часовъ и болѣе (впрочемъ, дѣти въ этомъ отношеніи значительно отличаются другъ отъ друга),—«ребенокъ обыкновенно ясно выражаетъ, что онъ испытываетъ нѣкоторое состояніе, которое мы должны истолковать, какъ ощущеніе голода или жажды, пожалуй, даже какъ соединеніе этихъ двухъ чувствъ». Такое чувство выражается особаго рода движеніями головы и рукъ (uneasy motions—движеніями, показывающими неудовольствіе, непріятность), движеніями губъ, какъ при сосаніи и плачѣ. Одинъ ребенокъ, спустя лишь шесть часовъ послѣ рожденія, поразительно поворачивалъ голову то въ одну, то въ другую сторону, чтобы взять въ ротъ и пососать палецъ, который наблюдатель прикладывалъ то къ одной, то къ другой сторонѣ лица ребенка, стараясь однако, чтобы палецъ ни въ какомъ случаѣ не касался губъ ребенка *).

Прейеръ замѣчаетъ, что голодъ и жажда съ самаго начала выражаются сосательными движеніями губъ. Очень скоро крикъ, выражающій голодъ, можно отличить отъ крика, показывающаго ощущеніе боли, такъ какъ въ первомъ наблюдается болѣе промежутковъ и онъ вообще ниже по тону. Прейеръ также наблюдалъ, что голодный ребенокъ поворачивалъ свою голову то въ одну, то въ другую сторону такимъ образомъ, какимъ онъ не двигалъ головой при другихъ обстоятельствахъ. Съ теченіемъ времени ребенокъ становится менѣе поглощеннымъ удовлетвореніемъ голода. Съ пятаго мѣсяца его можно отвлечь отъ ѣды новыми звуками или движеніями. Съ десятаго мѣсяца онъ уже ѣстъ не такъ поспѣшно и не съ такой жадностью, какъ прежде. Отчасти это происходитъ отъ того, что въ этомъ возрастѣ онъ принимаетъ больше пищи за-разъ, такъ какъ желудокъ въ это время становится много больше.

*) A. Kussmaul, «Untersuchungen» etc.

Вообще говоря, въ занимающемъ насъ теперь отношеніи наблюденій сдѣлано очень немного. Ребенокъ испытываетъ органическія ощущенія удовольствія и боли (возможно, что въ первое время преобладаютъ болевыя ощущенія) въ связи съ пищеварительными, дыхательными и прочими процессами: удовольствіе при ихъ нормальномъ отправленіи и боль, когда органы устали или больны. Чувство удовольствія, вообще говоря, выражается широко открытыми «плывущими» глазами, улыбкой, которая Дарвиномъ въ первый разъ въ качествѣ *дѣйствительной* улыбки наблюдалась на 45-мъ днѣ жизни ребенка, и особаго рода дѣтскимъ воркованьемъ или гулюканьемъ—радостными голосовыми звуками. Чувство боли выражается сильнымъ зажмуриваніемъ глазъ, сдвинутыми внизъ углами рта, впослѣдствіи—четыреугольной формой рта съ плачемъ, при этомъ самый плачъ измѣняется въ характерѣ сообразно причинѣ, вызвавшей его. Ребенокъ гораздо скорѣе утомляется, нежели взрослый, и первые дни жизни проводитъ большею частью во снѣ.

VIII. Мышечное чувство.

Мы исходимъ изъ того, что въ нормальныхъ условіяхъ всѣ мышечныя движенія сопровождаются такъ наз. мышечнымъ чувствомъ или чувствомъ мышечнаго сокращенія. Это своего рода «внутреннее осязаніе» («internal touch»), распространенное по всему тѣлу и тѣсно связанное съ движеніями локомоторными и хватательными,—съ движеніями, необходимыми для растягиванія и сжатія, давленія, сопротивленія и проч. Сюда-же входитъ и то «ощущеніе, которое мы испытываемъ, когда наши мускулы находятся въ состояніи покоя». Изъ такой тѣсной связи мышечнаго чувства съ активной дѣятельностью ребенка ясно видно значеніе этого чувства въ развитіи у него воли.

Что мышцы ребенка не остаются бездѣятельны въ теченіе позднѣйшихъ мѣсяцевъ его до-родовой жизни и что онѣ совершаютъ весьма разнообразныя движенія—это фактъ, настолько прочно установленный, что намъ достаточно здѣсь ограничиться простымъ упоминаніемъ его. Нѣкоторые предполагали, что плодъ возбуждается къ движенію мышцъ тоскливостью (tedium) его неизмѣннаго положенія въ маткѣ.

Въ настоящее время надо считать болѣе правильнымъ, что уже въ это время, равно какъ и позднѣе, ребенку свойственно инстинктивное стремленіе къ движенію. Дѣти чрезвычайно подвижны. Упражнять свои мускулы для нихъ безусловно необходимо, и тотъ методъ воспитанія надо считать наиболѣе разумнымъ, при которомъ наибо-

лѣе сообразуются съ только что указаннымъ фактомъ и, вмѣсто того, чтобы подавлять стремленіе дѣтей къ движенію и активной дѣятельности, даютъ ему возможно лучшее направленіе.

Хотя, такимъ образомъ, мышечныя ощущенія испытываются весьма рано, они, вѣроятно, весьма смутно сознаются ребенкомъ въ первый мѣсяцъ жизни. Но уже въ концѣ третьяго мѣсяца громадное число такихъ ощущеній успѣваютъ ассоціироваться съ зрительными ощущеніями черезъ посредство координированныхъ движеній шеи, рукъ и глазъ. Около этого-же времени начинается распознаваніе тяжести, хотя различеніе и сравненіе разныхъ тяжестей приходитъ, вѣроятно, позже. Здоровый ребенокъ испытываетъ живѣйшее удовольствіе, упражняя свои мускулы. Относящихся сюда примѣровъ можно было-бы привести сколько угодно. Такъ, напр., одна наблюдательница отмѣчаетъ, съ какимъ большимъ удовольствіемъ четырехъ-мѣсячный мальчикъ держалъ за уши своего игрушечнаго кролика, громко крича и видимо гордясь и наслаждаясь своими усиліями *).

Надо полагать, какъ говоритъ Феррье, что ощущеніе мышечнаго усилія, которымъ познается (discerned) тяжесть, сначала познается въ связи съ движеніями дыхательныхъ органовъ.

Начиная со второй половины перваго года, у всякаго здороваго ребенка развивается замѣчательное стремленіе хватать, поднимать, толкать и вообще брать въ руки всякій предметъ, который ему попадается. Это отчасти надо приписать естественному любопытству, но въ особенности,—по крайней мѣрѣ въ этотъ ранній періодъ,—органическому стремленію къ упражненію своихъ мускуловъ, которому ребенокъ поддается почти безсознательно.

Какъ только ребенокъ начинаетъ ходить, для его мышечной дѣятельности открывается несравненно болѣе широкій просторъ, и съ этихъ поръ опытъ его въ этомъ направленіи играетъ значительную роль въ его развитіи **).

II. Чувства или эмоціи.

Принципъ превращенія, выраженіемъ котораго можетъ служить почти любой фактъ, отмѣченный нами въ предшествующей главѣ, проявляется еще съ бо̀льшей ясностью въ тѣхъ родахъ психической дѣятельности, которые намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть. Такъ, напр., изучая эмоціональную жизнь дѣтей, мы увидимъ, что въ самыхъ раннихъ стадіяхъ, когда нельзя еще предполагать сознательной умственной дѣятельности (что̀ составляетъ существенный эле-

*) E. Glow Brown, «The Raby's Mind».

**) Дальнѣйшія замѣчанія о мышечномъ движеніи, см. ниже, глава IV.

ментъ эмоцій у взрослыхъ), все-таки внѣшнія выраженія чувствъ—движенія, выраженія лица и т. д.—весьма близко подходятъ къ тѣмъ, которыя мы наблюдаемъ у взрослыхъ или у дѣтей старшаго возраста. Повидимому, было-бы не логично классифицировать подъ однимъ общимъ названіемъ явленія этихъ двухъ періодовъ жизни человѣка, невозможность установленія какой-нибудь ясной раздѣльной черты между этими явленіями, незамѣтно переходящими одно въ другое, есть единственное оправданіе, которое мы можемъ привести для читателя.

Поэтому мы подъ эмоціями будемъ разсматривать оба рода психической дѣятельности, помня однако, что, при отсутствіи активной мысли, внѣшнія выраженія чувствъ могутъ быть разсматриваемы лишь въ качествѣ реакціи организма, какъ пріятныя или доставляющія боль чувствованія. Только впослѣдствіи однако, когда начинается дѣятельность ума и когда человѣческое существо начинаетъ понимать причины своихъ чувствованій, равно какъ и истолковывать жесты и движенія другихъ въ качествѣ выраженія *ихъ* чувствъ, только тогда начинаются въ истинномъ смыслѣ этого выраженія эмоціи или чувства. *Физіологически* чувства продолжаютъ, однако, выражаться одинаково, потому что вслѣдствіе привычки извѣстные способы выраженія ихъ стали легче, нежели какіе-либо другіе; употребленіе-же этихъ способовъ съ начала жизни ребенка объясняется наслѣдственностью.

1. Страхъ.

Все это особенно справедливо по отношенію къ страху, проявленія котораго сначала совершенно независимы отъ дѣятельности мысли или отъ какого-либо предварительнаго опыта (какъ, напр., въ случаѣ, приводимомъ Пэрэ, когда наблюдалась при извѣстныхъ обстоятельствахъ судорожная дрожь даже въ періодъ утробной жизни), между тѣмъ страхъ въ качествѣ истиннаго психическаго акта подразумѣваетъ дѣятельность не только чувствъ, но и ума (т.-е. не только внѣшнихъ формъ выраженія страха, но и участія сознанія).

Итакъ, мы должны различать двѣ стадіи въ развитіи страха: первую, когда проявленія страха нельзя приписать предварительному, сопровождавшемуся болью опыту и когда возможность такихъ проявленій объясняется наслѣдственностью, и вторую, когда проявленія страха вызываются представленіемъ объ опасности. Проявленія страха перваго рода особенно часто можно наблюдать у низшихъ животныхъ. Когда Сполдингъ выпустилъ вдругъ сокола надъ выводкомъ цыплятъ, цыплята тотчасъ прижались къ землѣ и спрятались въ травѣ, насѣдка-же съ чрезвычайной яростью набросилась на сокола,

хотя ни насѣдка, ни ея цыплята никогда до тѣхъ поръ не видали сокола. Когда затѣмъ такимъ-же образомъ онъ пустилъ голубя, то ничего подобнаго не послѣдовало.

Подобнымъ-же образомъ ребенокъ, когда ему всего нѣсколько недѣль, вздрагиваетъ и кричитъ при всякомъ внезапномъ шумѣ или странномъ свѣтѣ совершенно независимо отъ какого-бы то ни было опыта. Онъ съ силой отдергивается отъ кошекъ и собакъ, хотя ему и не случалось никогда что-нибудь терпѣть отъ нихъ; онъ боится упасть, хотя ему не случалось еще ни разу падать, и дрожитъ при видѣ громадныхъ, величественныхъ предметовъ (какъ, напр., океанъ), когда онъ смотритъ на нихъ въ первый разъ *).

Многія дѣти плачутъ, когда слышатъ громъ, хотя они совершенно не понимаютъ, что это такое, и вздрагиваютъ совершенно такъ-же, какъ и нѣкоторые нервные люди, если кто-нибудь съ шумомъ хлопнетъ дверью или если какой-нибудь предметъ упадетъ на полъ. У нихъ судорожно сокращаются всѣ мышцы, когда нянька вдругъ опуститъ ихъ по воздуху внизъ. Иногда они отворачиваются отъ людей, одѣтыхъ въ черное, и отъ тѣхъ, кто говоритъ низкимъ, замогильнымъ голосомъ. Маленькая дѣвочка, которой едва исполнилось два мѣсяца, испугалась, увидя передъ собой лицо, которому нарочно было придано отвратительное выраженіе; она стала плакать и стала прятаться въ рукахъ матери. «Много прошло времени, прежде чѣмъ къ ней вернулось ея обычное спокойствіе—образъ снова являлся въ ея памяти, пугалъ ея воображеніе и вызывалъ слезы на глазахъ» **). Ребенокъ семи мѣсяцевъ видимо испугался, когда передъ нимъ открыли и закрыли вѣеръ; другой такимъ-же образомъ испугался, услышавъ въ первый разъ храпъ. Мальчикъ десяти мѣсяцевъ испугался, услышавъ, какъ запищала его игрушка; скоро онъ, однако, привыкъ къ этому звуку и даже самъ сталъ съ удовольствіемъ производить ею писк ***).

Въ этомъ раннемъ періодѣ большинство дѣтей, повидимому, больше боятся *звуковыхъ* ощущеній, нежели *зрительныхъ*. Сигизмундъ говоритъ, что страхъ развивается съ развитіемъ слуха. Дѣти боятся обыкновенно грома, но не всегда боятся молніи. Ребенокъ нервно вздрогнулъ, когда передъ нимъ потрясли коробкой съ конфектами, но тотъ-же ребенокъ остался спокоенъ, когда потрясли передъ нимъ пустой коробкой ****). Какъ мы уже говорили, можно ребенку ткнуть пальцомъ почти до самаго глаза и не вызвать при этомъ морга-

*) A. Mosso, «La peur», Paris, 1886. (Имѣется русскій переводъ).

**) Mrs S. Talbot, «Papers an Infant Development».

***) Champneys, «Notes on an Infant».

****) Ch. Darvin, «Biographical Sketch of an Infant».

нія, тогда какъ ребенокъ заплачетъ, если сказать ему нѣсколько словъ рѣзкимъ или очень громкимъ голосомъ. Извѣстно, что однажды ребенокъ былъ найденъ улыбающимся въ люлькѣ среди пламени горящаго дома, но когда его оттуда вытащили, онъ сталъ плакать, испугавшись шума пожарныхъ машинъ и криковъ собравшейся толпы.

Скоро однако развивается и «зрительный страхъ», и ребенокъ вздрагиваетъ и пугается при видѣ необыкновенныхъ предметовъ такъ-же, какъ и тогда, когда онъ слышитъ какіе-нибудь необычные звуки. Намъ всѣмъ извѣстенъ весьма древній примѣръ такого чувства изъ «Иліады», въ которой описывается, какъ Гекторъ прощался со своей женой и ребенкомъ, отправляясь въ сраженіе. Когда онъ протянулъ руку ребенку, тотъ сталъ плакать и спряталъ лицо на груди кормилицы, испугавшись блеска мѣдныхъ доспѣховъ своего отца и шлема съ султаномъ изъ конскаго волоса *).

Страхъ можетъ быть вызванъ и чувствомъ осязанія. Маленькая дѣвочка Ф. откинулась назадъ, когда ея руки коснулись очень мягкаго мѣха. Повидимому, тутъ бо̀льшее вліяніе имѣла внезапность ощущенія, нежели качество его, потому что вскорѣ дѣвочка перестала бояться мѣха.

Совершенно иного рода страхъ, выказываемый ребенкомъ, когда онъ видитъ предметъ, доставившій ему ранѣе какое-либо болѣзненное ощущеніе. Девятнадцатимѣсячный сынъ Прейера сталъ громко плакать *при видѣ* холодной ванны и губки, которыя наканунѣ доставили ему непріятное ощущеніе. Здѣсь страхъ вызвало представленіе, идея, при содѣйствіи памяти, и ребенокъ обнаружилъ способность испытывать страхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Вѣроятно, такого рода страхъ возможно было наблюдать и раньше.

Пластичность натуры ребенка дѣлаетъ его способнымъ воспринимать впечатлѣнія, которыя часто остаются на всю жизнь. Боязнь темноты, боязнь лѣса, боязнь оставаться одному часто вбивается неразумными нянъками и воспитателями и, такъ сказать, входятъ въ конституцію ребенка. Вотъ что отвѣчалъ Моссо одинъ старый

*) «Рекъ и сына обнять устремился блистательный Гекторъ,
Но младенецъ назадъ, пышнорозой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ и гривой косматаго гребня,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшейся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
На земь кладетъ его пышноблестящій и, на руки взявши,
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его и, поднявши,
Такъ говоритъ...»
(«Иліада» въ переводѣ Н. И. Гнѣдича, пѣснь VI, 466—475).

солдатъ, на вопросъ о томъ, чего онъ болѣе всего боится. «Мнѣ уже теперь почти семьдесятъ лѣтъ. Мнѣ много разъ приходилось смотрѣть смерти въ глаза, и я не испытывалъ никогда страха, но всякій разъ, когда я прохожу мимо маленькой церкви въ тѣнистой рощѣ или около какой-нибудь заброшенной часовни въ горахъ, я всегда вспоминаю часовенку въ моей родной деревнѣ и — пугаюсь. Я озираюсь кругомъ, какъ будто я вотъ-вотъ увижу тѣло убитаго человѣка, котораго я видѣлъ въ своемъ дѣтствѣ; старая служанка, чтобы успокоить меня, пугала тѣмъ, что запретъ меня въ часовнѣ вмѣстѣ съ убитымъ» *).

Ребенокъ между тремя и семью годами часто и съ чрезвычайной ясностью видитъ сны, и если ему случится вдругъ проснуться отъ глубокаго сна, на лицѣ его часто можно бываетъ видѣть выраженіе большого страха, какъ будто онъ видѣлъ привидѣніе. Глядя глазами, устремленными прямо впередъ, ребенокъ не узнаетъ никого; онъ обливается потомъ, сердце его бьется и члены дрожатъ. Эти ночные страхи могутъ сдѣлаться столь сильными, что вызываютъ настоящіе эпилептическіе припадки **).

Иногда страхъ развивается болѣзнью. Нѣкоторыя дѣти болѣзненно робки и боязливы, между тѣмъ какъ другія рѣдко выказываютъ страхъ въ какой-бы то ни было формѣ. Съ возрастомъ боязливость ребенка увеличивается въ однихъ отношеніяхъ и уменьшается въ другихъ, по мѣрѣ того какъ онъ узнаетъ, что тѣ предметы, которые онъ считалъ безвредными, на самомъ дѣлѣ могутъ причинить боль и что, съ другой стороны, нѣкоторые иные предметы, которые онъ считалъ опасными, никакой опасности не представляютъ. Иными словами, мы указываемъ лишь на всѣмъ извѣстный фактъ, что знаніе съ одной стороны уменьшаетъ, съ другой—увеличиваетъ страхъ. Взрослый человѣкъ *заряженнаго* пистолета боится *больше*, нежели ребенокъ, и *не заряженнаго меньше*.

2. Гнѣвъ.

Гнѣвъ (который, согласно Платону, составляетъ одинъ изъ естественныхъ аттрибутовъ души и тѣсно связанъ съ мужествомъ) можетъ быть названъ зломъ лишь въ случаѣ крайнихъ его проявленій. Умѣренный гнѣвъ есть лишь признакъ уравновѣшеннаго и чувствительнаго темперамента и представляетъ такую силу, которую при воспитаніи надо извѣстнымъ образомъ *направлять*, а не *уничтожать*. «По моему мнѣнію,—говоритъ Пэрэ,—ребенокъ десяти мѣся-

*) A. Mosso, «La Peur».
**) A. Mosso, op. cit.

цевъ, который не плачетъ по крайней мѣрѣ четыре или пять разъ въ день, который не находитъ ни въ чемъ большого удовольствія, который не сердится, подобно дикарю или молодому животному, изъ-за пустяковъ, страдаетъ недостаткомъ чувствительности и смышленности и, конечно, будетъ страдать недостаткомъ характера,—похороните его, онъ умеръ». «Необходимо,—продолжаетъ Пэрэ, говоря о воспитаніи дитяти въ этомъ отношеніи,—окружить ребенка атмосферой чистой ласки, но нѣтъ необходимости всегда скрывать гнѣвъ. Справедливый гнѣвъ слѣдуетъ выказывать, сохраняя однако умѣренность» *).

Трудно сказать, когда дитя въ первый разъ выказываетъ гнѣвъ, такъ какъ внѣшнія проявленія его весьма легко смѣшать съ выраженіемъ боли или печали. Сёлли (Sully) полагалъ, что онъ видалъ проявленія гнѣва въ самомъ началѣ жизни у маленькой дѣвочки, которая, «отказываясь принимать пищу, заготовляемую для дѣтей самой природой, выказывала всѣ признаки страстной ярости». Дарвинъ наблюдалъ у ребенка восьми дней нахмуриваніе бровей и складки на кожѣ лба вокругъ глазъ передъ плачемъ, но онъ прибавляетъ при этомъ, что «это, можетъ быть, было проявленіемъ боли, а не гнѣва». На третьемъ мѣсяцѣ ему казалось, что онъ распознаетъ признаки настоящаго гнѣва, на четвертомъ мѣсяцѣ онъ уже болѣе не сомнѣвался въ этомъ, такъ какъ кровь приливала къ лицу и ко всему черепу ребенка.

Сынъ Тидемана выражалъ гнѣвъ на второмъ мѣсяцѣ, отстраняя отъ себя непріятный предметъ. На восьмомъ мѣсяцѣ тотъ-же мальчикъ уже былъ вполнѣ способенъ выказывать сильный гнѣвъ и ревность. Пэрэ полагаетъ, что онъ видѣлъ признаки нетерпѣнія ребенка въ концѣ перваго мѣсяца, если не раньше; на второмъ-же мѣсяцѣ онъ наблюдалъ страстное раздраженіе: ребенокъ толкалъ прочь непріятные для него предметы, хмурилъ брови, краснѣлъ, дрожалъ и плакалъ. Шестимѣсячныя дѣти громко кричатъ съ плачемъ, когда у нихъ берутъ игрушки, въ концѣ-же перваго года гнѣвъ выражается въ мстительныхъ дѣйствіяхъ, болѣзненныхъ для самихъ сердящихся, какъ, напр., битье руками по стулу и т. п. **). Ребенокъ семи мѣсяцевъ кричалъ съ яростью, потому что у него изъ рукъ выпалъ лимонъ; когда ему было одиннадцать мѣсяцевъ, если ему давали не ту игрушку, какую онъ хотѣлъ, онъ толкалъ ее въ сторону и билъ по ней ***).

---

*) E. Perez, «Education morale dès le Berceau».

**) G. Chaile, «Infants, their chronological progress».

***) Ch. Darwin, «Biographical Sketch of an Infant».

До извѣстнаго возраста всѣ дѣти чрезвычайно легко сердятся, и намъ кажется, что въ этомъ отношеніи особенно справедлива извѣстная аналогія между дикаремъ и ребенкомъ. Дитя—это маленькій дикарь. Воля его и разумъ слабы, страсти сравнительно сильны, и управляютъ имъ его чувства. То-же самое справедливо и относительно дикихъ народовъ. Страстность, необузданность ихъ общеизвѣстна. Прогрессивное дѣйствіе цивилиаціи на народъ, результатомъ чего является большее и большее контролированіе порывистой и неразумной ярости, характеризующей ранніе періоды жизни народа, представляетъ поразительную аналогію съ разумнымъ воспитаніемъ человѣческаго существа отъ легкой раздражительности ребенка къ спокойствію и сдержанности благовоспитаннаго взрослаго человѣка.

3. Удивленіе, изумленіе, любопытство.

Удивленіе и изумленіе имѣютъ тѣсное отношеніе къ страху; причиной, лежащей въ основѣ всѣхъ этихъ трехъ чувствъ, надо считать новизну впечатлѣнія и неспособность понять причину его *).

Удивленіе и изумленіе не одно и то-же. Первое можетъ быть названо активнымъ чувствомъ, второе—пассивнымъ. Ребенокъ, который только *удивленъ*, вполнѣ контролируетъ своими мускулами и разсматриваетъ незнакомый предметъ съ величайшимъ вниманіемъ, тогда какъ *изумленный* ребенокъ теряетъ надъ собой контроль и какъ-бы цѣпенѣетъ въ томъ положеніи, въ какомъ засталъ его поразившій его предметъ, съ широко открытымъ ртомъ и глазами. Въ одномъ случаѣ мы видимъ дѣятельность и движеніе, во второмъ—нѣкотораго рода параличное состояніе.

Удивленіе случалось наблюдать у ребенка недѣлю спустя послѣ рожденія: онъ смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ на собственные пальцы; очевидно, онъ никогда не замѣчалъ ихъ раньше (Прейеръ). Съ этого времени ребенокъ постоянно выражалъ удивленіе при видѣ картинъ на стѣнѣ, солнечныхъ лучей, двигающихся по полу, при видѣ огня, горящаго съ трескомъ въ каминѣ и въ особенности при видѣ двигающихся одушевленныхъ существъ. Ребенокъ долго и пристально слѣдилъ за этимъ любопытнымъ явленіемъ. Маленькая дѣвочка, которой не исполнилось мѣсяца, когда взяли ее внизъ на другую квар-

*) «Самымъ могущественнымъ факторомъ въ развитіи мышленія въ началѣ бываетъ чувство изумленія вмѣстѣ съ чувствомъ страха, которое тѣсно соприкасается съ нимъ» (Прейеръ). «Иногда удивленіе переходитъ въ благоговѣніе и даже страхъ» (Сѐлли).

тиру, нѣкоторое время съ величайшимъ удивленіемъ озиралась кругомъ, но затѣмъ скоро успокоилась *).

Изумленіе наблюдается позднѣе. Вотъ каковы по этому поводу наблюденія Прейера. На двадцать второй недѣлѣ ребенокъ былъ пораженъ изумленіемъ, когда вдругъ передъ нимъ показался отецъ и заговорилъ съ нимъ въ то время, когда они ѣхали въ вагонѣ желѣзной дороги. На шестомъ и седьмомъ мѣсяцѣ ребенокъ такимъ-же образомъ былъ изумленъ, когда въ комнату вошелъ незнакомый человѣкъ: глаза ребенка широко раскрылись, нижняя челюсть опустилась, а тѣло оставалось неподвижно. На восьмомъ и девятомъ мѣсяцѣ признаки изумленія выражались еще яснѣе; надо замѣтить, кромѣ того, что изумленіе было вызываемо обыкновенно зрительнымъ или слуховымъ впечатлѣніемъ, но не какимъ-либо запахомъ или вкусомъ. Ребенокъ показывалъ признаки изумленія, когда при немъ открывали и закрывали вѣеръ (31 недѣля), при подражаніи звукамъ животныхъ (34 недѣля), при видѣ незнакомаго лица (44 недѣля), при незнакомыхъ звукахъ (52 недѣля), при видѣ зажженнаго фонаря, который бросился ребенку въ глаза, какъ только онъ проснулся. Кромѣ описанныхъ выше знаковъ изумленія, ребенокъ иногда издавалъ звукъ «а» (ah) невольнымъ глубокимъ вздохомъ. Въ концѣ второго года эти знаки изумленія стали рѣже, такъ какъ ребенокъ болѣе привыкъ къ необычнымъ впечатлѣніямъ чувствъ.

Надо замѣтить къ тому-же, что этотъ способъ выраженія изумленія, равно какъ и большинства другихъ чувствъ, всецѣло принадлежитъ самому ребенку. Онъ выражаетъ такимъ образомъ изумленіе прежде, чѣмъ ему представляется случай наблюдать подобныя выраженія у взрослыхъ, что исключаетъ всякую возможность подражанія. Слѣдовательно, эти выраженія надо считать результатомъ инстинкта, который въ силу наслѣдственности запечатлѣлъ ихъ во всемъ человѣческомъ родѣ, такъ какъ у всѣхъ народовъ мы встрѣчаемъ одинаковыя выраженія ощущеній **).

Эгжеръ (Egger) обращаетъ особое вниманіе на тотъ фактъ, что чувство удивленія и благоговѣнія тѣсно между собой связаны и держится того мнѣнія, что ребенокъ уже самой природой подготовленъ къ религіозному чувству, зачатки котораго онъ въ самомъ дѣлѣ приноситъ на свѣтъ вмѣстѣ съ собой.

Пэрэ, съ другой стороны, слѣдуя въ этомъ случаѣ Спенсеру, утверждаетъ, что у ребенка нѣтъ врожденнаго предрасположенія искать за естественнымъ міромъ сверхъестественнаго и что если-бы

*) Talbot, «Papers on Infant Development».

**) Ч. Дарвинъ, «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ».

не воспитаніе и примѣръ, то никогда-бы въ его умѣ не развились религіозныя идеи. За отсутствіемъ рѣшительныхъ доказательствъ въ пользу того или другого мнѣнія, оба они должны считаться болѣе или менѣе правдоподобными гипотезами. Если, однако, и здѣсь предполагать вѣрной обычную аналогію между дикаремъ и ребенкомъ, то придется принять скорѣе гипотезу Эгжери, такъ какъ почти у всѣхъ дикихъ народовъ наблюдается глубокое религіозное чувство со множествомъ представленій о мірѣ сверхъестественномъ.

Любопытство *) тѣсно связано съ чувствомъ удивленія. Это совершенно естественное, самостоятельно зарождающееся у ребенка стремленіе, которое было-бы, можетъ быть, умѣстнѣе разсматривать въ связи съ дѣятельностью ума, если-бы не тотъ фактъ, что у самыхъ маленькихъ дѣтей наиболѣе существеннымъ элементомъ этого стремленія надо считать чувство. Оно состоитъ въ какой-то неутомимой жаждѣ новыхъ впечатлѣній, что побуждаетъ ребенка постоянно брать въ руки, разсматривать со всѣхъ сторонъ, пробовать и производить вообще всякаго рода опыты надъ каждымъ предметомъ, который попадется ему подъ руки. Маленькій мальчикъ Р. обыкновенно старался разъединить на части всякую вещь, которую ему давали. Сначала это импульсъ чисто чувственный, но съ развитіемъ умственной дѣятельности онъ преображается въ то, что мы называемъ любознательностью.

Этимъ чувствомъ проникнуты всѣ игры ребенка, въ которыхъ, какъ справедливо говоритъ Сигизмундъ, надо видѣть аналогію систематическихъ опытовъ ученаго, такъ какъ такимъ образомъ ребенокъ добивается отъ природы отвѣтовъ на занимающіе его вопросы. Это чувство является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ въ развитіи ребенка, и обязанность воспитателя заключается скорѣе въ томъ, чтобы умѣло направлять его, нежели въ томъ, чтобы сдерживать его проявленія.

Тидеманъ говоритъ, что первыя проявленія любознательности у его сына наблюдались на второмъ мѣсяцѣ: глаза ребенка дѣлали усиліе слѣдить за новымъ или любопытнымъ предметомъ. Пэрэ наблюдалъ любопытство у дѣтей почти съ самаго начала жизни, двухмѣсячный-же ребенокъ уже «протягивалъ руки, поворачивалъ глаза и голову по направленію къ предметамъ, поразившимъ его чувство. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ ребенокъ схватывалъ, какіе могъ, предметы и трясъ ихъ въ своихъ рукахъ, находя видимо въ

*) По англійски нѣтъ двухъ словъ, изъ которыхъ одно значило-бы любопытство, другое любознательность; слово curiosity значитъ и то, и другое, поэтому мы позволяемъ себѣ это слово переводить двояко, сообразно общему смыслу текста. *Прим. перев.*

томъ большое удовольствіе». Съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ сталъ ходить, все, что ему попадалось, дѣлалось предметомъ постояннаго изученія. Въ этомъ отношеніи большая перемѣна происходитъ, когда ребенокъ научится говорить, такъ какъ съ этихъ поръ ему становится много легче удовлетворять свою любознательность. «Сто разъ въ часъ онъ выражаетъ то или другое желаніе или задаетъ какой-нибудь вопросъ, хотя и не столько вслѣдствіе желанія знать, каковы дѣйствительно тѣ или другіе предметы, сколько изъ неутомимой жажды новыхъ и свѣжихъ впечатлѣній. Это стремленіе иногда бываетъ у ребенка такъ сильно, что онъ дѣлается грустнымъ и даже чуть не больнымъ, если его не удовлетворяютъ въ этомъ отношеніи» *).

И Тэнъ обращаетъ вниманіе на то важное обстоятельство, что любознательность, являющаяся столь могущественнымъ стремленіемъ у ребенка, совсѣмъ не замѣчается у низшихъ животныхъ. «Какъ всякій можетъ въ этомъ убѣдиться, съ пятаго или шестого мѣсяца жизни дѣти въ теченіе двухъ и даже болѣе лѣтъ употребляютъ все свое время на физическіе опыты. Ни одно животное, не исключая даже кошки и собаки, не изучаетъ столь систематично предметовъ внѣшняго міра, съ которыми оно приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе. Въ теченіе цѣлаго дня ребенокъ, о которомъ я говорю (12 мѣсяцевъ), трогаетъ, щупаетъ, беретъ въ руки, толкаетъ, поворачиваетъ, бросаетъ все, что только попадаетъ ему подъ руки. будь то мячъ, кукла, игрушка или что-бы то ни было другое. Когда онъ познакомится хорошо съ однимъ предметомъ, онъ бросаетъ его прочь; предметъ для него болѣе не новъ, онъ уже узналъ его и больше имъ не интересуется» **).

Изъ этого видно, что Тэнъ придаетъ больше значенія дѣятельности ума въ проявленіяхъ любознательности, нежели Пэрэ. Онъ говоритъ, что тутъ не причемъ физическая потребность или жадность; это, напротивъ, чистѣйшая любознательность. «Кажется, что въ ея ***) маленькомъ мозгу есть стремленіе сгруппировать въ одно цѣлое каждый рядъ впечатлѣній, какъ въ умѣ ребенка, уже умѣющаго говорить». Надо замѣтить, однако, что дѣвочкѣ, за развитіемъ которой наблюдалъ Тэнъ, уже исполнился годъ, а въ это время несомнѣнно въ чувство любознательности все большимъ и большимъ элементомъ входитъ дѣятельность ума.

---

*) Perez, «Education morale dès le Berceau».

**) H. Taine, «Acquisition of Language by Children» (Mind vol. II. 252).

***) Тэнъ наблюдалъ надъ развитіемъ своей дочери.

4. Эстетическія чувства.

Уже на сорокъ пятомъ днѣ жизни ребенка Ч. Дарвинъ наблюдалъ настоящую улыбку, выражавшую удовольствіе, «которая, надо думать, имѣла интеллектуальное происхожденіе». Улыбку у ребенка видѣли въ то время, когда онъ смотрѣлъ на свою мать, а также и въ то время, когда онъ сосалъ грудь матери. Эта улыбка совершенно отличалась отъ другихъ такъ-называемыхъ улыбокъ, которыя случалось наблюдать раньше, такъ какъ при этомъ лицо принимало болѣе разумное выраженіе и въ глазахъ замѣтенъ былъ нѣкоторый блескъ.

Не слѣдуетъ думать, чтобы смѣхъ ребенка былъ всегда разумнымъ движеніемъ (имѣлъ-бы въ основѣ пониманіе смѣшного). Первый смѣхъ, подобно другимъ голосовымъ звукамъ ребенка, есть лишь самопроизвольное выраженіе нормальныхъ функцій организма. Однако нѣкоторые осторожные наблюдатели утверждаютъ, что элементъ смѣшного, шутливаго доступенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пониманію дѣтей даже трехъ мѣсяцевъ *). Около этого времени дѣтямъ доставляютъ большое удовольствіе такія забавы, какъ, напр., накидываніе на голову передника и быстрое снятіе его и т. п.

Позднѣе дѣтямъ чрезвычайно нравится, когда ихъ носятъ на плечахъ, поднимаютъ и опускаютъ въ воздухѣ или подбрасываютъ вверхъ. Они отъ души смѣются, пока длится забава, и недовольны, когда она прекращается.

Выше уже было кое-что сказано относительно способности дѣтей находить удовольствіе въ музыкѣ. Дарвинъ, который въ своемъ ребенкѣ наблюдалъ любовь къ звукамъ фортепіано уже на четвертомъ мѣсяцѣ, считаетъ любовь къ музыкѣ первымъ изъ эстетическихъ чувствъ, если не считать удовольствія, которое часто проявляютъ дѣти еще раньше, любуясь яркими красками.

Одинъ ребенокъ пяти мѣсяцевъ выказывалъ удовольствіе, когда слышалъ пѣніе, и даже какъ будто нѣкоторымъ образомъ отмѣчалъ своимъ тѣломъ тактъ, но былъ индифферентенъ къ свисту (Тидеманъ). Одинъ наблюдатель подмѣтилъ у ребенка удовольствіе при звукахъ музыки уже на второмъ мѣсяцѣ; одна мать замѣчала, что ея ребенокъ какъ-то особенно складываетъ губы, когда слышитъ игру на фортепіано **). Я самъ часто наблюдалъ такую любовь къ музыкѣ

*) Ch. Darwin, «Biographical Sketch of an Infant».

**) Рукописныя наблюденія надъ однимъ мальчикомъ въ штатѣ Вермонтъ мать котораго, окончившая курсъ въ Smith College, крайне тщательно слѣдила за умственнымъ развитіемъ своего сына.

у дѣтей постарше: ребенокъ подходилъ къ самому фортепіано и выказывалъ свое удовольствіе, качаясь всѣмъ тѣломъ впередъ и назадъ. Въ это время, однако, вовсе еще нѣтъ пониманія выраженія въ музыкѣ и для развитія такового необходимо воспитаніе.

Чувство матеріальной красоты. Ребенокъ сначала смѣшиваетъ *красивое* и *пріятное*. Оживленныя движенія ребенка при видѣ красивыхъ вещей, по крайней мѣрѣ въ первое время, есть просто внѣшнее выраженіе пріятнаго чувства. Въ это время нельзя еще предполагать пониманія красоты формы, цвѣта и т. д. Однако удовольствіе, которое ребенокъ испытываетъ отъ нѣкоторыхъ ощущеній, есть одинъ изъ основныхъ камней, на которыхъ впослѣдствіи воздвижется чувство матеріальной красоты.

Съ восьмого мѣсяца жизни ребенка уже были замѣчаемы первыя проявленія этого чувства въ томъ удовольствіи, которое ребенокъ испытываетъ, когда его наряжаютъ. Но даже и въ то время трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ удовольствіе ребенка, когда на него надѣваютъ новое платье или шляпу, имѣетъ эстетическій характеръ и какую роль играетъ здѣсь простое удовольствіе отъ новаго впечатлѣнія. Въ умѣ ребенка «красивое» и «хорошее» сливаются въ одно понятіе.

Тринадцатимѣсячный ребенокъ хватаетъ зря любую изъ разложенной передъ нимъ груды игрушекъ, повидимому, нисколько не разбирая, которая красивѣе; даже значительно позже ребенокъ, котораго привезли въ деревню, не проявляетъ ни малѣйшаго признака удовольствія при видѣ красивыхъ пейзажей; его вниманіе скорѣе привлекаютъ новые или необычные предметы, особенно если это животное или вообще что-нибудь двигающееся.

На ребенка мало впечатлѣнія производитъ симметрія формъ или гармонія красокъ. Здѣсь, какъ и въ музыкѣ, его поражаетъ скорѣе количество, чѣмъ качество, движеніе—скорѣе, нежели выраженіе. Однако отюда вовсе не слѣдуетъ заключать, что у ребенка нѣтъ эстетическаго чувства. Ему нравятся красивые предметы, если они не слишкомъ велики и не находятся слишкомъ далеко отъ него. Ему нравится красивая бабочка и красивый цвѣтокъ, его можетъ привлекать человѣческое лицо и выраженіе глазъ.

Драматическій инстинктъ, вообще говоря, очень силенъ у дѣтей, хотя у однихъ онъ все-таки болѣе развитъ, нежели у другихъ. Дѣти по природѣ актеры. Ихъ живое воображеніе и сильное наслѣдственное стремленіе къ подражанію побуждаютъ ихъ, даже до истеченія перваго года жизни, совершать многія любопытныя движенія и жесты. Въ своихъ играхъ дѣти постоянно представляютъ, изображаютъ кого-нибудь, берутъ на себя какую-нибудь роль и рас-

предѣляютъ воображаемыя роли другимъ лицамъ и вещамъ *). Одинъ выдающійся учитель въ Торонто увѣрялъ меня, что трое его дѣтей, играя, почти всегда называютъ другъ друга вымышленными именами, и въ такомъ тонѣ ведется вся игра, но какъ только игра кончена, они никогда не вспоминаютъ о своихъ бывшихъ роляхъ **).

Любовь, симпатія, зависть, ревность и т. д. Если судить по улыбкѣ, съ которой ребенокъ часто смотритъ на тѣхъ, кто за нимъ ходитъ, у него очень рано рождается *любовь* (affection) къ людямъ. Такія улыбки были наблюдаемы до конца второго мѣсяца и даже много раньше. Вѣроятно, первая улыбка складывается на лицѣ ребенка безъ участія сознанія, но въ концѣ четвертаго мѣсяца уже нѣтъ основанія сомнѣваться, что ребенокъ узнаетъ своихъ близкихъ. Такъ, напр., маленькій мальчикъ упомянутаго возраста протягивалъ обѣ ручонки къ своимъ родителямъ «съ неподдающимся описанію выраженіемъ любви» ***). Дѣвочка такого-же возраста любила лежать рядомъ со своей сестрой, касаясь своимъ лицомъ лица сестры. Когда ея сестра умерла (ей было тогда пять мѣсяцевъ), она, казалось, чувствовала себя очень одинокой и когда ей случалось видѣть дѣтей одинаковаго съ ней самой возраста, она привѣтствовала ихъ улыбками и поцѣлуями ****). Въ другомъ случаѣ восьмимѣсячный мальчикъ выказывалъ видимые знаки любви по отношенію къ лицамъ, которыхъ онъ зналъ. Одинъ девятимѣсячный мальчикъ обыкновенно отвѣчалъ на ласки отца очаровательными улыбками и при этомъ тихо гладилъ отца по лицу; когда этому мальчику исполнилось 14 мѣсяцевъ, онъ сдѣлался настолько любящимъ и ласковымъ, что расточалъ въ изобиліи свои ласки не только родителямъ и друзьямъ, но также и кошкѣ и собакѣ.

Самостоятельныя выраженія любви можно наблюдать въ началѣ второго года. Одинъ такой ребенокъ нѣсколько разъ поцѣловалъ свою няню, когда она вернулась послѣ короткаго отсутствія; другой ребенокъ выказывалъ свою любовь къ нѣкоторымъ лицамъ, тихо прикладывая свою руку къ ихъ лицу и плечамъ. У многихъ дѣтей этого возраста можно наблюдать весьма сильную любовь къ животнымъ и даже къ неодушевленнымъ предметамъ. Одинъ маленькій мальчикъ чрезвычайно любилъ мягкій шерстяной шарфъ и двѣ старыя истрепанныя куклы. Онъ не ложился безъ нихъ спать и,

*) B. Perez. «L'Art et la Poésie chez l'Enfant». Paris. 1888.

**) Дальнѣйшія замѣчанія по этому поводу мы нашли лучшимъ отложить до слѣдующей главы, когда будемъ спеціально говорить о воображеніи.

***) W. Preyer, «Psychogenesis» (Jour. of specul. Phil., 1881, April).

****) Рукописныя замѣтки объ одной дѣвочкѣ въ Ворсестерѣ (Массачусэтсѣ), за развитіемъ которой тщательно слѣдила ея мать.

лежа въ люлькѣ, требовалъ ихъ, не успокоиваясь, пока ихъ не приносили, потомъ обнималъ ихъ и прижималъ къ себѣ, лаская ихъ самымъ очаровательнымъ образомъ. Когда съ нимъ случалась какая-нибудь непріятность, особенно если его наказывала мать, онъ убѣгалъ и пряталъ свою головку въ старый шарфъ и старался выплакать въ немъ свое дѣтское горе.

Память ребенка, сравнительно, слаба, а опытъ его непродолжителенъ, поэтому, если онъ и способенъ къ сильной привязанности, то эта привязанность длится недолго въ случаѣ отсутствія объекта ея. «Съ глазъ долой, изъ сердца вонъ» —выраженіе вполнѣ справедливое относительно ребенка до года, и въ извѣстной мѣрѣ справедлива даже и значительно позже. Ребенокъ не способенъ испытывать тоски по своему дому просто потому, что онъ неспособенъ еще воспроизводить въ своемъ воображеніи свою домашнюю обстановку и друзей, которыхъ онъ оставилъ. Онъ живетъ скорѣе въ настоящемъ, чѣмъ въ прошломъ; скорѣе въ области чувства, чѣмъ въ области памяти. Потому-же самому его привязанность къ людямъ и къ мѣстамъ очень пластична, и этой любви можно придать почти любое направленіе, что еще болѣе увеличиваетъ отвѣтственность, падающую на тѣхъ кому ввѣряется раннее воспитаніе дѣтей въ семьѣ и въ школѣ.

Симпатія. Есть двѣ причины, на основаніи которыхъ можно ожидать, что въ первые мѣсяца жизни ребенка въ немъ почти не удается наблюдать чувства симпатіи. Во-первыхъ, ребенокъ въ это время до того преисполненъ своими личными нуждами, что ему едва-ли есть возможность замѣчать нужды другихъ, во-вторыхъ, онъ въ это время еще не умѣетъ понимать внѣшнія выраженія чувствъ другихъ въ виду краткости собственнаго опыта. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ раннихъ проявленій какъ будто-бы чувства симпатіи на самомъ дѣлѣ являются просто результатомъ чувствительно-двигательнаго внушенія *).

Сигизмундъ наблюдалъ первые признаки симпатіи въ концѣ третьяго мѣсяца, но Тидеманъ говоритъ, что его сынъ, когда ему было только два мѣсяца, отвѣчалъ на ласки, когда его утѣшали обычными ласковыми словами. То-же самое наблюдалъ Сёлли. Въ другомъ случаѣ лицо мальчика шести мѣсяцевъ приняло печальное выраженіе, когда его няня сдѣлала видъ, будто она плачетъ (Ч. Дарвинъ). Одинъ ребенокъ семи мѣсяцевъ проявлялъ несомнѣнный альтруизмъ и, казалось, желалъ дѣлить съ другими всѣ свои удовольствія, за исключеніемъ ѣды. Восьмимѣсячный ребенокъ плакалъ, когда кто-нибудь дѣлалъ видъ, что хочетъ бить его няню, другой ребенокъ почти

*) S. M. Baldwin, «Suggestion in Infancy», Science, February, 1891.

того-же возраста начиналъ издавать печальные звуки съ такимъ выраженіемъ лица, какое бываетъ при плачѣ, когда слышалъ плачъ другого ребенка или когда на фортепіано брали высокія ноты *).

Въ теченіе второго года чувство симпатіи такъ прочно устанавливается, что иногда можно видѣть внѣшнія его выраженія у ребенка даже по поводу мнимыхъ страданій неодушевленныхъ предметовъ или при разсматриваніи картинокъ, изображающихъ страданіе. Ребенокъ этого возраста плакалъ, когда его куклѣ случалось обо что-нибудь удариться. Обыкновенно симпатія гораздо сильнѣе по отношенію къ людямъ, чѣмъ по отношенію къ животнымъ. Ребенокъ одного года, возвратившись послѣ короткаго отсутствія домой, не обратилъ никакого вниманія на кошку и собаку, но сразу и съ выраженіемъ удовольствія узналъ свою няню и другихъ членовъ семьи. Силу человѣческой симпатіи и потребность въ ней у ребенка можно видѣть изъ того факта, что, когда ему случится ушибиться, онъ рѣдко плачетъ, если никого нѣтъ близко, кто могъ-бы услышать его.

Зависть и ревность **). Дѣти по природѣ эгоистичны. Существуетъ мнѣніе, что въ умѣ ребенка совершенно перемѣшиваются понятія о «твоемъ» и «моемъ». Можетъ быть, было-бы вѣрнѣе сказать, что у ребенка едва-ли существуетъ понятіе о «твоемъ», тогда какъ понятіе о «моемъ» несоразмѣрно развито. Инстинктъ собственности весьма силенъ у нѣкоторыхъ дѣтей и составляетъ значительный элементъ въ чувствѣ зависти. «Потребность играть порождаетъ желаніе обладанія», т.-е. обладанія игрушками, а это, въ свою очередь, вызываетъ развитіе инстинкта къ пріобрѣтенію, а за нимъ уже идетъ и чувство зависти. Сынъ Тидемана не допускалъ, чтобы его сестра садилась на его стулъ или надѣвала его платье, но самъ однако свободно бралъ ея платье или стулъ. «Зависть зависитъ, вообще говоря, отъ темперамента и часто служитъ выраженіемъ высокой чувствительности, хотя ея можно наблюдать и у дѣтей спокойнаго характера. Она легко переходитъ въ желаніе обладанія, желаніе быть замѣченнымъ и т. д. Она открываетъ путь для ненависти, обмана, скрытности; въ нѣкоторыхъ слабыхъ натурахъ она ведетъ къ отчаянію» ***).

«Ребенокъ трехъ мѣсяцевъ показываетъ разными способами свой инстинктъ собственности относительно материнской груди; беретъ ее, какъ свою, и ревнуетъ, когда ее даютъ другому. Впослѣдствіи онъ

*) Рукописныя наблюденія проф. Д. Балдвина.

**) Англійское слово jealousy соотвѣтствуетъ по значенію рускимъ словамъ «ревность» и «зависть», поэтому мы должны переводить его то однимъ, то другимъ словомъ, смотря по общему смыслу разсужденій автора. *Прим. перевод.*

***) B. Perez, «Education morale dès le Berceau».

требуетъ ея еще болѣе властно» *). «Марія, которой всего 3½ мѣсяца, чрезвычайно ревнива и плачетъ, когда видитъ свою сестру на колѣняхъ у матери» **). Другой ребенокъ восьми мѣсяцевъ выказывалъ всѣ признаки ревности при подобныхъ-же обстоятельствахъ, очень сердился и пытался согнать узурпатора. Дѣвочка десяти мѣсяцевъ начинала горько плакать, причемъ плачъ ея выражалъ не гнѣвъ, а обманутое ожиданіе, если няня брала на колѣни другого ребенка». Она не успокаивалась, пока не брали ее самое. Она недовольна была, если ее брали на одно колѣно, другого ребенка на другое,—она хотѣла быть одной на колѣняхъ у няни ***). Маленькій Р. требовалъ, чтобы каждое выраженіе нѣжности, которое его родители оказываютъ другъ другу, распространялось и на него. Дарвинъ видѣлъ множество доказательствъ существованія ревности у дѣтей съ пятнадцатаго мѣсяца и говоритъ, что, вѣроятно, ревность можно наблюдать и раньше. То-же самое говоритъ и Пэрэ.

Къ дѣтской ревности надо относиться осторожно. Она часто увеличивается и принимаетъ болѣзненный характеръ вслѣдствіе неразумнаго поведенія и необдуманныхъ похвалъ и порицаній со стороны взрослыхъ. Если-же относиться къ этому чувству внимательно и осторожно, его можно развить въ чувство самоуваженія съ одной стороны и въ истинный альтруизмъ или «ревнивое отношеніе къ интересамъ другихъ»—съ другой и такимъ образомъ содѣйствовать нравственному воспитанію ребенка ****).

III. Умъ.

Хотя большинство явленій, описанныхъ на предшествующихъ страницахъ, въ большей или меньшей степени подразумѣваютъ работу мысли, тѣмъ не менѣе въ первое время жизни ребенка умственная дѣятельность имѣетъ минимальное значеніе, чувство преобладаетъ надъ мыслью, а воображеніе играетъ незначительную роль.

Мы никакъ не можемъ согласиться съ Нассе (Nasse), что «дѣятельность ума начинается съ самаго рожденія и что первое дыханіе есть первое проявленіе интеллекта» или съ Хейфельдеромъ (Heyfelder), что первый крикъ ребенка есть знакъ пробуждающагося интеллекта. Нельзя согласиться однако и съ Карломъ Фогтомъ, который

*) Ibidem.

**) Пэрэ, «Первые три года жизни ребенка».

***) A. Stevenson, «Jealousy in an Infant» («Science», 1892, October).

****) «Въ юности и въ ранней молодости человѣкъ живетъ собственно для себя; въ это время душа и тѣло «жизнью для себя» подготовляются для послѣдующей жизни «для себя и для другихъ» (B. C. Faust, «Die Perioden des menschlichen Lebens», Berlin, 1794).

говоритъ, что новорожденный не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ умственной дѣятельности.

Намъ кажется, что слѣдующія слова Куссмауля всего ближе къ истинѣ. «Нельзя сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ является на свѣтъ съ нѣкоторымъ представленіемъ (idea), правда, представленіемъ весьма смутнымъ, о чемъ-то, находящемся внѣ его, съ нѣкоторой идеей пространства, со способностью локализовать извѣстныя осязательныя ощущенія, съ нѣкоторымъ контролемъ надъ движеніемъ собственнаго тѣла. Какъ иначе объяснимъ мы, что голодный ребенокъ прежде, чѣмъ ему давали сосать, не только ищетъ пищи, но ищетъ ея именно тамъ, гдѣ наиболѣе возбуждается его чувство осязанія во время этихъ поисковъ? Столь удивительныя дѣйствія новорожденнаго ребенка могутъ быть объяснены лишь при слѣдующихъ предположеніяхъ. Во-первыхъ, ребенокъ долженъ обладать смутнымъ представленіемъ о чемъ-то, внѣ его находящемся, что можетъ удалить чувство голода или жажды, и что это должно придти черезъ ротъ. Во-вторыхъ, онъ долженъ быть въ состояніи опредѣлять то именно мѣсто, откуда приходятъ осязательныя ощущенія во время его поисковъ. Въ-третьихъ, онъ долженъ умѣть поворачивать произвольно голову въ одну и въ другую сторону *).

Мы не можемъ въ тѣсныхъ границахъ настоящаго труда подробно излагать природу процесса умственной дѣятельности или прослѣдить умственное развитіе ребенка до достиженія имъ относительно зрѣлаго возраста. Все это читатель найдетъ въ многочисленныхъ трактатахъ по психологіи. Здѣсь мы сдѣлаемъ лишь попытку собрать факты, бросающіе свѣтъ на первое пробужденіе мысли и прослѣдить каждый умственный процессъ до тѣхъ поръ, пока продолжается первый подготовительный фазисъ его, пока еще не началось быстрое движеніе впередъ. Въ виду тѣсной связи мысли и языка, мы находимъ наиболѣе удобнымъ отложить нѣкоторыя замѣчанія, которыя могли-бы быть при другихъ обстоятельствахъ помѣщены здѣсь, до послѣдней главы, посвященной развитію рѣчи у ребенка.

Точности наблюденій надъ умственнымъ развитіемъ ребенка мѣшаютъ два препятствія, побуждающія къ крайней осторожности при производствѣ такихъ наблюденій. Во-первыхъ, совокупное вліяніе наслѣдственности и окружающей обстановки производятъ столь значительную разницу между отдѣльными дѣтьми, что мы не можемъ надѣяться на сколько-нибудь надежные выводы, пока не будетъ произведено весьма значительное число наблюденій. (Во всякомъ случаѣ, *въ настоящее время* этотъ вопросъ никакъ нельзя считать

*) A. Kussmaul, «Untersuchungen», etc.

исчерпаннымъ и по поводу его нельзя высказывать какихъ-нибудь окончательныхъ выводовъ). Во-вторыхъ, даже самые тщательные наблюдатели, наблюдая *одного ребенка*, весьма легко впадаютъ въ заблужденіе, ложно истолковывая нѣкоторыя обманчивыя явленія, и приписываютъ ребенку пониманіе многаго такого, чего онъ на самомъ дѣлѣ вовсе не понимаетъ. «Дѣти совершаютъ ловкія дѣйствія, дѣлаютъ блестящія замѣчанія просто въ силу стремленія къ подражанію или случайно, не сознавая того, что они дѣлаютъ» *). Такимъ образомъ, многія дѣти, которыхъ считаютъ за чудо, ничѣмъ не превосходятъ другихъ дѣтей, кромѣ быстроты подражанія. Когда вы хотите, чтобы ребенокъ то или другое «показалъ» другимъ, ваша надежда часто не сбывается просто потому, что слова не имѣютъ того-же значенія для него, какъ для васъ, и потому что онъ употребляетъ слова въ значительной мѣрѣ механически (т.-е. не сознавая ихъ смысла) **).

Поступокъ ребенка съ внѣшней стороны можетъ походить на поступокъ взрослаго человѣка, но чувство, лежащее въ основѣ поступка, можетъ быть совсѣмъ иное. Не только дѣти склонны въ своихъ отвѣтахъ подражать взрослымъ, не останавливаясь, чтобы подумать и дать самостоятельный отвѣтъ, но часто они любятъ казаться умными и, чтобы быть для насъ интереснѣе, говорятъ то, что, какъ имъ кажется, интересуетъ насъ безъ всякаго отношенія къ истинѣ; они угадываютъ что̀ намъ нужно съ такою тонкостью, какой мы и не подозрѣваемъ. Такимъ образомъ, при объясненіи нижеслѣдующихъ наблюденій требуется чрезвычайная осторожность въ опредѣленіи значенія ихъ съ точки зрѣнія критерія умственнаго развитія.

1. Воспріятіе.

Въ процессѣ воспріятія, который можетъ быть опредѣленъ, какъ «такой актъ ума, которымъ предметы внѣшняго міра познаются черезъ посредство органовъ чувствъ» ***), есть три стадіи, между которыми можно установить разницу въ отношеніи ихъ качества, но не въ отношеніи хронологическаго порядка, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ. Во-первыхъ, простѣйшія ощущенія, доставляемыя

*) Egger, «Sur le Développement de l'Intelligence et du Langage». Paris. 1887.

**) Руссо по этому поводу говоритъ въ своемъ «Эмилѣ»: «Вы готовы сказать это геній; черезъ минуту: это дуракъ. Вы ошибаетесь и въ томъ, и въ другомъ случаѣ: это просто ребенокъ».

***) Лекціи по философіи и психологіи проф. университета въ Торонто Янга (G. P. Young), пока еще не изданы въ свѣтъ.

органами чувствъ, познаются какъ отличныя другъ отъ друга—дифференцируются. Ребенокъ начинаетъ сознавать качественную и количественную разницу въ ощущеніяхъ, напр., онъ сознаетъ разницу между *вкусомъ* сладкимъ и горькимъ. Онъ не могъ-бы описать разницы между этими двумя ощущеніями, если-бы даже могъ говорить, но онъ во всякомъ случаѣ *сознаетъ*, что такая разница существуетъ.

Во-вторыхъ, ощущенія локализуются; ребенокъ сознаетъ, «откуда» они пришли. Это подразумѣваетъ сознаніе пространственныхъ свойствъ тѣлъ и приводитъ насъ къ вызывающему такъ много споровъ вопросу о происхожденіи идеи пространства, но мы не находимъ возможнымъ заниматься здѣсь разсмотрѣніемъ этого вопроса.

Въ-третьихъ, многообразныя ощущенія, такимъ образомъ дифференцированныя и локализованныя объединяются въ нѣкоторое постоянное цѣлое, которое мы называемъ предметомъ. Такъ, ребенокъ соединяетъ разрозненныя ощущенія—зрительныя, осязательныя, обонятельныя и вкусовыя, путемъ которыхъ онъ знакомится съ предметомъ внѣшняго міра—*пищей*.

Вкусовыя воспріятія. «Первый центръ психической жизни ребенка есть его ротъ» *). Вѣроятно, первое дѣйствіе его—сосаніе, и впослѣдствіи всѣ предметы ребенокъ испытываетъ губами и руками вмѣстѣ. Даже на третьемъ мѣсяцѣ ребенокъ еще имѣетъ слабую способность сравненія и сосетъ пустую бутылку такъ-же охотно, какъ и полную, пока не убѣдится, что она пустая, послѣ того какъ ему не удастся оттуда что-нибудь высосать. Съ восьмого дня ребенокъ сдѣлалъ недовольное лицо при видѣ горькаго лекарства, съ седьмой недѣли при этомъ ребенокъ сталъ еще показывать жестомъ нежеланіе принимать лекарство **). Ребенокъ одного мѣсяца и пяти дней принялъ дозу лекарства съ видимымъ отвращеніемъ ***). Цитированные выше опыты Куссмауля показываютъ, что различеніе вкусовъ начинается съ самаго начала. Оно быстро развивается съ третьяго мѣсяца и на десятомъ мѣсяцѣ ребенокъ уже знаетъ разные предметы пищи и хорошо различаетъ одну пищу отъ другой (Пэрэ). Тѣмъ не менѣе ребенокъ, подобно взрослому, но въ большей, конечно, степени, остается подверженнымъ иллюзіямъ вкуса вслѣдствіе смѣшенія вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній и вслѣдствіе смѣшенія ощущеній однородныхъ.

Зрительныя воспріятія. Въ теченіе перваго мѣсяца ребенокъ мало чѣмъ обнаруживаетъ, что у него есть какія-бы то ни было представленія о разстояніи или о собственномъ тѣлѣ. Въ это

*) G. S. Hall, «Notes on the Study of Infant», «Pedagogical Seminary», 1891, June.

**) Пэрэ, «Первые три года жизни ребенка».

***) Tiedeman, «Record of an Infant Life».

время онъ иногда бьетъ и царапаетъ даже собственное лицо. Дѣвочка тридцати дней «какъ будто на одну минуту остановилась на отраженномъ изображеніи самой себя», но въ слѣдующій моментъ оно опять какъ-бы затерялось среди окружающихъ ее предметовъ въ дѣтской [1]). Мальчикъ на второмъ мѣсяцѣ въ первый разъ обнаружилъ, что онъ различаетъ внѣшніе предметы отъ самого себя, протягивая къ нимъ впередъ руки и стараясь схватить ихъ. Около того-же времени онъ, казалось, началъ обращать вниманіе на взгляды и жесты другихъ, и шести мѣсяцевъ онъ различалъ разныхъ лицъ, не имѣя, однако, о нихъ яснаго представленія. Когда что-нибудь являлось передъ нимъ, онъ показывалъ пальцемъ въ ту сторону, чтобы обратить вниманіе, и иногда произносилъ «а» [2]). Съ начала второго года онъ быстро подвигался впередъ въ способности къ различенію, хотя по преимуществу такихъ предметовъ, которые могли удовлетворить его нужды.

Однимъ изъ предметовъ, которые дѣти распознаютъ раньше всего, пожалуй, даже тотъ именно предметъ, который дѣти узнаютъ раньше всѣхъ другихъ, будетъ лицо и общій видъ матери. Дѣти обнаруживаютъ признаки такого распознаванія на второмъ и третьемъ мѣсяцѣ. Мальчикъ семи мѣсяцевъ «несомнѣнно узнавалъ трехъ лицъ»— родителей и няню [3]). Другой мальчикъ девяти недѣль, казалось, узнавалъ свою мать [4]). Ребенокъ не узнаетъ ни одинъ предметъ, не исключая своихъ родителей, если этотъ предметъ находится на извѣстномъ разстояніи [5]). Въ этомъ отношеніи большіе успѣхи дѣлаютъ дѣти въ теченіе перваго полугода. Ребенокъ пяти мѣсяцевъ не старался болѣе хватать предметы, до которыхъ онъ не могъ-бы достать [6]). Улыбка при видѣ изображенія въ зеркалѣ была замѣчена уже на девятой недѣлѣ.

«Изъ ощущеній слуха и обонянія не можетъ быть образовано никакихъ представленій въ первую недѣлю», говоритъ Куссмауль. Около конца второго мѣсяца одинъ ребенокъ обнаружилъ признаки того, что онъ различаетъ интонаціи голоса, выражающія разныя душевныя волненія и чувства. Его можно было успокоить нѣжнымъ тономъ голоса [7]). Другой ребенокъ на третьемъ мѣсяцѣ старательно

---

[1]) Mrs E. Talbot, «Papers on Infant Development».

[2]) Tiedeman, «Record of an Infant Life».

[3]) B. Sigismund, «Kind und Welt», 1856.

[4]) E. Stof-Brown, «The Baby's, Mind».

[5]) G. S. Hall, «Notes on the Stady of Infants».

[6]) Рукописныя наблюденія проф. университета въ Торонто Curry и его жены.

[7]) Tiedemann, op. cit.

искалъ направленія, откуда шёлъ звукъ, поворачивая свою голову въ разныя стороны (Прейеръ).

Вслѣдствіе слабости вниманія и недостатка опыта ребенокъ часто дѣлается жертвой иллюзій воспріятій своихъ чувствъ. Четырехмѣсячный ребенокъ думаетъ, что изображеніе въ зеркалѣ есть живое существо, что доказывается его удивленнымъ взглядомъ, когда онъ слышитъ позади себя голосъ того лица, кому принадлежитъ изображеніе *). Мальчикъ семи мѣсяцевъ протянулъ обѣ руки, чтобы подобрать очень маленькій кусочекъ бумажки **); когда ему было шесть мѣсяцевъ, онъ принялъ плоское блюдо за шаръ и, повидимому, думалъ, что всѣ предметы очень толсты. Маленькая дѣвочка Ф. хотѣла однажды «подобрать» («to pick up») круглую картину, которая представляла рельефное изображеніе, въ другой разъ она хотѣла пойти по водѣ. Я слышалъ однажды, какъ дѣвочка, которой было полтора года, назвала луну лампой, обнаруживъ этимъ, какъ ошибочны были ея представленія о дѣйствительной величинѣ луны и о разстояніи, отдѣляющемъ насъ отъ нея.

Говорятъ, что дѣти особенно подвержены иллюзіямъ слуха, но мы не можемъ привести относящихся сюда примѣровъ изъ опубликованныхъ наблюденій надъ дѣтьми. Насколько несовершенны сужденія дѣтей относительно мускульнаго чувства доказывается, напр., тѣмъ фактомъ, что ребенокъ трехъ мѣсяцевъ не можетъ отличить пустой бутылки отъ полной, основываясь лишь на одномъ вѣсѣ ихъ.

2. Память.

Способность удерживать впечатлѣнія въ памяти и узнавать ихъ, когда они воспроизводятся, имѣетъ сторону физіологическую и психологическую. Физіологическая сторона этого акта состоитъ главнымъ образомъ въ способности органическихъ структуръ получать впечатлѣнія, обладающія большей или меньшей степенью устойчивости, психологическая сторона заключается главнымъ образомъ въ силѣ вниманія. Когда вниманіе дѣятельно направлено къ какому-нибудь настоящему ощущенію, это ощущеніе легче и вѣрнѣе воспроизводится памятью.

Маленькія дѣти имѣютъ слабую способность къ вниманію, слѣдовательно, съ психологической стороны ихъ память слаба. Почти весь опытъ первыхъ двухъ лѣтъ жизни и громадное большинство всѣхъ случаевъ, составляющихъ опытъ послѣдующихъ четырехъ лѣтъ. со-

*) Ch. Darwin. «Biographical Sketch of an Infant».

**) Пэрэ. «Первые три года жизни ребенка».

временно забывается большею частью людей *). Однако мозговыя ткани у дѣтей очень чувствительны, такъ что съ точки зрѣнія физіологической память дѣтей, по крайней мѣрѣ потенціально, очень сильна. Этимъ, вѣроятно, объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что событія изъ періода дѣтства, которыя останутся въ памяти, держатся гораздо прочнѣе, чѣмъ то, что мы запоминаемъ въ періодѣ возмужалости или средняго возраста.

Пусть вниманіе ребенка, которое, надо это помнить, слабо въ обоихъ направленіяхъ, такъ какъ его такъ-же трудно *отвлечь* отъ какого-нибудь настоящаго ощущенія, какъ и *привлечь* къ таковому; пусть вниманіе ребенка надолго остановится на какомъ-нибудь поражающемъ или восхищающемъ его обстоятельствѣ, и въ его пластическомъ умѣ остается такое впечатлѣніе, которое не изгладится никогда. Старые люди лучше помнятъ происшествія, случившіяся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, нежели событія прошлаго года.

Маленькій ребенокъ запоминаетъ гораздо раньше, чѣмъ онъ начинаетъ говорить. Мальчикъ шести мѣсяцевъ, который слегка обжогъ себѣ руку о горячую воду, откинулся назадъ нѣсколько дней спустя при видѣ той-же воды **). Въ это время дѣти узнаютъ нѣкоторыя лица, обнаруживая такимъ образомъ, что въ ихъ памяти сохранились образы этихъ лицъ. Они замѣчаютъ также незнакомыя лица и отличаютъ ихъ отъ знакомыхъ, но они еще не способны замѣчать отсутствіе послѣднихъ (Прейеръ).

Сигизмундъ приводитъ интересный примѣръ памяти у мальчика восьми мѣсяцевъ. Находясь въ ваннѣ, онъ пробовалъ нѣсколько разъ подняться, хватаясь за край ванны, но это ему не удавалось. Наконецъ, ему удалось схватиться за ручку, у которой онъ случайно оказался. Въ слѣдующій разъ, когда его посадили въ ванну, онъ сейчасъ-же потянулся къ ручкѣ и съ видимымъ торжествомъ всталъ.

Память на лица дѣлается сильной въ концѣ перваго года. Одинъ ребенокъ этого возраста узналъ свою няню послѣ шестидневнаго отсутствія, «захлебываясь слезами отъ радости».

Другой мальчикъ, нѣсколько моложе, узналъ своего отца послѣ четырехдневнаго отсутствія. Еще одинъ мальчикъ семи мѣсяцевъ

---

*) «Недавно въ одномъ англійскомъ журналѣ одинъ писатель сообщаетъ, что его память начинается съ одного года и четырехъ мѣсяцевъ», W. Wright, въ «Rubyhood», 1891, Febr.

**) Я думаю, что если-бы даже я прожилъ сто лѣтъ, изъ моей памяти никогда не изгладится и даже не ослабѣетъ то впечатлѣніе, которое я испыталъ, увидя въ первый разъ локомотивъ. Въ настоящее время я припоминаю этотъ случай съ поразительной ясностью, причемъ чрезвычайно отчетливо встаютъ въ моей памяти всѣ побочныя обстоятельства.

не узналъ своей няни послѣ четырехнедѣльной разлуки; когда-же этому мальчику было девятнадцать мѣсяцевъ, онъ узналъ своего отца даже на нѣкоторомъ разстояніи послѣ разлуки, длившейся двѣ недѣли. Ребенокъ четырехъ мѣсяцевъ узналъ свою няню послѣ четырехъ недѣль; когда ему было десять мѣсяцевъ, онъ замѣчалъ отсутствіе родителей и очень безпокоился по поводу этого обстоятельства. Одинъ мальчикъ, двадцати трехъ мѣсяцевъ, выражалъ необыкновенный восторгъ, когда ему дали снова старыя игрушки послѣ промежутка въ одиннадцать недѣль; когда ему было полтора года, онъ былъ крайне озадаченъ, когда его послали однажды снести матери *одно* полотенце, тогда какъ онъ привыкъ, чтобы его посылали къ ней съ *двумя* полотенцами *).

Сынъ Дарвина, немного болѣе трехъ лѣтъ, тотчасъ узналъ портретъ своего дѣдушки «и упомянулъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя произошли во время ихъ послѣдней встрѣчи почти за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ», причемъ въ промежуточное время объ этомъ вовсе не было разговору. Маленькій мальчикъ Р. узналъ молодую даму, которая жила рядомъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль ея отсутствія. Онъ также узналъ меня послѣ трехъ недѣль. Въ это время мальчику было двадцать три мѣсяца.

Мальчикъ полутора года услышалъ, какъ кто-то сказалъ про другого мальчика, что тотъ упалъ и ушибъ себѣ ногу. Нѣсколько дней спустя, этотъ мальчикъ вошелъ въ комнату, тогда первый мальчикъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «Упалъ, ушибъ ногу!» («Fall-hurt leg» **). Дитя двухъ лѣтъ, мать котораго сдѣлала ему игрушечныя сани изъ карты, нѣсколько дней спустя, взявъ только что полученное отъ почтальона открытое письмо, побѣжалъ съ нимъ къ матери, крича: «мама, сани!» ***).

Новыя событія напоминаютъ по ассоціаціи о старыхъ; такимъ образомъ, напр., ребенокъ припоминаетъ иногда происшествія, случившіяся до того времени, когда онъ научился говорить. Одинъ маленькій мальчикъ, котораго я знаю, такимъ образомъ разсказалъ одно происшествіе, случившееся раньше, чѣмъ онъ выучился говорить: «Pussy kime on table; pull Nonie off (онъ хотѣлъ сказать Nonie

*) Рукописныя наблюденія надъ своимъ сыномъ одной матери, окончившей курсъ въ Smith College и тщательно слѣдившей за умственнымъ развитіемъ своего ребенка.

**) Едва-ли нужно прибавлять, что англійская фраза ребенка не удовлетворитъ правиламъ грамматики (оба глагола въ неопредѣленномъ наклоненіи).

***) Прейеръ, «Душа ребенка». Ребенокъ сказалъ по-нѣмецки «mama, Sitten!» (вмѣсто Schlitten—сани).

pulled her off); pussy katch Nonie face, hands too» *). Эта фраза сопровождалась жестами, показывавшими, какъ кошка оцарапала ребенка. Другой трехлѣтній мальчикъ, помнилъ хорошо и охотно подражалъ прежнимъ своимъ неудачнымъ попыткамъ говорить **).

Въ связи съ этимъ интересно было-бы отвѣтить на вопросъ: которое изъ чувствъ оставляетъ въ памяти самыя живыя и самыя прочныя впечатлѣнія? Скорѣе всего является мысль приписать такое превосходство чувству зрѣнія, но, высказывая такое предположеніе мы, пожалуй, ошибемся. Надо думать, какъ, повидимому, полагаетъ и Кейра, что важнѣйшую роль играетъ мускульное чувство ***). Дѣти полны *дѣятельности* и ихъ психическая жизнь связана съ движеніемъ. Для своего развитія они должны *дѣлать* что-нибудь, и они въ тысячу разъ лучше запоминаютъ то, что они дѣлаютъ сами, нежели то, что имъ говорятъ или показываютъ. То-же самое справедливо и относительно взрослыхъ. Всѣмъ извѣстно, что многіе учатся вслухъ. Мы лучше помнимъ то, что мы *пишемъ*, нежели то, что мы просто *читаемъ*. Педагоги видятъ въ этомъ очень важный принципъ, примѣнимый въ воспитаніи, и вся система дѣтскихъ садовъ основана на этомъ принципѣ.

Относительно слуховыхъ впечатлѣній надо сказать, что ребенокъ лучше всего запоминаетъ разсказъ, который сопровождается жестами, привлекающими вниманіе его глазъ. Маленькій мальчикъ С. двадцати пяти мѣсяцевъ повторилъ на свой ладъ одну коротенькую сказку, которую онъ слышалъ только разъ наканунѣ, сопровождая свой разсказъ многочисленными жестами; затѣмъ онъ сталъ чрезвычайно весело смѣяться.

Въ занимающемъ насъ отношеніи очень интересенъ опытъ, описываемый проф. Балдвиномъ въ журналѣ «Science» (2-го мая 1890). Ребенку было шесть съ половиной мѣсяцевъ. Няня его была въ отсутствіи три недѣли. По возвращеніи она *показалась* ребенку, не говоря ни слова, затѣмъ стала *говорить*, не показываясь ребенку. Ребенокъ не узналъ ея ни въ одномъ, ни въ другомъ случаѣ. Но когда она показалась вновь и запѣла знакомую дѣтскую пѣсенку, ребенокъ узналъ ее и сталъ громко выражать свою радость. Это хорошій примѣръ «суммированія стимуловъ» или совокупнаго дѣйствія разныхъ ощущеній, изъ которыхъ каждое усиливаетъ другое, вслѣд-

*) Фраза съ точки зрѣнія грамматики совершенно неправильна, по-русски ее можно передать приблизительно слѣдующимъ образомъ: «Киса (кошка) пришла на столъ, толкнулъ Нони прочь, киса схватила Нони лицо, руки тоже»).

**) Прейеръ, «Душа ребенка».

***) Queyrat, «L'Imagination et ses variétés chez l'enfant», 1893. Paris. (Существуетъ въ русскомъ переводѣ *П. М.*).

ствіе чего они всѣ вмѣстѣ производятъ такой результатъ, какого не могло-бы произвести ни одно изъ нихъ въ отдѣльности.

3. Ассоціація.

Дѣятельность памяти и воображенія совершается согласно законамъ ассоціаціи. Главнѣйшіе изъ этихъ законовъ—законы сходства, смежности и противоположности. Общій принципъ ассоціаціи можетъ быть выраженъ такъ: «когда по какой-либо причинѣ возобновляется часть прежняго умственнаго акта, замѣчается стремленіе къ возстановленію умственнаго акта во всемъ его цѣломъ» *).

Физіологическая основа ассоціаціи едва-ли существуетъ при рожденіи ребенка, но постепенно, вмѣстѣ съ жизненнымъ опытомъ, развиваются извѣстные пути въ мозговой ткани, составляя какъ-бы ассоціированную сѣть, соединяющую разные нервные центры между собой. Въ то-же время со стороны психологической увеличивается склонность замѣчать сходства, различія и т. д.,—способность подмѣчать ихъ даже тамъ, гдѣ они не такъ очевидны.

По мнѣнію Дарвина, ребенокъ далеко превосходитъ низшихъ животныхъ по своей способности къ ассоціаціи идей. «Легкость, съ которой... пріобрѣтаются ассоціированныя идеи, кажется мнѣ наиболѣе замѣтнымъ изъ всѣхъ отличій между умомъ ребенка и умомъ самой умной взрослой собаки, какую только мнѣ приходилось видѣть» **).

Въ наблюденіяхъ, существующихъ по этому поводу, замѣчаются большія различія, въ зависимости отъ индивидуальности ребенка. Чампнисъ наблюдалъ внѣшніе знаки ассоціаціи пріятныхъ чувствъ уже на восьмой недѣлѣ жизни ребенка, у котораго улыбки сопровождались сосательными движеніями губъ. Тидеманъ полагалъ, что ему удалось наблюдать слѣды ассоціаціи уже на восемнадцатомъ днѣ жизни, когда ребенокъ, котораго коснулась мягкая рука (a soft hand), пересталъ плакать и принялъ такое положеніе, какое слѣдовало принять для сосанія. Сёлли замѣтилъ подобное движеніе у ребенка десяти недѣль. Дарвинъ, напротивъ, не замѣтилъ никакихъ признаковъ прочныхъ ассоціацій ранѣе пятаго мѣсяца. Тэнъ относитъ ихъ даже къ десятому мѣсяцу. Пэрэ думаетъ, что однородныя ощущенія около средины перваго мѣсяца до такой степени ассоціированы, что они узнаются ребенкомъ, когда повторяются; онъ даже говоритъ далѣе, что «нѣтъ ни одного рода ассоціацій изъ тѣхъ,

*) Цитированныя выше лекціи проф. Янга въ Торонто.

**) Дарвинъ, «Biographical Sketch of an Infant».

которыя такъ старательно были изучены психологами, слѣды которыхъ, хотя-бы и весьма слабые, мы не находили-бы въ ребенкѣ шести или семи мѣсяцевъ *).

Вотъ примѣры ассоціаціи по смежности. Когда маленькому ребенку надѣваютъ шляпу и пальто, или если его посадятъ въ дѣтскую коляску, онъ дѣлается крайне безпокойнымъ и даже сердится, если сейчасъ-же затѣмъ не выходятъ вмѣстѣ съ нимъ изъ дому. Это наблюдалось надъ дѣтьми, имѣвшими менѣе полугода (Дарвинъ), въ нѣкоторыхъ случаяхъ надъ дѣтьми одного года (Тидеманъ). У дѣтей послѣдняго возраста ассоціація гораздо сильнѣе: ребенокъ не можетъ даже *видѣть* шляпы, пальто или зонтика, не обнаруживая сильнаго безпокойства. Возможно также, какъ думаетъ Пэрэ, что и въ плачѣ ребенка, просящаго пищи при наступленіи дня, можно видѣть зародышъ ассоціаціи по послѣдовательности, изъ которой созидается представленіе о времени.

Возможность рудиментарнаго представленія о причинѣ и слѣдствіи можетъ быть усматриваемо изъ цитированнаго выше факта, когда ребенокъ около полугода, ожогшись о горячій предметъ, впослѣдствіи отдернулся назадъ при видѣ того-же предмета, или, напр., изъ такого факта: ребенокъ, замѣтивъ, что при проведеніи по какому-нибудь предмету ногтемъ получается звукъ какъ при царапаніи, повторяетъ это дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока не убѣдится въ связи между движеніемъ ногтя и указаннымъ особаго рода звукомъ **).

Смежность въ формѣ существованія видна изъ слѣдующихъ примѣровъ. У ребенка семи мѣсяцевъ личность няни ассоціировалась со звуками ея имени; когда произносили имя няни, ребенокъ оборачивался кругомъ и искалъ ея (Ч. Дарвинъ). То-же самое было наблюдаемо относительно ребенка пяти мѣсяцевъ (Пэрэ). Сынъ Дарвина девяти мѣсяцевъ ассоціировалъ свое имя съ своимъ изображеніемъ въ зеркалѣ. Будучи десяти мѣсяцевъ, тотъ-же ребенокъ узналъ, что предметъ, отбрасывающій тѣнь на стѣнѣ *впереди* его, слѣдуетъ искать *сзади*. Ему еще не исполнилось года, когда достаточно было повторить короткое предложеніе два или три раза съ промежутками между ними, чтобы запечатлѣть въ его умѣ какую-нибудь ассоціированную идею.

Сходство есть, если не самая ранняя, то во всякомъ случаѣ одна изъ самыхъ прочныхъ ассоціацій у ребенка. Сынъ Дарвина во второй половинѣ перваго года качалъ головой и говорилъ «а» (ah) при видѣ ящика съ углемъ, воды, разлитой по полу, и вообще при видѣ

*) Пэрэ, «Первые три года жизни ребенка».

**) Mrs E. Talbot, «Papers in Infant Development».

всего, имѣющаго сходство съ тѣми вещами, которыя его пріучили считать грязными. Другой мальчикъ девяти мѣсяцевъ, услышавъ слово «папа», протягивалъ руки къ другому мужчинѣ, который былъ похожъ на его отца (Пэрэ); маленькая дѣвочка того-же возраста знала портретъ своего дѣдушки, висѣвшій на стѣнѣ. Сигизмундъ говоритъ: «Я показалъ своему сыну, которому въ то время не было еще года, чучело кулика, и сказалъ «птица» (Vogel). Онъ сейчасъ-же повернулся къ другой сторонѣ комнаты и посмотрѣлъ на чучело совы, которое тамъ находилось. Маленькая дѣвочка Тэна пятнадцати мѣсяцевъ, увидѣвъ раскрашенныя изображенія птицъ, сейчасъ-же закричала «коко», какъ она называла обыкновенно цыплятъ. Маленькій мальчикъ С., увидѣвъ портретъ на открытомъ письмѣ, сдѣлалъ особый звукъ носомъ, какъ при нюханіи табаку, подобно тому, какъ дѣлалъ это его дѣдушка; этотъ ребенокъ показалъ, что онъ замѣчаетъ сходство между дѣдушкой и изображеніемъ на письмѣ *).

Дѣтямъ, вообще говоря, доставляетъ особое наслажденіе сходство звуковъ; они неисправимые каламбуристы; имъ нравятся чрезвычайно риѳмы, они съ удовольствіемъ повторяютъ слова, начинающіяся съ той-же буквы, они подмѣчаютъ малѣйшее сходство между звуками. Harry O'Neil перекрещивается ими въ Harry Oatmeal (oatmeal значитъ овсянка), слово October напоминаетъ имъ knocked over (т.-е. сброшенный черезъ), do re me они передѣлываютъ do re you **). Простыя созвучія, которыя кажутся скучными для взрослыхъ, забавляютъ ихъ по цѣлымъ часамъ, какъ, напр., «Ene, mene, mine mo и т. д. или «Dickory, dickory, dock» и т. д. Когда ребенокъ учится говорить, способность его ума къ ассоціаціи по сходству можно видѣть, напр., въ дѣтской привычкѣ расширять значеніе словъ, такъ что одно слово служитъ у нихъ для обозначенія ряда предметовъ, которые походятъ одинъ на другой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Къ этому вопросу мы вернемся еще ниже (см. главу V, отдѣлъ 5-й).

4. Воображеніе.

Принято различать два рода воображеній: *пассивное* и *активное*. При первомъ, т.-е. пассивномъ, безъ всякаго активнаго вниманія съ

*) Надо замѣтить, что на американскихъ открытыхъ письмахъ отпечатаны, если не ошибаемся, портреты Вашингтона. *П. М.*

**) G. S. Hall, «Contents of Childrens, Mindson Entering. School». «Pedagogical Seminary», 1891, June. Въ объясненіе послѣдней дѣтской шутки замѣтимъ, что по англійски me значитъ *меня* и you васъ; такимъ образомъ, дѣти музыкальныя ноты читаютъ вмѣсто до ре меня (me), до ре васъ (you).

нашей стороны или безъ всякаго усилія воли передъ нами проходятъ разные образы, располагаясь въ фантастическомъ безпорядкѣ. Примѣромъ такой работы воображенія могутъ служить сны, а также возобновленіе въ нашей памяти въ часы бодрствованія разныхъ почти изгладившихся образовъ по законамъ ассоціаціи.

Дѣятельнымъ, активнымъ или творческимъ воображеніемъ называется такое, при которомъ мы извѣстнымъ усиліемъ вниманія и воли старымъ образамъ придаемъ новыя формы, неодушевленнымъ предметамъ придаемъ жизнь и индивидуальность; дальнѣйшей творческой работой воображенія мы можемъ разнымъ образомъ комбинировать эти образы, ставя ихъ въ разнообразныя положенія другъ къ другу. По отношенію къ перваго рода воображенію Пэрэ выражается такъ: «Ребенокъ, которому, можетъ быть, не исполнилось и мѣсяца и который узнаетъ грудь своей матери лишь на очень близкомъ разстояніи, своимъ сильнымъ желаніемъ получить грудь обнаруживаетъ, что видъ груди произвелъ на него впечатлѣніе и что образъ ея глубоко запечатлѣлся въ его памяти. У ребенка трехъ мѣсяцевъ который, услышавъ пѣніе птицы или услышавъ слово «Коко», быстро оборачивается и смотритъ на птичью клѣтку, уже образовалось весьма живое представленіе о птицѣ и о клѣткѣ. Когда тотъ-же ребенокъ нѣсколько позже увидѣлъ, что няня беретъ свое пальто или что мать машетъ зонтикомъ, выражаетъ радость и уже представляетъ себѣ, какъ пойдетъ гулять, онъ опять-таки обнаруживаетъ дѣятельность своего воображенія. Когда на восьмомъ или девятомъ мѣсяцѣ этого ребенка обманули, давъ ему кусочекъ хлѣба вмѣсто пирожнаго, и онъ, убѣдясь въ злой шуткѣ, съ сердцемъ бросилъ прочь хлѣбъ, мы можемъ быть увѣрены, что въ его воображеніи прочно засѣлъ образъ пирожнаго. Такимъ-же образомъ, когда ребенокъ начинаетъ лепетать слово «папа» при видѣ всякаго мужчины, надо думать, что въ его воображеніи прочно установились характеристичные признаки того, что онъ называетъ «папой». Когда дѣтей, научившихся произносить слово мама, оставляютъ однихъ, они постоянно повторяютъ это слово, показывая этимъ, что изъ ихъ воображенія не уходитъ образъ матери *).

Одной изъ самыхъ важныхъ формъ пассивнаго воображенія у ребенка являются его сны. По многимъ причинамъ весьма трудно опредѣлить, когда ребенокъ начинаетъ видѣть сны. Ребенокъ, умѣющій говорить, будетъ разсказывать свои сны, подражая взрослымъ, если даже никакого сна онъ не видѣлъ. Относительно-же дѣтей, не умѣющихъ говорить, мы не можемъ имѣть никакихъ надежныхъ дан-

*) Пэрэ, «Первые три года жизни ребенка».

ныхъ. Нѣтъ однако основанія сомнѣваться въ томъ, что ребенокъ начинаетъ видѣть сны, какъ только его жизненный опытъ во время бодрствованія доставитъ ему ясныя и опредѣленныя ощущенія.

Что касается до *творческой* работы воображенія, то лишь вслѣдствіе ограниченныхъ размѣровъ своего труда мы должны отказаться отъ приведенія безконечнаго ряда примѣровъ, доказывающихъ плодовитость дѣтскаго ума въ этомъ отношеніи. Ихъ маленькія деревянныя игрушки обращаются въ настоящихъ солдатъ, дающихъ дѣйствительныя сраженія, или въ сильнѣйшіе локомотивы, везущіе длинные и тяжело нагруженные поѣзда, или въ громадные пароходы, плывущіе по бездоннымъ глубинамъ океановъ. «Дайте ребенку нѣсколько обломковъ стекла, цвѣтокъ, какой-нибудь фруктъ, цвѣтную нитку и куклу—и его воображеніе создастъ изъ этого матеріала неисчерпаемый источникъ счастья» *). Въ самомъ дѣлѣ, дѣтскія игрушки, какъ говоритъ Ястровъ, служатъ какъ-бы «канвой, по которой дѣтское воображеніе вышиваетъ самые причудливые узоры» **).

Для того, чтобы удовлетворять своему назначенію, игрушка вовсе не должна быть художественнымъ произведеніемъ. «Мы не любимъ покупныхъ куколъ», говоритъ маленькая Бёджъ въ извѣстномъ разсказѣ «Helen's Babies» и, говоря такимъ образомъ, она, повидимому, выражаетъ мнѣніе большинства дѣтей. Пріятно, конечно, имѣть восковую куклу, а иногда на нее полюбоваться, но для настоящей, свободной, повседневной игры давайте намъ старую изодранную куклу» ***).

Дѣти въ своихъ играхъ всегда кого-нибудь представляютъ. Они превращаются въ королей и королевъ, въ учителей, проповѣдниковъ, отцовъ и матерей, или дѣдушекъ и бабушекъ и исполняютъ всѣ принятыя на себя обязанности съ чрезвычайной торжественностью и достоинствомъ. Они окружаютъ себя воображаемыми лицами и ведутъ съ ними воображаемые разговоры ****).

---

*) G. S. Hall, «Story of a Sand Pile» (Scribner's Magazine, 1888, June).

**) J. Jastrow, «Problems of Comparative Psichology».

***). То-же самое справедливо и относительно картинокъ. Я видѣлъ одну нѣмецкую книжку съ картинками для дѣтей, почти лишенную всякихъ художественныхъ достоинствъ, тѣмъ не менѣе книга имѣла сто семьдесятъ семь изданій. Въ настоящее время въ Россіи существуетъ движеніе (?) къ запрещенію ввоза тонко исполненныхъ и изящныхъ французскихъ игрушекъ по той причинѣ, что такія игрушки совсѣмъ не даютъ простора для работы дѣтскаго воображенія. (Примѣчаніе проф. Трэси).

****) Одно изъ величайшихъ наслажденій дѣтей заключается въ тайнахъ, которыя они скрываютъ отъ скептицизма взрослыхъ и которыя постепенно вырабатываются въ своего рода маленькую миѳологію. См. O. Wendell Holmes, «The Poet at the Breakfast Fable».

Я заключу этотъ отдѣлъ цитатой. В. Ньюэль (W. W. Newell), авторъ сочиненія «Игры и пѣсни дѣтей въ Америкѣ» (Games and Songs of American Children), говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Попробуйте когда-нибудь наблюдать за маленькой дѣвочкой, которую мать взяла съ собой погулять въ городской паркъ. Мать, сидя спокойно на скамейкѣ, наполовину погрузилась въ свои мечты и думы и почти не обращаетъ вниманія на прохожихъ или на то, что видитъ или слышитъ вокругъ себя; изрѣдка она броситъ кругомъ бѣглый взглядъ, чтобы убѣдиться, что ребенокъ цѣлъ и невредимъ. Дѣвочка, предоставленная самой себѣ, бѣгаетъ весьма довольная въ тѣсномъ пространствѣ, на которомъ ей позволено гулять, и постоянно болтаетъ сама съ собой; то она взберется на холмикъ, то порхнетъ, какъ птичка, съ одного конца дорожки къ другому. Прислушайтесь къ ея монологамъ, которые текутъ такъ-же непрерывно и музыкально, какъ журчанье ручейка; если вамъ удастся немножко прослѣдить теченіе ея мыслей, вы увидите, что въ ея воображеніи проходитъ цѣлая повѣсть или романъ. Воображаемыя лица слѣдуютъ по ея пятамъ, въ ея фантазіи находится настоящій дѣтскій театръ, она заразъ исполняетъ три или четыре роли. Неровность почвы, быстрый прыжокъ бѣлки, чириканье воробья—все это представляетъ достаточный поводъ для того, чтобы вызвать обмѣнъ впечатлѣній между воображаемыми лицами, которыми наполненъ ея міръ. Поднимаясь на искусственную скалу и споткнувшись разъ-другой, она подражаетъ матери, заботливо ведущей своего ребенка по краю пропасти; поднимая глаза вверхъ къ зеленѣющей кущѣ деревьевъ, она подражаетъ крикамъ радости, которыми обмѣниваются между собой ея мнимые товарищи, отправившись гулять въ яркій солнечный день. Взрослый человѣкъ не выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ памяти и жизненнаго опыта, ребенокъ дышитъ вольнымъ воздухомъ своей творческой фантазіи».

5. Мыслительная дѣятельность.

Понятіе (conception), сужденіе (judgment) и умозаключеніе, три рода мыслительной дѣятельности, излагаются нами вмѣстѣ, такъ какъ между ними невозможно установить качественныхъ отличій. Между ними существуетъ лишь разница въ степени, но не по существу. Всякое понятіе подразумѣваетъ рудиментарное сужденіе, а силлогизмъ состоитъ просто въ апперцептивномъ (сознательнымъ) синтезѣ сужденій, составными элементами которыхъ являются понятія. Такимъ образомъ, указанные три рода мыслительной дѣятельности

въ сущности три различныя стадіи одного и того-же умственнаго процесса, которымъ вырабатываются наши отвлеченныя сужденія. На основаніи этихъ соображеній, примѣры, приводимые нами для иллюстраціи одного рода мыслительной дѣятельности, заключаютъ въ себѣ элементы, которые могутъ служить и для иллюстраціи остальныхъ.

Понятіе. Первый жизненный опытъ ребенка имѣетъ характеръ главнымъ образомъ физіологическій, животный; сверхъ того, его опытъ имѣетъ по преимуществу частный и конкретный характеръ. Ребенокъ живетъ въ мірѣ частностей. Великимъ моментомъ въ жизни ребенка является первый его шагъ за предѣлы отдѣльныхъ предметовъ, первыя попытки отвлечь ихъ общія свойства и изъ этого составить первыя понятія (notions). Вотъ когда онъ начинаетъ, собственно говоря, *думать*, *мыслить* въ тѣсномъ смыслѣ слова, и вотъ эта-то способность мыслить отвлеченными и общими понятіями и составляетъ, по мнѣнію Локка, наиболѣе существенную разницу между умомъ человѣка и низшихъ животныхъ *).

Тэнъ думаетъ, что общія понятія являются лишь послѣ того, какъ ребенокъ выучится говорить. Прейеръ, утверждаетъ, что «способность къ обобщенію и, слѣдовательно и способность къ необходимому для образованія представленій комбинированію воспроизведенныхъ образовъ, всегда наблюдается даже прежде первыхъ попытокъ ребенка говорить. Что способность къ обобщенію можетъ обнаружиться, хотя весьма несовершеннымъ образомъ, даже на первомъ году, по моимъ наблюденіямъ представляется несомнѣннымъ. Дѣтей поражаетъ свойство какого-нибудь предмета, напр., бѣлый цвѣтъ молока. Процессъ «отвлеченія» этого качества будетъ, слѣдовательно, состоять въ изолированіи его неисчислимаго количества другихъ зрительныхъ впечатлѣній и въ соединеніи этихъ впечатлѣній въ одинъ образъ. Присвоеніе этому качеству особаго названія, что начинается много мѣсяцевъ позже,.. есть лишь внѣшнее проявленіе этого процесса отвлеченія, такъ что присвоеніе извѣстному обобщенію названія слѣдуетъ за образованіемъ понятія (concept), а не предшествуетъ ему» **). Далѣе Прейеръ цитируетъ Эльвейна (Oehlwein) въ подтвержденіе того, что и глухонѣмыя дѣти въ первый годъ жизни составляютъ и логически комбинируютъ ихъ одно съ другимъ; отсюда онъ заключаетъ, что мышленіе не связано необходимо съ употребленіемъ рѣчи, хотя для него несомнѣнно необходима извѣстная степень развитія мозга. Даже орангутанги и шимпанзе мыслятъ

*) «Human Understanding», II, Chapt. II.

**) Прейеръ, «Душа ребенка».

безъ употребленія рѣчи, но ихъ понятія менѣе общи, менѣе ясны и менѣе многочисленны, нежели понятія ребенка даже въ то время, когда онъ еще не началъ говорить; послѣ-же этого разстояніе, отдѣляющее ихъ, увеличивается безгранично. Пэрэ соглашается съ такимъ взглядомъ и цитируетъ Узо, чтобы доказать, что собаки, пчелы и другія безгласныя животныя имѣютъ понятія и что они способны къ мыслительной дѣятельности. Относительно ребенка Пэрэ приводитъ нѣсколько примѣровъ. Мальчикъ восьми мѣсяцевъ, который любилъ забавляться набиваніемъ всякихъ вещей въ жестяную коробку, впослѣдствіи изслѣдовалъ каждую игрушку, отыскивая въ ней отверстіе. Другой ребенокъ того-же возраста обыкновенно производилъ особаго рода звукъ, когда хотѣлъ твердой пищи,—звукъ, отличающійся отъ того, какимъ онъ просилъ груди матери. Еще одинъ мальчикъ девяти мѣсяцевъ до очевидности ясно обнаруживалъ, что у него уже сложилось понятіе о «животномъ».

По Ромэнсу, есть классъ идей, занимающихъ промежуточное мѣсто между воспріятіемъ (the percept) и понятіемъ (concept), такъ какъ онѣ менѣе отвлеченны, нежели первыя, и болѣе общи, нежели вторыя; этимъ идеямъ онъ даетъ названіе «*recept*». Это «сложныя идеи», возникающія отъ повторенія болѣе или менѣе сходныхъ воспріятій. Напр., когда попугай, выучившійся кричать гамъ! гамъ! при входѣ дворовой собаки въ комнату, кричитъ такимъ-же образомъ при видѣ чужихъ собакъ разныхъ цвѣтовъ окраски шерсти, разныхъ величинъ и разныхъ породъ, онъ обнаруживаетъ обладаніе идеей, представляющей шагъ впередъ по отношенію къ воспріятію, которую, строго говоря, нельзя однако назвать понятіемъ. Каждый ребенокъ въ своемъ развитіи проходитъ черезъ подобную стадію, для которой рѣчь не является необходимостью, между тѣмъ какъ образованіе истинныхъ понятій, т.-е. активный синтезъ качествъ въ отдѣльные классы, по мнѣнію Ромэнса, не возможно, пока ребенокъ не выучится говорить*).

Придавая слову «понятіе» (concept) обыкновенный его смыслъ, включающій и то, что Ромэнсъ называетъ «recept», можно считать твердо установленнымъ, что образованіе понятій предшествуетъ развитію рѣчи въ значительной мѣрѣ независимо отъ нихъ. Несомнѣнно, однако, съ другой стороны и то, что процессъ отвлеченія и обобщенія не можетъ достигнуть сколько-нибудь значительной сложности безъ помощи рѣчи, какъ показываетъ наблюденіе надъ самыми даровитыми глухонѣмыми.

Даже послѣ того какъ ребенокъ начинаетъ говорить, развитіе

---

*) См. также рядъ статей въ «Public School Journal» (1891—1892) подъ заглавіемъ «Какъ представленія возникаютъ изъ воспріятій».

способности къ мыслительной дѣятельности совершается медленно. Въ одномъ случаѣ ребенокъ семнадцати мѣсяцевъ еще не умѣлъ расчленять своего сложнаго «вкусового и обонятельнаго понятія» (по сколько оно касалось какого-либо одного предмета) на его составные элементы, полученные путемъ вкуса и обонянія (Прейеръ); однако другой ребенокъ семи мѣсяцевъ, казалось, различалъ качества понятій *). Мальчикъ трехъ лѣтъ не понималъ значенія словъ «величина» («size») и «доброта» (goodhes), хотя гораздо раньше онъ уже понималъ вполнѣ хорошо фразу: «бэби (baby—ребенокъ) хорошій мальчикъ» **). Дѣти до двухъ лѣтъ имѣютъ весьма плохое представленіе о числѣ. Ребенокъ двухъ съ половиной лѣтъ смѣшивалъ значеніе словъ дурной (злой—«naughty») и безобразный («ugly»). Короче говоря, въ это время мы можемъ наблюдать у дѣтей лишь самыя низшія степени проявленія способности къ отвлеченію.

Первыя обобщенія ребенка весьма не точны. Даже тогда, когда онъ начинаетъ употреблять слова съ общимъ значеніемъ, онъ не придаетъ имъ того-же самаго смысла, какой имъ придаютъ взрослые: онъ склоненъ дѣлать слишкомъ широкія обобщенія. «Ребенокъ мыслитъ гораздо болѣе широкими (extensive) и гораздо менѣе опредѣленными (intensive) понятіями (notions), нежели взрослый. Поэтому онъ легко впадаетъ въ ошибки не по глупости, а просто въ силу невѣжества, проистекающаго отъ недостаточнаго жизненнаго опыта». Послѣ того какъ ему нѣсколько разъ случилось давать ѣсть траву барану, онъ предлагаетъ траву птицамъ (Прейеръ), и въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ совершенно логически въ границахъ своего знанія. Ребенокъ распространяетъ слово «папа» на другихъ мужчинъ слово «atta» или «peudu» (perdu) на всякаго рода исчезновеніе.

Одинъ ребенокъ распространилъ примѣненіе слова кря-кря (quack-quack) не только на утокъ, но и на воду, по которой утка плаваетъ, затѣмъ — на всѣхъ птицъ и насѣкомыхъ, далѣе на всѣ жидкости, наконецъ, даже на всѣ монеты, такъ какъ онъ видѣлъ изображеніе орла на французской монетѣ су ***). Онъ включилъ пароходъ, кофейникъ и всѣ издающіе свистъ или шумъ предметы въ классъ «*fafer*», т.-е. chemin de fer, локомотивъ (желѣзная дорога).

---

*) Пэре, «Первые три года жизни ребенка».

**) Англійское слово baby (баби) значитъ ребенокъ. Можетъ быть, вслѣдствіе легкости этого слова, позволяющей дѣтямъ скоро усвоивать его произношеніе, оно употребляется отчасти и какъ имя собственное для очень маленькихъ дѣтей такъ какъ даже ласкательныя отъ обычныхъ собственныхъ именъ состоятъ изъ болѣе трудныхъ звуковъ.

***) G. J. Romanes, «Mental Evolution in Man». 1889.

Мать забавляла маленькую дѣвочку восемнадцати мѣсяцевъ, прячась отъ нея и крича «coucou»; той-же дѣвочкѣ говорили, отстраняя ее отъ палящихъ лучей солнца «*brûle*» (жарко—буквально это жжетъ). Однажды, увидѣвъ, какъ солнце скрылось за холмомъ, дѣвочка связала вмѣстѣ обѣ идеи и сказала «*a bûle coucou*» *). Другой ребенокъ такого-же возраста называлъ «*no-no*» всякіе очки, потому что ему запрещали хвататься за очки его няни, говоря ему «*no-no*» (нельзя) **).

Тэнъ считаетъ характеристичной чертой, отличающей ребенка отъ низшихъ животныхъ, эту самую способность открывать сходства и различія,—способность, позволяющую ребенку до такой поразительной степени расширять значеніе слова. Ребенокъ не только называетъ «гамъ-гамъ» собакъ разныхъ породъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ на улицѣ, но «нѣсколько позже онъ дѣлаетъ то, чего животное никогда не дѣлаетъ, онъ кричитъ гамъ-гамъ игрушечной собакѣ, которая лаетъ, когда ее пожмутъ, другой игрушечной собакѣ, которая не лаетъ, а можетъ катиться на колесахъ, затѣмъ—бронзовымъ собакамъ, которыя украшаютъ гостиную, маленькому своему двоюродному брату, который пока еще бѣгаетъ на четверенькахъ, и, наконецъ, картинкѣ, изображающей собачку ***).

Представленія дѣтей о разныхъ предметахъ связаны главнымъ образомъ съ употребленіемъ этихъ предметовъ или съ ихъ дѣйствіемъ. Бинэ даетъ значительное число интересныхъ опредѣленій, которыя дѣти давали предметамъ; изъ нихъ я выбираю слѣдующія: «Un couteau, c'est pour couper le viande». «Un cheval c'est pour traîner une voiture, avec un monsieur dedans». «Une lampe, c'est pour allamer, pour qu'on voie clair dans la chambre». «Un crayon, c'est pour écrire». «Un chapeau c'est pour mettre sur la tête».

Сужденіе (Judgment) въ рудиментарной формѣ входитъ въ качествѣ необходимаго элемента въ образованіе всякаго понятія (conception) и даже въ извѣстной мѣрѣ и въ каждое воспріятіе (perception), какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Когда двухмѣсячный ребенокъ узнаетъ своихъ родителей, когда по достиженіи трехъ мѣсяцевъ съ половиной онъ оборачивается къ клѣткѣ, услышавъ слово «коко», когда онъ тянется къ ложкѣ ртомъ въ то время, какъ его кормятъ; когда, семи мѣсяцевъ, онъ поворачивается налѣво, если предметъ, привлекающій его вниманіе, такъ далеко

*) H. Taine, «De l'Intelligence». 1871.

**) Рукописныя наблюденія проф. Балдвина.

***) H. Taine, «De l'Intelligence» (существуетъ въ русскомъ переводѣ: Тэнъ, «Объ умѣ и познаніи»; въ 1884 г. вышло второе русское изданіе. П. М.).

относятъ назадъ, что онъ не можетъ видѣть его, поворачиваясь вправо; когда, восьми мѣсяцевъ, онъ узнаетъ изображеніе на картинѣ; когда, на десятомъ мѣсяцѣ, онъ ясно обнаруживаетъ пониманіе того, что тѣла имѣютъ тяжесть; когда онъ тогда-же показываетъ не подлежащими сомнѣнію знаками, что онъ замѣчаетъ отсутствіе родителей,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не можемъ сомнѣваться, что онъ совершаетъ актъ сужденія.

Эти сужденія, правда, большею частью конкретныя и частныя, такъ какъ только позднѣе ребенокъ совершаетъ сужденія болѣе отвлеченнаго и общаго характера. Дѣти восемнадцати мѣсяцевъ узнаютъ изображенія наиболѣе обыкновенныхъ животныхъ и произносятъ при этомъ соотвѣтствующія восклицанія «гамъ-гамъ», «мяу» и т. д. Сужденіе, выраженное словами, происходитъ тогда, когда какой-нибудь предметъ вызываетъ въ умѣ ребенка нѣкоторую идею, которой онъ даетъ какое-либо названіе, показывая, что въ его умѣ это названіе связано съ этимъ предметомъ. Такимъ образомъ, первое сужденіе въ словахъ вовсе не должно непремѣнно состоять изъ двухъ словъ, какъ думаетъ, повидимому, Тэнъ; оно обыкновенно состоитъ изъ одного слова, замѣняющаго цѣлое предложеніе. Сынъ Прейера произнесъ первое свое сужденіе въ словахъ двадцати трехъ мѣсяцевъ, сказавъ «горячо» (heiss) вмѣсто «эта пища горяча».

Умозаключеніе (Reasoning). Когда маленькому мальчику Р. было четыре мѣсяца, онъ игралъ однажды на полу, окруженный игрушками. Одна игрушка откатилась такъ далеко, что онъ не могъ достать ея руками. Тогда мальчикъ схватилъ деревянную рогульку (служащую для прикрѣпленія бѣлья къ веревкѣ во время просушки) и употребилъ ее, какъ «грабли», для того, чтобы придвинуть поближе игрушку и затѣмъ достать рукой. Дарвинъ положилъ палецъ на ладонь ребенка пяти мѣсяцевъ, ребенокъ сжалъ его своими пальцами и поднесъ ко рту. Когда онъ убѣдился, что ему мѣшаютъ сосать его собственные пальцы, онъ отпустилъ ихъ, зажалъ палецъ Дарвина немножко ниже и затѣмъ сталъ сильно его сосать. Когда сынъ Прейера, шести мѣсяцевъ, «послѣ продолжительнаго опыта сосанія, замѣтилъ, что притокъ молока менѣе обиленъ, онъ обыкновенно нажималъ рукой на грудь матери, какъ будто-бы онъ хотѣлъ давленіемъ выжать оттуда молоко». Другой ребенокъ, семи мѣсяцевъ, кричалъ, чтобы и ему дали часть того, что ѣла его няня (Пэрэ). Мальчику восьми мѣсяцевъ дали часы. Сначала онъ пробовалъ съ видимымъ удовольствіемъ откусить отъ нихъ кусокъ, а затѣмъ сталъ стараться отломить кусокъ, какъ онъ это дѣлалъ съ кренделемъ. Ребенокъ тринадцати мѣсяцевъ, замѣтившій сходство между двумя

мужчинами, приготовился къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ одного изъ нихъ, которыя обыкновенно въ такихъ случаяхъ совершалъ другой *).

Мальчикъ С., четырнадцати мѣсяцевъ, кормилъ однажды собаку сухарями, но скоро у него сухари вышли. Онъ сейчасъ-же «подползъ къ буфету, открылъ лѣвую дверцу, приподнялся самъ, держась за полку, и вытащилъ сухари изъ ящика, въ которомъ они лежали». Онъ видѣлъ раньше, какъ оттуда брали сухари, но самъ не бралъ никогда до этого случая. Тотъ-же мальчикъ однажды сталъ трогать сначала свои уши, а затѣмъ уши матери, глядя на изображеніе кроликовъ. Однажды, когда ему было полтора года, онъ вернулся послѣ игры на лужкѣ совсѣмъ разгоряченнымъ и немного запачкавшись. Онъ сейчасъ-же побѣжалъ къ матери, выставляя на видъ запачканную одежду съ выраженіемъ отвращенія, потомъ подбѣжалъ къ комоду, гдѣ хранилось его чистое платье, и сталъ тащить изо всей силы. Другой мальчикъ того-же возраста, обѣ руки котораго были полны игрушекъ, желая захватить еще одну, быстро положилъ ее между своими колѣнями **). Маленькая дѣвочка такого-же возраста часто притворялась спящей, пока няня не уходила изъ комнаты, послѣ чего она продолжала по прежнему шумно играть.

Сынъ Тидемана уже двухъ лѣтъ часто прибѣгалъ къ хитрости, чтобы достичь своихъ цѣлей. Маленькая дѣвочка Ф., полуторыхъ лѣтъ, выказала хорошій примѣръ умозаключенія по аналогіи. Ей показали картинки въ книгѣ съ краснымъ переплетомъ. Послѣ этого она пошла къ книжному шкапу, взяла оттуда двѣ книги также съ краснымъ переплетомъ и стала ихъ перелистывать, ожидая, очевидно, и тамъ найти картинки.

Съ конца второго года способность къ логической мысли у большинства дѣтей подвигается впередъ столь быстрыми шагами, что мы не находимъ возможности приводить всѣ собранные нами примѣры. Мы приведемъ только одинъ. Двухлѣтній мальчикъ хорошо зналъ названіе употребляемой имъ пищи и когда мать въ его присутствіи произносила слово молоко (milk), онъ сейчасъ-же начиналъ просить, чтобы ему дали молока. Поэтому, когда мать желала избѣжать этого, она не говорила слово молоко (milk), а произносила подъ рядъ буквы, изъ которыхъ состоитъ это слово. Скоро однако мальчикъ сталъ узнавать слово и въ такомъ видѣ и однажды, когда мать спросила м-о-л-о-к-а (m-i-l-k), мальчикъ сталъ громко радоваться, произнося по своему слово молоко ***) («myckey»—мики).

*) E. Strow Brown, «The Baby's Mind».

**) F. Warner, «The Children: how to study them», London, 1887.

***) Рукописныя наблюденія надъ однимъ маленькимъ мальчикомъ въ Бостонѣ, произведенныя и записанныя миссъ Сарою Валтсе (Wiltce).

6. Самосознаніе.

Явленія, которыми сопровождается постепенное развитіе яснаго сознанія того, что Тэнъ называетъ «центромъ», «математической точкой», по отношенію къ которой опредѣляется все «остальное» и что каждый изъ насъ называетъ «я»,—внѣшніе признаки того, что ребенокъ постепенно «начинаетъ сознавать себя, какъ нѣкоторое постоянное существо, отличное отъ всѣхъ другихъ предметовъ, которые онъ знаетъ, чувства, которыя онъ испытываетъ, цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ» *),— всѣ эти явленія удобнѣе всего разсмотрѣть подъ слѣдующими четырьмя рубриками.

1) *Отношеніе ребенка къ собственному тѣлу.* Въ теченіе первыхъ недѣль ребенокъ царапаетъ и бьетъ собственное лицо. Одинъ мальчикъ кусалъ свой палецъ, пока не сталъ плакать отъ боли; ему только что пошелъ второй годъ. На девятомъ мѣсяцѣ ноги еще усердно ощупываются, и дѣти нерѣдко подносятъ пальцы ногъ ко рту, какъ будто постороннее тѣло.

Такое опытное изученіе частей своего тѣла продолжается весь второй годъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно длится еще значительную часть третьяго года. «Въ теченіе перваго года ребенокъ еще не сознаетъ свой организмъ, какъ часть самаго себя» **). Когда мальчику девятнадцати мѣсяцевъ сказали «дать ножку», онъ схватилъ ее обѣими руками и старался передать ее цѣликомъ (Прейеръ). Одна маленькая дѣвочка, подражая знакомой ей пѣсенкѣ, говорила: «одну папѣ, одну мамѣ, одну ножкамъ» ***) (one for toses—вмѣсто toes, т.-е. буквально—для пальцевъ на ногахъ).

Сигизмундъ думаетъ, что ребенокъ дѣлаетъ значительные успѣхи въ познаніи собственнаго тѣла (и слѣдовательно, дѣлаетъ первые шаги къ самопознанію), поднося руку ко рту, чтобы смягчить боль при прорѣзываніи зубовъ; конечно, при этомъ ощущеніе, испытываемое имъ, когда онъ кусаетъ свой палецъ, совершенно отличается отъ того, когда онъ кусаетъ палецъ няни. Ребенокъ четырехъ-пяти мѣсяцевъ внимательно изучаетъ собственные пальцы. Когда одна рука случайно схватитъ другую, онъ внимательно смотритъ на обѣ. Лежа на спинѣ, онъ пристально смотритъ на свои вытянутыя въ воздухѣ ножки.

---

*) Записки покойнаго проф. философіи и психологіи Янга (G. P. Young university of Toronto), пока не изданныя въ свѣтъ.

**) Romanes, «Mental Evolution in Man», 1889.

***) Рукописныя наблюденія проф. Балдвина.

Со всѣмъ этимъ тѣсно связано очевидное наслажденіе, которое находитъ ребенокъ въ своей дѣятельности и въ своей способности что-нибудь совершать. Вундтъ полагаетъ, что мышечное чувство играетъ наиболѣе важную роль въ генезисѣ самосознанія, и едва-ли есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что пріобрѣтеніе способности ходить весьма значительнымъ образомъ содѣйствуетъ росту идеи самосознанія. Чувство собственной силы порождается открытіемъ ребенка, что онъ можетъ вызывать перемѣны въ состояніи предметовъ. «Въ жизни ребенка чрезвычайно важенъ тотъ день, когда онъ въ первый разъ узнаетъ связь между исполненнымъ имъ движеніемъ и слѣдующимъ за нимъ ощущеніемъ» (Прейеръ). Сынъ Прейера на пятомъ мѣсяцѣ узналъ, что, разрывая бумагу, онъ можетъ вызывать извѣстныя слуховыя ощущенія, равно какъ и потряхиваньемъ связкой ключей, открываніемъ и закрываньемъ коробки (на тринадцатомъ мѣсяцѣ), переворачиваніемъ листовъ въ книгѣ и т. д., ребенокъ предавался всѣмъ этимъ занятіямъ съ настойчивостью, поразительной для взрослаго человѣка. Ему, очевидно, доставляло истинное удовольствіе сознавать себя причиной нѣкоторыхъ актовъ.

2) *Отношеніе ребенка къ собственному изображенію въ зеркалѣ.* Сынъ Дарвина не узналъ своего изображенія въ зеркалѣ, когда ему было пять мѣсяцевъ; двумя мѣсяцами позже онъ уже сталъ узнавать свое изображеніе, а еще черезъ два мѣсяца онъ научился ассоціировать съ нимъ свое имя.

Другой ребенокъ восьми мѣсяцевъ обыкновенно смотрѣлъ на свое изображеніе въ зеркалѣ съ большимъ удивленіемъ (выражавшимся широко открытыми глазами и неподвижностью тѣла). «Когда ему дали ручное зеркало, онъ сталъ смотрѣть съ большимъ интересомъ на собственное изображеніе, улыбался и старался даже схватить его. Онъ положилъ руку на зеркало и пытался схватить изображеніе руки, затѣмъ онъ повернулъ къ себѣ зеркало другой стороной и былъ очень удивленъ результатомъ этого дѣйствія» *). Другой мальчикъ тоже самое продѣлалъ, когда ему было десять мѣсяцевъ; шесть мѣсяцевъ спустя, его застали однажды стоящимъ передъ зеркаломъ: онъ дергалъ себя за волосы, разсматривалъ свои глаза и уши и вытягивалъ языкъ **).

Сынъ Прейера не обратилъ вниманія на свое изображеніе въ зеркалѣ, когда ему было три мѣсяца. Черезъ три недѣли онъ уже посмотрѣлъ на свое изображеніе, но не обратилъ на него еще вниманія. Еще черезъ двѣ недѣли онъ внимательно посмотрѣлъ на свое

*) E. Brown Stow, «The Baby's Mind».

**) Рукописныя наблюденія надъ развитіемъ одного мальчика въ Вермонтѣ.

изображеніе—и засмѣялся. Въ концѣ шестого мѣсяца онъ протянулъ къ нему свою руку. На девятомъ мѣсяцѣ онъ схватилъ его и, казалось, удивился, когда его руки пришли въ соприкосновеніе съ гладкой поверхностью. Четырнадцати мѣсяцевъ онъ протянулъ свою руку къ зеркалу, какъ будто стараясь что-нибудь тамъ отыскать. Впослѣдствіи онъ поступилъ такимъ образомъ, когда ему дали фотографическую карточку. На шестнадцатомъ мѣсяцѣ ребенокъ дѣлалъ гримасы передъ зеркаломъ и смѣялся. Черезъ двѣ недѣли онъ смотрѣлъ часто на себя въ зеркало съ выраженіемъ видимаго удовольствія и даже тщеславія. Двадцати мѣсяцевъ онъ связалъ свое имя съ изображеніемъ и когда его спрашивали: «гдѣ Аксель?» онъ показывалъ пальцемъ на свое изображеніе. Другой ребенокъ узналъ свое изображеніе въ зеркалѣ, когда ему было двѣнадцать мѣсяцевъ, показывалъ на него рукой и говорилъ Тэти (Tatie вмѣсто Katie). Одинъ мальчикъ пятнадцати мѣсяцевъ называлъ свое изображеніе «Titta», т.-е. такъ-же, какъ онъ называлъ ребенка или куклу.

3) Въ-третьихъ, мы видимъ такія дѣйствія ребенка, которыя показываютъ зарожденіе *чувства собственности* *), что, напр., можно видѣть въ гордости ребенка своимъ внѣшнимъ видомъ и своимъ нарядомъ, въ ревнивомъ охраненіи своихъ игрушекъ и вообще всѣхъ вещей, которыя ребенокъ считаетъ принадлежащими себѣ по праву. Выше уже былъ приведенъ рядъ примѣровъ чувствъ зависти и ревности у дѣтей. Что касается гордости своимъ нарядомъ, то надо сказать, что въ этомъ отношеніи между дѣтьми наблюдается весьма значительная разница; нѣкоторыя дѣти находятъ въ этомъ громадное наслажденіе, тогда какъ другіе, повидимому, обращаютъ весьма мало вниманія. Маленькая дѣвочка, которую я наблюдалъ съ перваго года, чрезвычайно любитъ наряды и готова проводить цѣлые часы, украшая себя вуалями, перьями и браслетами, разыгрывая изъ себя настоящую даму. Когда на нее надѣнутъ новое платьице и новую шляпу, она очень гордится этимъ и гуляетъ, держась прямо и даже, пожалуй, съ большимъ достоинствомъ.

4) Перейдемъ теперь къ *употребленію* ребенкомъ *мѣстоименія я* (I, ish, je, ego). Интересно замѣтить, что, согласно мнѣнію нѣкоторыхъ языковѣдовъ (напр., Макса Мюллера), это слово въ началѣ развитія языка было *указательнымъ* мѣстоименіемъ и значило «этотъ» («this one»); вѣроятно, этому слову сопутствовалъ жестъ, а еще раньше, вѣроятно, жестъ замѣнялъ самое слово. Человѣкъ говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ прежде, нежели выучился употреблять

*) The beginnings of the Feeling of Property.

первое лицо. То-же самое справедливо и относительно ребенка. Онъ сначала называетъ себя собственнымъ именемъ или употребляетъ слово «baby» (дитя, ребенокъ); разумное употребленіе личнаго мѣстоименія перваго лица приходитъ позже: большинство наблюдателей относятъ его къ третьему году. Я никогда не слыхалъ, чтобы ребенокъ менѣе двухъ лѣтъ сказалъ про себя «я» или «меня» (мнѣ, «I» or «me»). Главное затрудненіе заключается въ томъ, что ребенокъ никогда не слышитъ, чтобы кто-нибудь *другой* говорилъ *о немъ* такими словами. Вотъ почему ребенокъ дѣлаетъ иногда такія ошибки: «возьми меня *ко мнѣ* на колѣни (вмѣсто «къ себѣ») *).

Такимъ образомъ, сознаніе, выражаемое словомъ «я» (the «I» feeling), уже существуетъ, когда нѣтъ еще умѣнья употреблять самое слово. Сознаніе самого себя отнюдь *не порождается* (is not generated), а только дѣлается болѣе точнымъ и опредѣленнымъ съ пріобрѣтеніемъ рѣчи. Съ другой стороны, не слѣдуетъ думать, что употребленіе какого-нибудь слова всегда показываетъ существованіе соотвѣтственнаго представленія. Дѣти, которыя находятся постоянно среди лицъ, употребляющихъ это слово, могутъ пользоваться имъ (во многихъ случаяхъ—просто въ силу подражанія, не понимая его значенія; ребенокъ иногда можетъ сказать «я хочу ѣсть», вовсе не представляя, что это выраженіе отличается отъ того, еслибы онъ сказалъ просто «ѣсть» **).

Пэрэ говоритъ: «когда ребенокъ научится говорить «я» или «меня» вмѣсто словъ Charles или Paul, слова «я» и «меня» имѣютъ для него не болѣе отвлеченный характеръ, чѣмъ собственныя имена, которыя онъ научился замѣнять этими словами. Какъ мѣстоименія, такъ и собственныя имена одинаково выражаютъ очень опредѣленную и конкретную идею его индивидуальной личности. Когда трехлѣтній ребенокъ говоритъ «я хочу того-то», это просто переводъ выраженія «Павелъ желаетъ того-то», а слово «я», равно какъ и слово «Павелъ», не указываютъ ни перваго, ни третьяго лица, но то лицо, которымъ является *онъ самъ*, ему хорошо знакомая личность, которую онъ настолько сознаетъ во всѣхъ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ. Отвлеченное понятіе личности еще не существуетъ въ умѣ ребенка» ***). Короче говоря, въ этомъ случаѣ такъ велико вліяніе окружающей ребенка обстановки, что едва-ли возможно дать общія положенія, которыя были-бы вѣрнѣе относительно всѣхъ дѣ-

*) Take me up. on *my* (meaning *your*) lap.

**) «A child may say «dam hungry without any idea that «I» different from «hungry». Romanes, «Mental Evolution in Man».

***) «Первые три года жизни».

тей. Иногда дѣти едва-ли и слышатъ когда-нибудь мѣстоименіе «я». Члены семьи избѣгаютъ употреблять это мѣстоименіе и говорятъ вмѣсто этого: «мамѣ некогда» (mamma is busy) *), «сестрица ушла въ школу», «бэби (ребенокъ) долженъ быть пай мальчикъ» (good) и т. д. При такихъ условіяхъ дѣти, конечно, не скоро усваиваютъ употребленія мѣстоименія «я».

Во многихъ случаяхъ дѣти въ Англіи и Америкѣ вмѣсто *я* говорятъ *me* (ми—меня), почему-то это имъ кажется легче. Иногда дѣти проходятъ черезъ нѣкоторую промежуточную стадію, когда они употребляютъ безразлично то «я», то собственное имя или даже мѣстоименіе «онъ» (he). Бинэ разсказываетъ про одну маленькую дѣвочку, за развитіемъ которой онъ слѣдилъ, что она ровно трехъ съ половиной лѣтъ въ первый разъ употребила мѣстоименіе «я» (je) во фразѣ je ne sais pas; три дня спустя, она сказала je ne veux pas. Но даже долгое время послѣ этого она ошибалась въ употребленіи мѣстоименія личнаго. У двухъ другихъ дѣтей «я» смѣнило употребленіе мѣстоименія третьяго лица до окончанія третьяго года, употребленіе мѣстоименія I (я) предшествовало me (меня, мнѣ), и мѣстоименіе you (тебя, васъ; ты, вы) явилось позднѣе обоихъ **). Одинъ ребенокъ 25-ти мѣсяцевъ употреблялъ притяжательное мѣстоименія «мой» (my), но не употреблялъ личнаго мѣстоименія «я». Таковы различные факторы, опредѣляющіе развитіе самосознанія ребенка, дѣйствіемъ которыхъ «онъ поднимается выше и выше по сравненію съ животными, такъ что наконецъ разница между животнымъ и человѣкомъ» (которой нельзя видѣть до рожденія и которую едва-ли можно въ чемъ-нибудь замѣтить въ первое время послѣ рожденія) становится неизмѣримо громадной.

IV. Воля.

Мы подходимъ къ самой трудной и самой важной части нашего труда. Трудность эта объясняется въ высшей степени сложнымъ характеромъ каждаго акта воли, которое имѣетъ столь важное значеніе, очевидно, вслѣдствіе громаднаго вліянія, оказываемаго тою или иною теоріею воли на нравственныя и религіозныя идеи. Въ са-

*) Т.-е. такимъ образомъ говоритъ ребенку мать о самой себѣ (*Прим. перев.*).

**) G. S. Hall., «Notes on the Study of Infants». Надо сказать, что англичане употребляютъ мѣстоименіе ты и 2 л. ед. числа глаголовъ только обращаясь къ Богу; въ повседневной жизни говорятъ всѣмъ безразлично вы—you. Такъ какъ это мѣстоименіе уже не измѣняется по падежамъ, то оно по своему употребленію соотвѣтствуетъ всѣмъ падежамъ русскихъ ты и вы (*Прим. перев.*).

момъ дѣлѣ, справедливо не только то, что «всякое существо тѣмъ болѣе способно къ воспитанію и нравственному развитію, чѣмъ болѣе оно способно къ развитію воли» *), справедливо также и то, что самые различные взгляды на отвѣтственность человѣка за свои дѣйствія и на его назначеніе развились изъ ничтожныхъ, повидимому, различій во мнѣніяхъ относительно природы и свободы воли. Мы приводимъ далѣе рядъ относящихся сюда взглядовъ разныхъ писателей, чтобы ознакомить читателя съ направленіемъ современной мысли по поводу разбираемаго вопроса, воздерживаясь пока отъ выраженія своихъ личныхъ мнѣній.

«Изъ желанія чего-бы то ни было, что однажды доставило пріятное чувство, постепенно развивается воля ребенка» (Прейеръ). По мнѣнію Прейера, появленіе воли вызывается соединеніемъ двухъ представленій; во-первыхъ, желаемой цѣли и, во-вторыхъ, движенія, необходимаго для достиженія этой цѣли. Послѣднее нельзя считать безусловно необходимымъ и впослѣдствіи такого представленія вовсе не бываетъ, исключая случаевъ, когда надо произвести новаго рода движенія. Такимъ образомъ, достаточно одной идеи цѣли, безъ идеи средства или способа. Итакъ, воля основана на желаніи и развивается изъ него **).

По мнѣнію Гюйо, для полнаго акта воли необходимо два рода представленій: во-первыхъ, акта, который желаютъ исполнить, и другого акта—противоположнаго, который *могъ-бы* быть исполненъ. Слѣдовательно, воля есть результатъ борьбы между стремленіями ***).

Пэрэ выражается по этому поводу такъ: «Воля рождается мало-по-малу изъ рефлекторныхъ, импульсивныхъ и инстинктивныхъ движеній, которыя съ развитіемъ способностей къ воспріятію и къ составленію понятій и послѣ долгаго и разнообразнаго упражненія под-

*) M. Guyau, «Education et Hérédité». 1890 (существуетъ въ русскомъ переводѣ: Гюйо, «Воспитаніе и наслѣдственность». М. 1891).

**) Теорію Прейера относительно *происхожденія* воли нельзя, однако, считать эмпирической, какъ видно изъ слѣдующей цитаты. «Было-бы ошибкой думать, что воля возникаетъ изъ ощущеній въ дѣтствѣ... воля никогда не можетъ явиться въ ребенкѣ только какъ результатъ внѣшняго опыта; она развивается постепенно изъ врожденнаго зародыша воли». W. Preyer, «Psychogenesis» («Journal of Speculative Philosophy», 1881, April).

***) Полный актъ воли, т.-е. полное развитіе внутренней энергіи, предполагаетъ, что къ представленію того самаго акта, который сейчасъ будетъ совершенъ, присоединяется болѣе слабое представленіе акта противоположнаго. Итакъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: не можетъ быть акта вполнѣ волевого или, что̀ все равно, вполнѣ сознательнаго, къ которому не присоединялось-бы ощущеніе побѣды однихъ внутреннихъ стремленій надъ другими, слѣдовательно, возможной борьбы *между* этими стремленіями, слѣдовательно — возможности борьбы и *противъ* этихъ стремленій». M. Guyau, op. cit., 1890.

падаютъ подъ дѣйствіе вниманія и становятся сознательными, обдуманными, однимъ словомъ волевыми». Воля въ отрицательной своей формѣ (воздержаніе отъ какого-нибудь дѣйствія), по его мнѣнію, въ началѣ есть также актъ механическій, не сознательный и не произвольный. Это есть уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое задержаніе рефлекторныхъ, импульсивныхъ или инстинктивныхъ движеній, проявляемыхъ возбужденіемъ мозга вслѣдствіе нѣкотораго ощущенія. Такимъ образомъ, задержка въ началѣ состоитъ просто въ замѣнѣ одного стремленія другимъ *).

Вундтъ, напротивъ того, думаетъ, что нѣтъ актовъ, безусловно рефлекторныхъ и не произвольныхъ, что вниманіе болѣе или менѣе дѣятельно даже при такихъ движеніяхъ, которыя кажутся въ высшей степени механическими **).

Проф. Джемсъ устанавливаетъ, какъ отличительную черту волевыхъ движеній, необходимость предварительнаго *желанія* и *намѣренія* совершить нѣкоторый актъ и, слѣдовательно, полное *предвидѣніе* самаго акта. Поэтому онъ опредѣляетъ волевыя движенія, какъ вторичныя функціи нашего организма, тогда какъ «рефлекторныя, инстинктивныя и эмоціональныя движенія суть первичныя функціи или акты». Джемсъ волевыя движенія ставитъ въ зависимость отъ существованія въ памяти представленій о предварительныхъ непроизвольныхъ движеніяхъ. «Когда уже происходило то или иное движеніе, какъ случайное или какъ рефлекторное инстиктивное, и оставило извѣстный образъ въ памяти, то это движеніе впредь можетъ быть предметомъ желанія, цѣлью, къ достиженію которой возможно сознательное стремленіе. Нельзя себѣ представить, какимъ образомъ эта цѣль можетъ быть предметомъ желаній при иныхъ обстоятельствахъ. *Пріобрѣтеніе идей различныхъ возможныхъ движеній, оставшихся въ памяти послѣ опыта такихъ движеній въ качествѣ актовъ непроизвольныхъ, есть, такимъ образомъ, первое необходимое условіе для возможности волевыхъ актовъ*».

Читатель видитъ, что всѣ эти взгляды подтверждаютъ высказанное въ настоящемъ сочиненіи мнѣніе, что умственные акты человѣка послѣдовательно претерпѣваютъ процессъ превращенія, въ силу котораго, будучи сначала по преимуществу физіологическими, они съ теченіемъ времени становятся по преимуществу психическими.

---

*) См. также: Ribot, «Les Maladie de la Volonté», стр. 8 (существ. въ рус. перев.); Bain, «The Emotions and the Will», часть II, гл. I. Сравн. Baldwin, «Suggestion in Infancy», Science. 1891.

**) «Menschen und Thierseele» (Существуетъ въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ «Душа человѣка и животныхъ»).

Мы видимъ въ настоящее время примѣненіе этого-же принципа къ движеніямъ или дѣйствіямъ.

Первыя движенія ребенка, по мнѣнію цитированныхъ выше писателей, не волевыя, но рефлекторныя, инстинктивныя и т. д. Разумнаго пониманія преслѣдуемой цѣли и тѣхъ средствъ, которыми она можетъ быть достигнута, пока еще нѣтъ; къ этому можно прибавить, что пока этого нѣтъ, *движеніе* ребенка нельзя назвать *дѣйствіемъ*, поступкомъ, какъ нельзя назвать такимъ образомъ качаніе вѣтки на деревѣ, производимое вѣтромъ. Мыслящій субъектъ долженъ сначала научиться контролировать *движеніе* и разумно направлять его къ ясно сознаваемой желательной цѣли, и тогда только это *движеніе превращается въ дѣйствіе, поступокъ*.

Мы считаемъ необходимымъ также, во избѣжаніе недоразумѣнія, положительно высказать, что мы вовсе не раздѣляемъ взгляда, выраженнаго нѣкоторыми изъ цитированныхъ писателей, что воля есть производное явленіе или результатъ механическихъ движеній, т. е. нѣчто такое, что вызывается къ жизни совокупнымъ дѣйствіемъ случайныхъ движеній животнаго организма. Мы полагаемъ, что было-бы полнымъ извращеніемъ истины объяснять развитіе воли посредствомъ принципа превращенія, тогда какъ единственный возможный способъ объясненія самаго этого превращенія есть утвержденіе предварительнаго существованія волевой дѣятельности. Намъ говорятъ, напр., что воля *рождается* (born) понемногу изъ рефлекторныхъ и инстинктивныхъ движеній, которыя вошли въ область вниманія, намъ говорятъ также, что воля развивается изъ желанія чего-либо, что доставило пріятное ощущеніе. Дѣло, однако, въ томъ, что акты вниманія и желанія, какъ мы ихъ понимаемъ, не возможны безъ участія воли. Такимъ образомъ, вниманіе и желаніе не только не могутъ быть разсматриваемы какъ необходимыя предшествующія или антеценденты воли, они должны быть разсматриваемы, *какъ формы* ея проявленія; такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы приписывать зарожденіе воли указанному превращенію, въ силу котораго движенія попадаютъ въ область вниманія, гораздо основательнѣе приписать самое это преобразованіе акту воли. Итакъ, воля есть причина, а не слѣдствіе превращенія. Можно съ достаточнымъ основаніемъ повторить за Прейеромъ, что воля *развивается* въ связи съ этими движеніями и желаніями,—если подъ словомъ *развитіе* разумѣть только *ростъ*, а не генезисъ воли,—но когда утверждаютъ, что воля *зарождается* изъ дѣйствій, къ которымъ направлены вниманіе и желаніе, то достаточно спросить только: а откуда появляется вниманіе и желаніе, чтобы обнаружить всю неудовлетворительность такого объясненія.

Такія критическія замѣчанія намъ казались тѣмъ необходимѣе, что въ послѣдующемъ изложеніи принята классификація движеній ребенка, предложенная Прейеромъ, какъ наиболѣе удовлетворяющая требованіямъ науки и наиболѣе исчерпывающая вопросъ. Мы можемъ принять ее цѣликомъ *для описанія и классификаціи* относящихся сюда фактовъ, что нисколько не обязываетъ насъ держаться какой-бы то ни было теоріи происхожденія воли, въ основаніе которой положена эта классификація.

Вотъ эта классификація. Во-первыхъ, мы имѣемъ множество движеній, въ которыя не входитъ периферическое возбужденіе, но которыя являются результатомъ исключительно внутренняго состоянія организма. Эти движенія—простое проявленіе избытка нервной энергіи, и тутъ происходятъ только двигательные, а не чувствительно-двигательные процессы. Эти движенія совершаются, конечно, безъ участія воли и называются импульсивными движеніями. Во-вторыхъ, мы имѣемъ рядъ движеній (весьма многочисленныхъ у новорожденнаго), которыя хотя и требуютъ периферическаго возбужденія и, слѣдовательно, представляютъ чувствительно-двигательные процессы, не требуютъ, однако, активнаго вниманія и усилія, а слѣдовательно, также происходятъ безъ участія воли (рефлекторныя движенія). Въ-третьихъ, мы можемъ отмѣтить рядъ движеній особаго рода,—движеній весьма многочисленныхъ у человѣка и составляющихъ, вѣроятно, большую часть такъ называемыхъ дѣйствій низшихъ животныхъ, для которыхъ особенно приспособлена физическая и эмоціональная стороны организма въ силу наслѣдственности. Это такъ называемыя инстинктивныя движенія.

Наконецъ, выше всѣхъ надо поставить настоящія дѣйствія, поступки (the *bona fide* actions), при которыхъ есть желаніе извѣстной цѣли, вниманіе, направленное на нее, представленіе и обсужденіе средствъ къ достиженію ея, равно какъ и сознательное направленіе собственныхъ *усилій* къ осуществленію это цѣли. Это и будетъ сознательно задуманными и произвольными движеніями или движеніями «идейными».

Въ такомъ порядкѣ мы и будемъ ихъ разсматривать, предупреждая, однако, читателя, что если какое-либо движеніе классифицируется здѣсь какъ импульсивное или рефлекторное, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что оно никогда не можетъ попасть въ другой разрядъ. Движеніе, внѣшнимъ образомъ выражающееся одинаково, можетъ быть одинъ разъ импульсивно, а въ другой представлять настоящій произвольный актъ. Въ этомъ надо видѣть лишь одно изъ выраженій принципа превращенія.

1. Импульсивныя движенія.

Большинство движеній зародыша принадлежитъ къ этому разряду. Съ извѣстнаго времени (съ начала «шевеленія» плода) плодъ совершаетъ многочисленныя мускульныя движенія (большею частью вызываемыя процессами питанія и кровеобращенія) ранѣе проявленія первой рефлекторной чувствительности. Новорожденный ребенокъ также совершаетъ много такихъ движеній, включая сюда дрыганье ножками (kicking), катанье на спинѣ, неуклюжія движенія всѣми членами и комическія гримасы, которыя приходится такъ часто наблюдать въ первыя недѣли жизни ребенка. Ребенокъ бьетъ рукой направо и налѣво и подноситъ ее къ лицу безъ всякой цѣли, онъ начинаетъ дрыгать ножками, если его приподнять вверхъ. Можно наблюдать, какъ глаза ребенка двигаются, прежде нежели открываются вѣки; засыпая, ребенокъ принимаетъ то положеніе, какое онъ имѣлъ, находясь въ утробѣ матери; просыпаясь, онъ вытягиваетъ члены; короче говоря, ребенокъ работаетъ почти каждымъ мускуломъ безъ всякаго участія периферическаго возбужденія.

Движенія бываютъ симметрическими (случайно), но обыкновенно первое время они бываютъ не симметричны. Нѣкоторыя изъ этихъ движеній (какъ, напр., зѣваніе, потягиваніе) остаются на всю жизнь, но большинство исчезаетъ въ концѣ второго года. Многія изъ этихъ движеній неожиданны для самого ребенка; онъ, очевидно, пораженъ, увидя себя совершающимъ извѣстное движеніе, а потомъ дѣлаетъ его произвольно, повторяя безчисленное количество разъ и видимо гордясь своей новооткрытой способностью.

Первая улыбка относится несомнѣнно сюда-же, равно какъ и тѣ своеобразные звуки ребенка, которые называются «агуканьемъ» *) и которые можно слышать такъ часто въ теченіе перваго года жизни ребенка; сюда-же, наконецъ, относятся и многія движенія, «сопутствующія» разнымъ дѣйствіямъ ребенка, какъ, напр., держаніе руки въ нѣкоторомъ вытянутомъ положеніи съ растопыренными пальцами въ то время, когда ребенокъ пьетъ, или блуждающія движенія глазъ во время сосанія. Спящій ребенокъ вдругъ поднялъ вверхъ одну руку, и она, придя въ соприкосновеніе съ глазомъ, открыла вѣку; ребенокъ продолжалъ спать съ однимъ глазомъ открытымъ (зрачекъ весьма сильно сократился), понемногу рука опустилась и глазъ закрылся (Прейеръ).

---

*) ...the pecaliar crowing (въ данномъ случаѣ англійскій глаголъ to crow соотвѣтствуетъ русскому гулить, агукать).

Хотя эти импульсивныя движенія сами по себѣ не имѣютъ прямого отношенія къ дѣятельности воли, но они имѣютъ чрезвычайно важное косвенное отношеніе, такъ какъ они представляютъ сырой матеріалъ, на которомъ упражняется постепенно пробуждающаяся воля ребенка, овладѣвая понемногу ими и превращая ихъ черезъ посредство дѣятельности сознанія въ волевые *акты* въ истинномъ смыслѣ слова.

2. Рефлекторныя движенія.

Рефлекторныя движенія происходятъ какъ отвѣтъ нервной системы на периферическое возбужденіе безъ участія мысли. Если они и входятъ въ сознаніе, то лишь во время или послѣ совершенія акта. Такихъ движеній чрезвычайно много какъ у взрослаго, такъ и у ребенка; хорошимъ примѣромъ ихъ могутъ служить моментальныя движенія рукъ, когда вдругъ слетитъ фуражка на улицѣ. Хотя несомнѣнно легкость совершеія ихъ въ значительной мѣрѣ объясняется наслѣдственностью, однако въ раннемъ дѣтствѣ эти движенія не совершаются съ такою вѣрностью и быстротой, которыми они характеризуются впослѣдствіи, какъ это мы видѣли относительно движенія глазъ *). Повидимому, по наслѣдству передается лишь потенціальная способность; для дѣйствительнаго-же развитія ея нуженъ только опытъ.

Здѣсь съ особенной ясностью выражается законъ превращенія. Въ самомъ дѣлѣ, на примѣрѣ этихъ движеній мы можемъ прослѣдить превращеніе двоякаго рода: движенія, бывшія прежде рефлекторными, обращаются потомъ въ волевыя и, наконецъ, въ силу частаго повторенія, ведущаго къ образованію привычки, они снова дѣлаются рефлекторными или автоматическими. Вѣроятно, всѣ движенія рта, необходимыя для произношенія членораздѣльныхъ звуковъ, проходятъ черезъ всѣ эти фазисы, какъ мы убѣдимся въ этомъ ниже.

Рефлекторныя движенія имѣютъ чрезвычайную важность въ развитіи воли, такъ какъ изъ нихъ выростаютъ произвольныя движенія въ собственномъ смыслѣ слова. Въ своей отрицательной дѣятельности (въ воздержаніи отъ извѣстныхъ актовъ—in inhibition) воля также развивается, главнымъ образомъ, въ связи съ подавленіемъ рефлекторныхъ движеній.

Согласно Прейеру, въ первые періоды утробной жизни нельзя вызвать никакихъ рефлекторныхъ движеній, какъ-бы ни были сильны

*) См. главу I.

или разнообразны возбудители; то-же самое наблюдалось даже и послѣ того, какъ уже совершались многія движенія импульсивнаго характера. Но рефлекторная возбудимость увеличивается очень быстро въ послѣдующіе мѣсяцы; даже очень легкій ударъ вызываетъ много движеній. Глотанье въ качествѣ рефлекторнаго движенія уже происходитъ въ это время, и движенія плода могутъ быть вызываемы перемѣнами въ температурѣ. Чампнисъ (Champneys) говоритъ, что сгибанье пальцевъ на ногѣ и быстрое отдергиванье ноги прочь, когда щекочутъ подошву (что Дарвинъ наблюдалъ на седьмомъ днѣ жизни), можетъ быть вызвано еще въ то время, когда ребенокъ находится въ утробѣ матери.

Однако лишь послѣ начала внѣутробной жизни вполнѣ начинается рефлекторная дѣятельность нервной системы. Первымъ и наиболѣе важнымъ (most prominent) проявленіемъ ея надо считать разнообразныя рефлекторныя движенія при дыханіи. Такой-же характеръ несомнѣнно имѣетъ и первый плачъ (cry) или крикъ, потому что родившіяся безъ мозга кричатъ въ первыя минуты жизни, какъ и дѣти нормальныя *). Чиханье, которое у многихъ новорожденныхъ наблюдается вмѣсто крика, есть настоящій рефлексъ и остается таковымъ на всю жизнь, хотя сложная координація многихъ мускуловъ, участвующихъ въ этомъ движеніи, не такъ полна у ребенка, какъ у взрослаго. Изъ другихъ рефлекторныхъ движеній, связанныхъ съ дыханіемъ, каковы кашляніе, храпѣніе или сопѣніе, откашливаніе, смѣхъ при щекотаніи, иканіе и т. п., всѣ, за исключеніемъ смѣха, можно наблюдать въ теченіе первой-же недѣли. Поразительное доказательство рефлекторной чувствительности дыхательныхъ органовъ можно видѣть въ томъ фактѣ, что шумъ, который какъ разъ настолько силенъ, чтобы не разбудить только спящаго ребенка, вызываетъ увеличеніе быстроты дыханія (Прейеръ).

Вздрагиванія при всякомъ болѣе или менѣе рѣзкомъ звукѣ не бываетъ съ самаго-же начала жизни ребенка, но все-таки оно появляется вскорѣ. При этомъ, вообще говоря, на одинъ моментъ послѣ шума сохраняется покой, какъ будто энергія была на время парализована. Чампнисъ наблюдалъ такое вздрагиваніе въ первый разъ на четвертой недѣлѣ, но вздрагиваніе не повторялось при повтореніи одного того же звука, исключая тѣхъ случаевъ, когда звукъ былъ чрезвычайно громкій. Дѣти необыкновенно подвержены нервному возбужденію, какъ это очевидно, напр., изъ того, что у дѣтей часто наблюдаются судорожныя движенія.

---

*) См. нѣсколько случаевъ, цитируемыхъ Тэномъ въ его сочиненіи «De l'Intelligence».

Рефлекторныя движенія отдѣльныхъ частей тѣла очень многочисленны, быстры и появляются рано. На седьмой день Дарвинъ щекоталъ подошву ноги ребенка кусочкомъ бумаги, ребенокъ быстро отдергивалъ ногу и сгибалъ пальцы. Дарвинъ замѣчаетъ по этому поводу: «совершенство этихъ непроизвольныхъ движеній показываетъ, что причина крайняго несовершенства волевыхъ движеній ребенка кроется не въ состояніи мускуловъ или координирующихъ центровъ, а въ самомъ источникѣ волевой дѣятельности». Одинъ ребенокъ на четвертый день схватилъ палецъ, положенный ему въ руку *). Съ четырнадцатаго дня щекотаніе виска спящаго ребенка вызывало движеніе руки по направленію къ мѣсту раздраженія, хотя не всегда рука попадала куда слѣдуетъ (Прейеръ). Въ опытахъ Прейера при щекотаніи лѣвой стороны не всегда отвѣчала лѣвая рука и при щекотаніи правой стороны не всегда отвѣчала правая рука, но Пфлюгеръ при своихъ опытахъ находилъ всегда такое соотвѣтствіе **). Повидимому, существуетъ два рода рефлекторныхъ движеній: *врожденныя*, которыя совершаются съ перваго же часа жизни съ безукоризненной правильностью и точностью (какъ, напр., указанныя движенія при щекотаніи) и *пріобрѣтенныя*, которыя первое время не характеризуются ни быстротой, ни вѣрностью, но которыя пріобрѣтаютъ оба эти качества послѣ неоднократныхъ повтореній. Въ этомъ отношеніи важны рефлекторныя движенія глазъ новорожденныхъ дѣтей. Примѣры, приведенные въ первой главѣ относительно реакціи дѣтскаго глаза на свѣтовыя ощущенія: поворачиваніе глазъ къ свѣту, провожаніе глазами двигающагося источника свѣта или ярко окрашеннаго предмета и т. д.,—все это большею частью примѣры рефлекторныхъ движеній, равно какъ и тѣ движенія глазъ, которыя вызываются осязательными ощущеніями на вѣкахъ, рѣсницахъ и т. д.

Согласно Прейеру, «есть шесть различныхъ настоящихъ рефлекторныхъ движеній отъ оптическаго нерва къ одному только глазному двигательному, — движеній, вызываемыхъ зрительными ощущеніями». Въ первое время наименѣе развиты рефлексы боли. Новорожденный часто вовсе не реагируетъ на уколъ булавки, какъ это показалъ Генцмеръ. Реакція, однако, наступаетъ, если возбудитель такого рода, что раздражаетъ заразъ большое число нервныхъ окончаній (какъ, напр., шлепокъ). Такое позднее развитіе болевыхъ рефлексовъ въ новорожденномъ не показываетъ, что онъ не чувствителенъ къ боли (хотя онъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно,

*) Sully, «Babies and Science», «Cornhill Magazine», 1881, May.

**) См. также Baldwin, «Infant's Movements», «Science», 1892, Jun. 2.

менѣе чувствителенъ, чѣмъ взрослый), это показываетъ лишь, что нервныя связи, которыми обусловливается самая возможность рефлекторныхъ движеній, для передачи болевыхъ ощущеній менѣе развиты, чѣмъ для передачи раздраженій кожи и слизистой оболочки.

Подавленіе рефлексовъ, которымъ воля ребенка развивается съ отрицательной своей стороны, достигается съ большимъ трудомъ и, слѣдовательно, поздно. Въ одномъ случаѣ такое подавленіе рефлекторнаго движенія наблюдалось уже на десятомъ мѣсяцѣ, когда ребенокъ въ первый разъ удержался отъ испражненія (Прейеръ); въ другомъ случаѣ въ продолженіе первой четверти второго года, когда ребенокъ удержался отъ импульсивнаго стремленія оцарапать *), въ третьемъ случаѣ на пятнадцатомъ мѣсяцѣ. Рѣзкій контрастъ этому представляетъ подавленіе рефлекторнаго движенія у низшихъ животныхъ, гдѣ оно часто случается до окончанія утробной жизни.

3. Инстинктивныя движенія.

Этого рода движенія отличаются отъ импульсивныхъ тѣмъ, что они не происходятъ при отсутствіи соотвѣтствующаго периферическаго возбужденія. У ребенка есть врожденный инстинктъ схватывать всякіе предметы руками, но это движеніе совершается только тогда, когда его ладонь приходитъ въ соприкосновеніе съ какимъ-нибудь предметомъ. Эти движенія отличаются также отъ импульсивныхъ тѣмъ, что имѣютъ *цѣль*, хотя эта цѣль можетъ быть и несознаваема въ моментъ самого совершенія **) дѣйствія.

Кромѣ возбудителя, эти движенія требуютъ извѣстнаго эмоціональнаго состоянія. Дитя въ грустномъ настроеніи не будетъ смѣяться, если щекотать ему ноги. Инстинктивныя движенія отличаются отъ произвольныхъ тѣмъ, что при первыхъ нѣтъ элемента подражанія, вовсе нѣтъ сознательнаго усилія или предварительнаго представленія современныхъ дѣйствій.

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ инстинктовъ ребенка — стремленіе схватывать предметы и тащить къ себѣ въ ротъ. Попытки совершенія подобныхъ дѣйствій были наблюдаемы уже на четвертый день. Эту склонность дѣлать изъ своего рта испытующій органъ для всякаго рода предметовъ нѣкоторые объясняютъ предположеніемъ, что въ болѣе ранніе періоды развитія человѣчества руки чаще употре-

*) I. Baldwin, «Suggestion in Infancy».

**) «Инстинктъ есть... способность поступать такимъ образомъ, чтобы достигать извѣстныхъ результатовъ безъ предвидѣнія этихъ результатовъ и безъ предварительнаго опыта въ совершеніи соотвѣтствующихъ движеній». W. James, «Psychology».

блялись въ дѣло вмѣстѣ со ртомъ, нежели теперь *). Движенія рукъ ко рту могутъ быть сначала случайными, а затѣмъ инстинктивными, какъ, напр., при болѣзненномъ прорѣзываніи зубовъ. Наконецъ они дѣлаются рефлекторными черезъ образованіе привычныхъ дѣйствій. Ребенокъ очень медленно выучивается противополагать большой палецъ остальнымъ при схватываніи предметовъ (въ одномъ случаѣ такая способность проявилась лишь на двѣнадцатой недѣлѣ). Въ этомъ дѣти составляютъ рѣзкій контрастъ молодымъ обезьянкамъ, которыя при схватываніи противополагаютъ большой палецъ остальнымъ, когда имъ нѣтъ еще недѣли.

Что касается до возникновенія предпочтенія пользоваться преимущественно правой или лѣвой рукой, сошлемся на проф. Балдвина, который сдѣлалъ по этому поводу значительное число опытовъ, результаты которыхъ могутъ быть суммированы слѣдующимъ образомъ:

1) Въ тѣхъ случаяхъ, когда не требовалось никакого сильнаго мускульнаго напряженія, нельзя было замѣтить никакого слѣда предпочтительнаго пользованія одной рукой передъ другой. Въ 2.000 съ лишнимъ примѣровъ дѣти пользовались правой рукой такъ-же часто, какъ и лѣвой. 2) Начиная съ шестого мѣсяца по десятый, стремленіе пользоваться обѣими руками вмѣстѣ было вдвое болѣе стремленія пользоваться только одной какой-нибудь рукой (абсолютныя числа таковы: число опытовъ 2.187, одной правой рукой пользовались 585 разъ, одной лѣвой — 586, обѣими руками — 1.034 раза). 3) Предпочтеніе пользоваться правой рукой развивается подъ давленіемъ необходимости сильнаго мускульнаго напряженія. Предпочтительное пользованіе правой рукой при необходимости сильнаго напряженія для схватыванія предмета наблюдалось на седьмомъ и восьмомъ мѣсяцахъ. Опыты на восьмомъ мѣсяцѣ дали такіе результаты: правая рука 74 раза, лѣвая—5, обѣ 1 разъ. При возбужденіи яркой окраской—правой рукой дѣти пользовались 84 раза, лѣвой два раза.

Часто періодъ предпочтительнаго пользованія лѣвой рукой наблюдается у такихъ дѣтей, которыя впослѣдствіи переходятъ постепенно къ предпочтительному пользованію правой рукой. Сигизмундъ полагаетъ, что большинство дѣтей до третьяго года предпочитаютъ пользоваться обѣими руками вмѣстѣ.

Между инстинктивными движеніями рта самое раннее и самое совершенное—*сосаніе*. Иногда, впрочемъ, и это движеніе въ началѣ далеко несовершенно. Многія изъ первыхъ попытокъ остаются совершенно безплодными вслѣдствіе неумѣнья координировать необходимыя движенія. Несомнѣнно, сосаніе происходитъ и до рожденія на

*) Sully, «Babies and Science».

свѣтъ, такъ какъ его можно наблюдать въ первые-же моменты жизни. По поводу развитія этого движенія Куссмауль выражается такимъ образомъ: когда ребенокъ сосетъ палецъ, положенный ему въ ротъ, или сосокъ груди, мы имѣемъ дѣло болѣе чѣмъ съ простымъ рефлексомъ. Здѣсь происходитъ не только одно ощущеніе, вызывающее движеніе, но также и чувства удовольствія или неудовольствія съ соотвѣтствующими попытками къ ихъ удовлетворенію и умственными представленіями простѣйшаго вида. Наконецъ, воля научается регулировать эти движенія въ интересамъ юнаго существа.

Другія инстинктивныя движенія рта суть: *кусаніе*, которое начинается около четвертаго или пятаго мѣсяца и которое смѣняетъ сосаніе съ десятаго мѣсяца, *жеваніе*, которое совершается безупречно правильно съ четвертаго мѣсяца, *скрежетаніе зубами*—движеніе, которое ребенокъ во всякомъ случаѣ ни съ кого не копируетъ, оно, вѣроятно, продѣлывается всѣми дѣтьми въ періодъ прорѣзыванія зубовъ; наконецъ, *лизаніе*, которое совершается въ теченіе первыхъ 24 часовъ «едва-ли съ меньшимъ искусствомъ, чѣмъ на седьмомъ мѣсяцѣ» *).

Прежде чѣмъ начать учиться *ходить*, ребенокъ долженъ пройти рядъ разнаго рода предварительныхъ упражненій, изъ которыхъ на первое мѣсто надо поставить пріобрѣтеніе способности поддерживать въ равновѣсіи свою голову, что можно принять также за доказательство начала развитія воли. Это обыкновенно достигается около четвертаго мѣсяца. Слѣдующая стадія—способность сидѣть прямо безъ посторонней помощи—достигается мѣсяцемъ или двумя позже. Когда ребенку удается это сдѣлать въ первый разъ, подошвы ногъ часто бываютъ обращены одна другой, въ чемъ можно видѣть возстановленіе въ нѣкоторой мѣрѣ положенія этихъ частей въ утробѣ матери. Умѣніе стоять прямо, безъ посторонней помощи—представляетъ дальнѣйшую стадію, и всякій, кто даетъ себѣ трудъ наблюдать за попытками ребенка держаться прямо и ходить, убѣдится, что ребенкомъ въ этомъ случаѣ руководитъ естественный инстинктъ **).

Великую эпоху въ жизни ребенка составляетъ то время, когда ему удастся наконецъ стоять одному. Теперь наступаютъ непрерывныя упражненія для цѣлаго ряда мышцъ, которыя до тѣхъ поръ

*) Прейеръ, «Душа ребенка».

**) Сигизмундъ («Kind and Welt») картинно изображаетъ первыя попытки ребенка стоять. «Ребенокъ какъ будто самъ пораженъ собственной смѣлостью, стоитъ со страхомъ, широко разставивъ ноги, но скоро онъ съ нѣкоторой поспѣшностью опускается внизъ».

едва-ли когда-нибудь работали, и съ этихъ-же поръ развитіе ребенка имѣетъ болѣе всесторонній и симметричный характеръ. До этихъ поръ ребенокъ могъ передвигаться лишь ползкомъ. Дѣти ползаютъ крайне разнообразно: нѣкоторыя бѣгаютъ на четверенькахъ, какъ животныя, нѣкоторыя ерзаютъ по полу не поддающимся описанію способомъ, иные двигаются впередъ задомъ, подобно ракамъ. Ребенку, выучившемуся стоять, для перехода къ хожденію въ буквальномъ смыслѣ слова надо сдѣлать только одинъ «шагъ».

Первыя сознательныя попытки ступить совершаются съ большой робостью и съ очевиднымъ страхомъ неудачи. Часто, однако, первыя попытки дѣлаются совершенно безсознательно. Иногда ребенокъ, научившійся ходить, возвращается отчасти или вполнѣ къ ползанію безъ всякой видимой причины. Дѣти, у которыхъ есть старшіе братья или сестры, начинаютъ ходить раньше такихъ, которыя ихъ не имѣютъ, вслѣдствіе примѣра и помощи старшихъ. Сначала ребенокъ разставляетъ ноги слишкомъ широко, почему получается любопытное покачиваніе; иногда ребенокъ бѣжитъ, вмѣсто того чтобы идти, и шатается, причемъ туловище у него нѣсколько вытянуто впередъ, руки тоже вытянуты, какъ будто онъ боится упасть, ноги-же при шаганіи поднимаются выше, чѣмъ нужно. Многія дѣти, повидимому, дѣлаются болѣе ласковыми послѣ того какъ выучатся ходить, несомнѣнно вслѣдствіе своей вновь пріобрѣтенной способности, которая не только занимаетъ ихъ вниманіе, но и позволяетъ имъ болѣе легко достигать предметовъ своихъ желаній *).

Едва-ли нужно обращать вниманіе читателя на тотъ фактъ, что движеніе можетъ быть инстинктивнымъ, и все-таки не появляться въ самомъ началѣ жизни, равно какъ и на тотъ фактъ, что инстинкты не представляютъ собой чего-то безусловно неизмѣннаго, могутъ быть сдерживаемы привычками и могутъ даже совсѣмъ почти исчезнуть вслѣдствіе отсутствія упражненія **).

4. Произвольныя движенія.

Наконецъ, послѣ безцѣльнаго и не произвольнаго исполненія громаднаго числа движеній вышеописаннаго характера,—импульсивныхъ, рефлекторныхъ и инстинктивныхъ,—наступаютъ уже и такія движенія, въ которыхъ проявляется выраженіе воли сознающаго себя существа,—*воли* въ истинномъ значеніи этого слова, когда имѣется на лицо предварительное представленіе преслѣдуемой цѣли и (въ

*) Наблюденія проф. университета въ Торонто Макъ-Керри и его жены.

**) См. главу объ инстинктѣ въ сочиненіи проф. Джемса «Principles of Psychology», vol. II.

болѣе раннихъ стадіяхъ) тѣхъ движеній, которыя необходимы для достиженія этой цѣли, равно какъ и разумное и сознательное направленіе собственныхъ усилій для достиженія этой цѣли. Такія движенія, и только такія, могутъ быть называемы *дѣйствіями, поступками;* всѣ другія должны быть называемы просто *движеніями.*

Не слѣдуетъ, однако, думать, что ребенокъ дѣлаетъ скачекъ отъ состоянія, описаннаго въ предшествующихъ отдѣлахъ настоящей главы, къ ясно-выраженной сознательной дѣятельности. Было-бы также большимъ заблужденіемъ представлять себѣ, что ребенокъ въ своемъ развитіи послѣдовательно, въ строгомъ порядкѣ проходитъ описанныя стадіи, съ ясными чертами разграниченія каждой изъ нихъ. Эти стадіи умѣстнѣе всего сравнить съ площадями, имѣющими неопредѣленныя очертанія и заходящими одна за другую. Есть немного импульсивныхъ движеній и весьма много движеній рефлекторныхъ и инстинктивныхъ, которыя остаются на всю жизнь таковыми.

Мы находимъ удобнымъ принять въ своемъ изложеніи предлагаемое проф. Прейеромъ подраздѣленіе произвольныхъ движеній на три разряда. Къ низшему разряду мы относимъ *подражательныя* движенія, которыя хотя и указываютъ на дѣятельность воли (по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ стадіяхъ), однако зависятъ отъ примѣра, образца и никогда не совершаются ребенкомъ, пока онъ не увидитъ какъ то-же дѣлаютъ другіе. Затѣмъ мы имѣемъ такъ-называемыя «экспрессивныя» движенія, которыя, какъ можно ожидать по самому названію, являются болѣе или менѣе сознательными выраженіями чувствъ и желаній. Къ высшему разряду относятся «разумныя» дѣйствія въ полномъ смыслѣ слова.

Подражательныя движенія. Можно различать два рода такихъ движеній: *простое подражаніе*, состоящее изъ единичной попытки приблизительнаго подражанія безъ повторенія, и *настойчивое подражаніе*, «которое представляетъ переходъ отъ внушенія къ волѣ, отъ только реагирующаго къ проявляющему волю сознанію». Примѣромъ подражанія перваго рода можетъ служить единичная, изолированная попытка ребенка воспроизвести звукъ, произнесенный при немъ другимъ лицомъ; какъ на примѣръ подражанія второго рода можно указать на рядъ попытокъ дѣвочки четырнадцати мѣсяцевъ надѣть резину на карандашъ *) или на такой-же рядъ попытокъ мальчика двѣнадцати мѣсяцевъ продѣть нитку чрезъ катушку **).

Прежде чѣмъ переходить къ изложенію дальнѣйшихъ наблюденій къ занимающему насъ вопросу, намъ кажется, необходимо

*) J. M. Baldwin, «How to observe Children's Imitation», «Century Magazin», 1894, December.

**) Рукописныя наблюденія проф. Макъ-Кёрри и его жены.

обратить вниманіе читателя на слѣдующія два обстоятельства. Во-первыхъ, когда ребенокъ въ первый разъ по своей волѣ подражаетъ извѣстному движенію, которое онъ уже совершалъ невольно много разъ, онъ дѣлаетъ это гораздо хуже, чѣмъ когда онъ совершалъ то-же движеніе безъ сознательнаго подражанія. «Если я громко прочищаю себѣ горло или нарочно кашляю, не глядя на ребенка,—говоритъ Прейеръ,—то онъ тоже часто откашливается весьма умори-тельнымъ образомъ. Но если я его спрашиваю: «ты умѣешь кашлять?» онъ кашляетъ тоже, но подражаетъ этому движенію хуже, чѣмъ въ первомъ случаѣ». Во-вторыхъ, въ томъ случаѣ даже, когда ребенокъ подражаетъ извѣстному движенію вполнѣ произвольно и умѣло, не слѣдуетъ думать, что онъ при этомъ всегда понимаетъ значеніе совершаемаго имъ движенія. Одинъ ребенокъ на десятомъ мѣсяцѣ научился подражать киванію головой, но какъ выраженіемъ своего лица, такъ и своими жестами онъ ясно обнаруживалъ, что совершенно не понималъ смысла этого движенія (Прейеръ).

Уже на третьемъ и на четвертомъ мѣсяцѣ, какъ говоритъ одинъ писатель, можно наблюдать первое пробужденіе склонности дѣтей къ подражанію. Несовершенныя попытки къ подражанію голосомъ можно наблюдать даже на второмъ мѣсяцѣ, когда ребенокъ пытается отвѣчать на обращаемыя къ нему слова. Впрочемъ, это подражаніе чисто механическое. На третьемъ мѣсяцѣ ребенокъ подражаетъ взглядомъ, т.-е. онъ часто начинаетъ смотрѣть туда-же, куда смотрятъ другіе *). Эгжеръ видѣлъ примѣръ подражанія на шестомъ мѣсяцѣ—съ актомъ запоминанія, которое необходимо было для подражанія. Чэмпнисъ, говоря о своемъ ребенкѣ, выражается такъ: «около тринадцатой недѣли ребенокъ, повидимому, началъ дѣлать попытки присоединяться къ разговору, произнося самые разнообразные членораздѣльные звуки, если въ комнатѣ при немъ шелъ разговоръ». Прейеръ въ своихъ наблюденіяхъ отмѣчаетъ первую попытку подражанія на пятнадцатой недѣлѣ: ребенокъ сдѣлалъ попытку сжимать губы, когда передъ нимъ въ упоръ сдѣлали такое же движеніе губами. На семнадцатой недѣлѣ, говоритъ далѣе Прейеръ, «высовываніе кончика языка вызывало безукоризненное подражаніе, когда дѣлали это движеніе передъ лицомъ ребенка, причемъ, повидимому, оно ребенку очень нравилось, такъ какъ лицо его сіяло улыбкой».

Ни въ одномъ пунктѣ наблюдатели такъ ни согласны между собой, какъ въ томъ, что подражаніе начинается со второй половины перваго года. Это справедливо почти относительно всѣхъ дѣтей безъ исключенія, насколько намъ извѣстно, и не только относительно

*) «Первые три года жизни ребенка».

движеній въ прямомъ смыслѣ слова, но также и относительно подражанія голосомъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Мальчикъ семи мѣсяцевъ сильно старался повторить за своей матерью нѣсколько простыхъ односложныхъ словъ*). Другой мальчикъ, за развитіемъ котораго наблюдали, въ первый разъ обнаружилъ несомнѣнные признаки подражанія семи мѣсяцевъ въ движеніяхъ головой и губами, въ смѣхѣ и т. п. Подражаніе крику было наблюдаемо на девятомъ мѣсяцѣ, а на десятомъ весьма правильно исполнялись всякаго рода подражательныя движенія, хотя, впрочемъ, часто случались и неудачи—даже въ концѣ перваго года—въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось дѣлать *новое* движеніе или такое, для котораго требовалась сложная координація въ работѣ мышцъ (Прейеръ). Мальчикъ восьми съ половиной мѣсяцевъ, увидѣвъ, какъ его мать мѣшаетъ маленькими щипцами огонь, подползъ затѣмъ къ камину, взялъ щипцы, бросилъ ихъ въ ящикъ для золы и сталъ совать взадъ и впередъ съ большой радостью и со смѣхомъ. Другой ребенокъ на десятомъ мѣсяцѣ старался подражать свисту: на одиннадцатомъ мѣсяцѣ онъ часто развертывалъ газету и бормоталъ про себя, подражая чтенію **). Одинъ мальчикъ одиннадцати мѣсяцевъ часто кашлялъ и чихалъ, подражая своему дѣдушкѣ, и забавлялся, стараясь хрюкать, каркать, лаять и т. п. въ подражаніе домашнимъ животнымъ и птицамъ ***). Дѣвочка того-же возраста обыкновенно пыталась продѣлать со своей куклой то самое, что приходилось переживать ей самой: она ее купала въ ваннѣ, наказывала, цѣловала и пѣла, укачивая куклу передъ сномъ.

Въ одно чудное майское утро я взялъ съ собой маленькаго мальчика Р. прогуляться по великолѣпной аллеѣ, по обѣ стороны которой стояли большія деревья, сходившіяся наверху своими вѣтками, образовывавшими такимъ образомъ сплошной зеленый покровъ. На деревьяхъ была бездна птицъ, занятыхъ свиваніемъ гнѣздъ среди несмолкавшаго щебетанья. Мальчикъ былъ просто очарованъ и положительно не могъ двигаться съ мѣста. Каждую минуту онъ останавливался и тянулъ меня за руку, чтобы и я остановился, а самъ не спускалъ глазъ съ верхушекъ деревьевъ, стараясь повторять птичьи пѣсни цѣлымъ рядомъ поразительно нѣжныхъ и разнообразныхъ звуковъ, не поддающихся никакому описанію. Я положительно сомнѣваюсь, чтобы какой-бы то ни было взрослый человѣкъ, какъ-бы

*) Tiedemann, «Record of an Infant Life».

**) Рукописныя наблюденія проф. Макъ-Керри и его жены.

***) Рукописныя наблюденія надъ однимъ мальчикомъ его матерью, бывшей слушательницей Smith College.

много онъ ни работалъ надъ развитіемъ своего голоса, могъ-бы произвести подобные звуки, или чтобы это можно было-бы сдѣлать съ помощью какого-либо инструмента. Тотъ-же мальчикъ, немного времени послѣ этого, часто подражалъ своимъ голосомъ свисту другихъ мальчиковъ на улицѣ и попадалъ всегда въ тонъ. Другой мальчикъ тринадцати мѣсяцевъ приглаживалъ себѣ волосы щеткой, пытался надѣвать на ноги сапожки и носки и т. п.

Положительно, можно сказать, что вся жизнь ребенка въ этомъ возрастѣ представляетъ сплошь подражаніе. Выйдя на улицу съ маленькой дѣвочкой Ф., я замѣтилъ, что она повторяетъ за мной почти все, что я дѣлаю; я счистилъ щеточкой немножко пыли на сюртукѣ — и она сейчасъ-же стала такимъ-же образомъ «чистить» свое платье.

Намъ трудно себѣ представить, до какой степени ребенокъ въ этомъ возрастѣ слѣдитъ за каждымъ нашимъ движеніемъ и такимъ образомъ въ извѣстной мѣрѣ учится. Не только родители или учителя, но и положительно всякій, кто только такъ или иначе, хотябы совершенно случайно, приходитъ въ соприкосновеніе съ ребенкомъ, волей-неволей вноситъ свою долю вліянія въ его воспитаніе. Слѣдствія изъ этого слишкомъ очевидны, чтобы намъ нужно было еще указывать на нихъ нашимъ читателямъ.

Выразительныя движенія. Движенія этого рода возникаютъ изъ тѣхъ, о которыхъ мы уже говорили. Импульсивныя, рефлекторныя, инстинктивныя и даже болѣе простыя подражательныя движенія не представляютъ собой преднамѣреннаго выраженія извѣстныхъ умственныхъ состояній. Но движеніе, которое сначала было импульсивнымъ или рефлекторнымъ, можетъ впослѣдствіи сдѣлаться проявленіемъ такихъ состояній. Первый плачъ и первое сморщиваніе рта,—что Куссмауль наблюдалъ у дѣтей менѣе часа послѣ рожденія, когда къ ихъ языку подносили что-нибудь горькое,—представляютъ простую реакцію организма на нѣкоторое внѣшнее возбужденіе. Впослѣдствіи, однако, какъ плачъ, такъ и указанное движеніе рта подпадаютъ подъ контроль воли и превращаются въ преднамѣренныя выраженія сознательнаго существа. Многія выразительныя движенія—а, можетъ быть, даже и большая часть ихъ—суть движенія импульсивныя или иныя, которыя преобразовались въ экспрессивныя. Такъ, напр., первая такъ наз. *улыбка* (которую можно наблюдать у дѣтей, когда не исполнилось и двухъ недѣль) представляетъ просто импульсивное движеніе, являющееся результатомъ пріятнаго чувства; такимъ-же образомъ рефлекторный смѣхъ можно вызвать очень рано у ребенка щекотаніемъ пятокъ. Въ одномъ случаѣ первыя настоящія (real) улыбки были наблюдаемы на 26-й день; тотъ-

же ребенокъ на восьмой недѣлѣ выражалъ свое наслажденіе музыкой, смѣхомъ и улыбками, быстрыми движеніями всѣхъ своихъ членовъ и свѣтлымъ, блестящимъ выраженіемъ глазъ. Подражательный смѣхъ былъ наблюдаемъ около девятаго мѣсяца (Прейеръ).

Эгжеръ думаетъ, что время, когда умъ въ собственномъ смыслѣ слова проявляется въ первый разъ, отмѣчается появленіемъ смѣха, что онъ наблюдалъ въ первый разъ послѣ сорокового дня. Сигизмундъ наблюдалъ улыбку на седьмой недѣлѣ. Многія дѣти, говоритъ онъ, сначала улыбаются во снѣ, затѣмъ—въ отвѣтъ на ласковые взгляды другихъ. Эта первая отвѣтная улыбка, по его мнѣнію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ первое проявленіе того, что ребенокъ сознаетъ ощущенія, полученныя отъ другихъ, и отвѣчаетъ на нихъ.

Многіе наблюдали улыбку уже на третьей, на второй и даже на первой недѣлѣ, но, насколько намъ извѣстно, никто не приписываетъ сознательнаго выраженія улыбкѣ ребенка, которому не исполнилось одного мѣсяца. Дарвинъ полагаетъ, что онъ видѣлъ улыбку интеллектуальнаго происхожденія на сорокъ пятый день. Гюйо думаетъ, что улыбка по своему происхожденію есть рефлекторное движеніе. Тидеманъ наблюдалъ улыбку на второмъ мѣсяцѣ и настоящій смѣхъ на третьемъ. То-же самое наблюдали и другіе. Мальчикъ С. громко смѣялся, когда его раздѣвали; ему было тогда три мѣсяца. Тремя недѣлями позже, когда кто-нибудь читалъ вслухъ, онъ начиналъ смѣяться и гулить, пока читающему не приходилось по неволѣ остановиться; очевидно, ребенокъ полагалъ, что чтеніе должно было служить спеціальной забавой для него. Мальчикъ того-же возраста смѣялся однажды громко безъ всякой видимой причины *).

Психологическое развитіе улыбки очень хорошо выражено въ слѣдующихъ словахъ: «Улыбка появляется, когда ребенокъ впервые начинаетъ сознавать внѣшніе предметы; вниманіе постепенно возростаетъ и становится болѣе сосредоточеннымъ, въ это время улыбка есть просто пристальный взглядъ, сначала безсмысленный, но постепенно становящійся все болѣе и болѣе разумнымъ и выражающимъ, повидимому, удивленіе. Около третьей недѣли выраженіе удивленія переходитъ понемногу въ выраженіе удовольствія. Въ это время лицо начинаетъ принимать сіяющій характеръ, затѣмъ черезъ день, два замѣчается легкое ослабленіе мышцъ лица, которое увеличивается съ каждымъ днемъ. Эта заря улыбки часто бываетъ чрезвычайно красива, но все-же это еще не улыбка. Это *почти* улыбка, но я увѣрена, что никто не будетъ никогда знать въ точ-

*) Наблюденія проф. Макъ-Керри и его жены.

ности тотъ именно день, когда ребенокъ въ первый разъ въ самомъ дѣлѣ разумно *улыбнется* *).

По поводу надуванія губъ въ качествѣ выразительнаго движенія Прейеръ приходитъ къ такимъ выводамъ. Есть три рода надуванія губъ, отличающихся одно отъ другого по происхожденію: во-первыхъ, вытягиваніе губъ впередъ, которое можно наблюдать у нѣкоторыхъ дѣтей съ перваго часа жизни и которое надо разсматривать, какъ чисто импульсивное движеніе; во-вторыхъ, особаго рода вытягиваніе губъ впередъ и сжиманіе ихъ, когда вниманіе сосредоточено (напр., когда ребенокъ учится писать или рисовать). Это движеніе появляется уже на пятой недѣлѣ и во многихъ случаяхъ продолжается до конца жизни. Наконецъ, въ-третьихъ, надо отмѣтить надуваніе губъ, какъ знакъ недовольства; это движеніе появляется много позже, нежели остальныя, и не обязано своимъ происхожденіемъ подражанію (потому что его наблюдали при такихъ условіяхъ, которыя исключали возможность подражанія), а несомнѣнно наслѣдственное.

Напротивъ того, *поцѣлуй*, какъ экспрессивное выраженіе, движеніе не наслѣдственное, а пріобрѣтаемое въ жизни. Нѣкоторые народы не знаютъ поцѣлуя. Ребенокъ долженъ ему учиться и не такъ скоро ему выучивается, какъ это показываютъ наблюденія. Ребенокъ очень рѣдко понимаетъ значеніе поцѣлуя или цѣлуетъ кого-либо по собственному желанію ранѣе второго года жизни.

Первый *плачъ* *) нельзя считать выразительнымъ движеніемъ (т.-е. сознательнымъ выраженіемъ извѣстнаго чувства), и когда потомъ онъ становится таковымъ, онъ бываетъ весьма различнымъ у разныхъ дѣтей. Одинъ наблюдатель по этому поводу говоритъ такъ: «Въ началѣ при плачѣ не было складыванія рта въ четырехугольную форму, звукъ-же былъ въ родѣ нѣмецкаго «nga». Онъ-же указываетъ на причины плача ребенка въ первое время: одиночество или страхъ, голодъ и боль; онъ говоритъ далѣе, что въ каждомъ случаѣ плачъ, повидимому, разнится по характеру, но не сообщаетъ, когда эту разницу можно впервые подмѣтить.

Первый плачъ представляетъ просто крикъ; въ немъ нѣтъ выразительныхъ интонацій голоса. Переходъ отъ безсмысленнаго крика къ выразительнымъ голосовымъ звукамъ, такъ что различнаго рода плачемъ выражаются разныя душевныя состоянія, наблюдался уже

*) Mrs E. Talbot, «Papers on Infant Development».

**) Англійскій глаголъ to cry значитъ кричать, плакать, и существительное the cry значитъ крикъ, плачъ. По общему смыслу разсужденія намъ кажется болѣе умѣстнымъ большею частью переводить эти слова русскими словами: плачъ и плакать. *Прим. перев.*

на второмъ мѣсяцѣ *), въ другихъ случаяхъ на третьемъ мѣсяцѣ. Маленькая дѣвочка В., когда ей было четыре мѣсяца, «выражала голодъ криками короткими и рѣзкими, быстро слѣдующими другъ за другомъ и не столь громкими, какъ другіе ея крики» **).

Плачъ со слезами. У новорожденныхъ дѣтей не бываетъ слезъ, какъ-бы они ни плакали. Впослѣдствіи они плачутъ и проливаютъ слезы въ одно время, но могутъ также плакать безъ слезъ. Пролитіе-же слезъ безъ плача наступаетъ много позже и вообще случается сравнительно рѣдко въ дѣтствѣ. Можно указать на одинъ или два случая, гдѣ удавалось наблюдать слезы у двухнедѣльныхъ дѣтей, но большинство наблюдателей указываютъ на болѣе поздній періодъ. Въ одномъ случаѣ первыя слезы были наблюдаемы въ концѣ третьей недѣли, въ другомъ случаѣ на четвертой недѣлѣ, въ остальныхъ—на шестой, девятой, двѣнадцатой, четырнадцатой, пятнадцатой и шестнадцатой. Сынъ Дарвина сталъ въ первый разъ проливать слезы на двадцатой недѣлѣ, но уже на десятой недѣлѣ у него были влажные глаза при сильномъ плачѣ. По мнѣнію Дарвина, дѣти обыкновенно не проливаютъ слезъ раньше второго, третьяго или четвертаго мѣсяца. Начиная со второго года, дѣти плачутъ со слезами гораздо чаще, чѣмъ до этого времени; впослѣдствіи-же подавленіе какъ слезъ, такъ и плача является знаменательнымъ признакомъ возрастающей силы воли.

Наклоненіе головы какъ знакъ согласія и мотаніе головой въ знакъ отказа въ началѣ совершенно отличаются другъ отъ друга по своему психологическому значенію. Мотаніе головой есть врожденное рефлекторное или инстинктивное движеніе, тогда какъ наклоненіе головы представляетъ движеніе пріобрѣтенное. Ребенокъ, удовлетворившій свой голодъ, мотаетъ головой въ знакъ отказа отъ предлагаемой ему еще пищи, и это въ то время, когда ему еще не исполнилось недѣли. Это движеніе становится экспрессивнымъ почти съ самаго начала. Обыкновенно при этомъ ребенокъ нѣсколько закрываетъ глаза и часто дѣлаетъ рукой движеніе, какъ будто отстраняетъ что-нибудь отъ себя.

Одинъ наблюдатель говоритъ, что качаніе головой въ первый разъ вызвало подражаніе со стороны ребенка только на четырнадцатомъ мѣсяцѣ, и даже тогда это движеніе было исполнено весьма плохо. Даже и въ то время, когда ребенокъ уже выучился киванію головой, онъ часто смѣшивалъ значеніе этого движенія съ мотаніемъ.

---

*) Egger. «Sur le Developpement de l'Intelligence et du Langage».

**) О переходѣ отъ безсмысленнаго крика къ выразительному плачу см. ниже главу V, отд. 3.

головой. Одинъ ребенокъ моталъ головой для выраженія «да» и наклонялъ голову, чтобы сказать «нѣтъ». Другой наблюдатель отмѣчаетъ, что наклоненіе головы и мотаніе головой пріобрѣли значеніе экспрессивныхъ актовъ около пятнадцатаго мѣсяца *).

Вотъ еще какіе примѣры выразительныхъ движеній можно наблюдать въ самомъ раннемъ дѣтствѣ: складываніе рукъ вмѣстѣ или быстрое маханіе ими впередъ и назадъ или вверхъ и внизъ для выраженія сильнаго желанія чего-нибудь (иногда ребенокъ выражаетъ то-же самое чувство тѣмъ, что тянется впередъ съ поднятыми и вытянутыми впередъ ручонками или даже быстрымъ хлопаніемъ рукъ), сильное вытягиваніе спины въ случаѣ гнѣва, своеобразная, почти не поддающаяся описанію манера держать себя, показывающая самодовольство, не говоря уже о нѣкоторыхъ жестахъ, выражающихъ аффектацію, и цѣлый рядъ выраженій лица и модуляцій голоса, которыхъ невозможно описать. «Ревность, гордость, драчливость, жадность придаютъ ребенку не менѣе характерный видъ, чѣмъ чувство великодушія, послушанія, самолюбія». Всѣ такія выраженія лица и движенія «обнаруживаются у ребенка, не умѣющаго еще притворяться, въ болѣе чистомъ видѣ, нежели въ позднѣйшіе періоды жизни» (Прейеръ).

Разумныя движенія. Наконецъ мы достигаемъ той стадіи (не нужно думать, что она непремѣнно наступаетъ лишь вслѣдъ за остальными, отчасти они одновременны съ ними), при которой воля поднимается до своего надлежащаго положенія въ качествѣ верховнаго «руководителя», подчиняетъ себѣ импульсивныя и инстинктивныя движенія, о которыхъ мы говорили, и контролируетъ всѣми дѣйствіями ребенка. Сказать, что способность воли теперь возникла было-бы не вѣрно просто потому, что не существуетъ способности воли, какъ чего-то имѣющаго независимое существованіе. Воля есть личность, разсматриваемая какъ дѣятель; такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы говорить, что съ появленіемъ движеній, называемыхъ нами произвольными, рождается воля и что съ появленіемъ разумныхъ движеній воля достигаетъ высшей степени развитія, правильнѣе сказать, что указанныя движенія есть первое внѣшнее проявленіе того, что ребенокъ становится сознательнымъ руководителемъ собственной дѣятельности.

Для того, чтобы совершить разумныя или произвольныя дѣйствія въ собственномъ смыслѣ слова, ребенокъ долженъ раньше продѣлать большое число невольныхъ движеній. Вѣдь ребенокъ, какъ и взрослый человѣкъ, не можетъ ничего *создать*; самое боль-

*) Пэрэ, «Первые три года жизни ребенка».

шое, что онъ можетъ сдѣлать — это *слагать* или *разлагать*, анализировать или обобщать матеріалъ, который у него подъ рукой. Величайшіе подвиги человѣка заключаются лишь въ болѣе или менѣе значительномъ измѣненіи, разложеніи, сложеніи и перекомбинированіи доступнаго всѣмъ матеріала. Такимъ-же образомъ, ребенокъ во всѣхъ своихъ многочисленныхъ движеніяхъ не совершаетъ ничего такого, что было-бы абсолютно ново; онъ совершаетъ лишь старыя движенія, правда, варіируя ихъ на тысячу ладовъ, но въ сущности не прибавляя ничего, имъ самимъ созданнаго. Поэтому, для возможности произвольной дѣятельности требуется сохраненіе въ *памяти* непроизвольныхъ мышечныхъ движеній, исполнявшихся ранѣе, такъ какъ произвольнымъ движеніемъ называется такое, которое предварительно представляется воображенію; если даже воображенію не представляется самое движеніе, то, по крайней мѣрѣ, должна представляться цѣль его. Но для того, чтобы движеніе могло быть въ *воображеніи*, оно должно было ранѣе побывать въ *сознаніи*, или, иными словами, для того, чтобы представить себѣ нѣкоторое движеніе или въ его развитіи, или въ его результатахъ, надо сначала узнать его черезъ посредство своихъ чувствъ, а это значитъ, что ребенокъ долженъ ранѣе видѣть, какъ совершали его другіе, и чувствовать, что онъ совершилъ его—*невольно* самъ, прежде чѣмъ онъ можетъ совершать его по собственному произволу. Итакъ, мы видимъ, что разумныя движенія пріобрѣтаются постепенно и наступаютъ лишь послѣ громаднаго числа импульсивныхъ, рефлекторныхъ и инстинктивныхъ движеній. Напр., схватываніе руками въ началѣ представляетъ чисто рефлекторное движеніе, но постепенно, послѣ многихъ повтореній, оно, наконецъ, запоминается; дѣйствительное совершеніе движенія привело къ образованію умственнаго образа его, равно какъ и къ болѣе совершенному физіологическому приспособленію, облегчающему его совершеніе. Такимъ образомъ, когда наступаетъ желаніе въ собственномъ смыслѣ слова, вниманіе направляется на требуемый предметъ и на необходимое для достиженія его движеніе, и дѣйствіе совершается разумно, сознательно.

Изъ этого видно, что разумное движеніе въ точномъ смыслѣ слова, т.-е. дѣйствіе, поступокъ, предполагаетъ существованіе желанія, вниманія и умственныхъ образовъ. Изъ этого слѣдуетъ далѣе, что нельзя ожидать настоящихъ дѣйствій - поступковъ отъ маленькихъ дѣтей. Прейеръ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ жизни ребенка не могъ подмѣтить ни одного движенія, которое съ увѣренностью можно было-бы назвать разумнымъ въ указанномъ смыслѣ слова. Тидеманъ замѣтилъ первое *произвольное* держаніе предметовъ на четвертомъ мѣсяцѣ. Другой ребенокъ шести мѣсяцевъ выказалъ

способность къ настойчивымъ усиліямъ. «Онъ, казалось, неустанно пытался разрѣшить задачу о способѣ прикрѣпленія двери въ дѣтскую, терпѣливо и съ неослабѣвающимъ вниманіемъ отпиралъ и запиралъ дверь. День проходилъ за днемъ, а онъ все былъ за своей добровольно взятой на себя работой» *). Мальчикъ одиннадцати мѣсяцевъ, ударивъ ложкой по какому-нибудь предмету, тотчасъ перекладывалъ ее въ другую руку, повидимому, желая узнать, откуда идетъ звукъ. Когда ему было четырнадцать мѣсяцевъ, онъ игралъ съ оловянной кружкой, клалъ и снималъ крышку «не менѣе 79 разъ, не останавливаясь ни на минуту, при этомъ вниманіе его было напряжено въ высшей степени» (Прейеръ).

Въ самомъ дѣлѣ, вниманіе ребенка, повидимому, можетъ быть весьма долго поддерживаемо въ связи съ мышечными движеніями. Маленькая дѣвочка девятнадцати мѣсяцевъ принесла свои чурбачки, чтобы показать ихъ мнѣ. Я помогъ ей изъ нихъ сложить домъ. Въ восхищеніи отъ этого занятія, она обнаружила поразительную настойчивость, и когда мнѣ оно уже надоѣло, она заставила меня продолжать долѣе игру (**). Такой-то неустанной дѣятельностью ребенокъ развивается какъ умственно, такъ физически.

Способность подавлять (невольныя) движенія трудно наблюдать, но эта способность кажется мнѣ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ критеріевъ существованія воли. Для такого конституціонально-подвижнаго существа, какимъ бываетъ обыкновенный ребенокъ, конечно, гораздо труднѣе удержаться отъ движенія, нежели двигаться. Было замѣчено, какъ дѣти—въ одномъ случаѣ пяти мѣсяцевъ (Дарвинъ), въ другомъ шести (Пэрэ), въ третьемъ семи или восьми мѣсяцевъ (проф. Балдвинъ) *удержались* отъ стремленія схватить предметъ, который былъ отъ нихъ слишкомъ далеко. Маленькій мальчикъ Р. способенъ перестать плакать, когда ему грозятъ наказаніемъ, если онъ не перестанетъ.

Мы можемъ, пожалуй, считать, что уже достаточно говорили о развитіи *желанія* и *вниманія*. Желаніе въ истинномъ смыслѣ слова есть первый фазисъ великаго волевого акта, и ни одинъ волевой актъ не можетъ произойти безъ вниманія. Вниманіе ребенка *сравнительно* слабо и характеризуется перерывами (intermittent, собственно—перемежающееся). Ребенокъ не можетъ быть внимательнымъ къ тому, что не производитъ на него впечатлѣнія; возбудитель долженъ быть сильнымъ, возбужденіе должно вызывать со стороны ребенка движенія и часто возобновляться.

---

*) Sfow Brown, «Baby's Mind».

**) Мои рукописныя наблюденія надъ одной маленькой дѣвочкой въ Ворсестерѣ (Массачусэтсъ).

Легко *вызвать* вниманіе ребенка, но очень трудно его *удержать*. Этотъ характеризующій натуру ребенка фактъ дѣлаетъ его способнымъ къ воспитанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое воспитаніе дѣлаетъ процессомъ, развивающимся медленно и постепенно; этотъ процессъ долженъ состоять главнымъ образомъ въ привитіи ребенку хорошихъ привычекъ путемъ подражанія, къ которому онъ чрезвычайно склоненъ. Гюйо даже говоритъ, что умѣлымъ пользованіемъ склонностью ребенка къ подражанію мы можемъ сдѣлать изъ него почти все, что намъ угодно. Пожалуй, что такое утвержденіе недалеко отъ истины, если вспомнить поразительную воспріимчивость ребенка ко всякому пассивному впечатлѣнію, его не менѣе поразительную готовность воспроизводить все то, что онъ видѣлъ, благодаря его неутомимой жаждѣ дѣятельности.

V. Языкъ или рѣчь.

Глубокое психогенетическое значеніе языка или рѣчи не только въ качествѣ *показателя* умственнаго развитія, но и въ качествѣ одного изъ *факторовъ* этого развитія вполнѣ объясняетъ читателю, почему мы посвятили этому предмету самостоятельную главу. При другихъ обстоятельствахъ нельзя было-бы оправдать такого способа изложенія, такъ какъ языкъ или рѣчь не составляетъ какого-либо новаго психическаго явленія или особаго разряда явленій, отличающихся въ сколько-нибудь существенномъ отношеніи отъ тѣхъ явленій, о которыхъ мы уже говорили выше. Про языкъ можно сказать скорѣе, что онъ раздѣляетъ природу ихъ всѣхъ и составляетъ въ высшей степени важный продуктъ ихъ совокупной дѣятельности.

Для того, чтобы было возможно употребленіе какого-бы то ни было языка *), во-первыхъ, должно быть *ощущеніе (sensation)*. Чтобы звуки впослѣдствіи могли быть разумно произносимы ребенкомъ, онъ дол-

*) Хотя наше вниманіе главнымъ образомъ направлено на живое слово однако это никоимъ образомъ не единственная форма языка. Подъ языкомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ надо разумѣть всякое средство, какимъ можетъ быть сообщаема мысль; такимъ образомъ, жесты глухо-нѣмыхъ, гіероглифы на египетскихъ памятникахъ, равно какъ и писаная и печатная страница представляютъ такой-же настоящій языкъ, какъ и самая краснорѣчивая изустная рѣчь, такъ какъ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ мы имѣемъ выраженіе чьей-нибудь мысли. Какъ говоритъ Брока, языкъ «есть способность къ установленію постояннаго отношенія между идеей и знакомъ», каковъ-бы ни былъ самый знакъ. Слѣдовательно, все, что можно сказать относительно психологической важности живого слова, примѣнимо въ равной мѣрѣ mutatis mutandis и ко всякому иному способу сообщенія мысли.

женъ сначала хорошо ихъ слышать. Ребенокъ, который родился глухимъ и продолжаетъ оставаться такимъ, не выучивается говорить. Во-вторыхъ, пріобрѣтеніе рѣчи предполагаетъ существованіе *воспріятія (perception)* и *сужденія (judgment)*. Надо не только слышать звуки, надо ихъ понимать. Каждому изъ звуковъ должно быть присвоено извѣстное значеніе, иначе ребенокъ никогда не могъ-бы употреблять ихъ для выраженія своихъ мыслей, т.-е. какъ свой *языкъ* или свою рѣчь.

Въ-третьихъ, для того, чтобы сколько-нибудь подвинуться впередъ въ рѣчи, необходимо существованіе способности къ отвлеченію и обобщенію, потому что невозможно сообщеніе мысли въ высшихъ ея формахъ до тѣхъ поръ, пока еще не достигнуто пониманіе общаго въ отличіе отъ частнаго и отвлеченнаго въ отличіе отъ конкретнаго *). Наконецъ, переходя отъ познавательной къ *волевой* сторонѣ умственной дѣятельности, очевидно, что языкъ съ самой существенной своей стороны, т.-е. въ качествѣ способа выраженія мысли, относится къ явленіямъ воли. Всякое выраженіе мысли словомъ, знакомъ или жестомъ есть результатъ волевого акта и, какъ таковое, можетъ быть относимо къ движеніямъ.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго мы посвящаемъ языку или рѣчи особую главу не потому, что мы имѣемъ дѣло съ новымъ разрядомъ фактовъ, отличныхъ отъ мыслей, чувствъ или отъ проявленій воли, но скорѣе въ качествѣ новой иллюстраціи развитія этихъ послѣднихъ и въ качествѣ одного изъ факторовъ ихъ развитія. Мы судимъ объ умственномъ развитіи ребенка въ значительной степени по быстротѣ, съ которой онъ овладѣваетъ рѣчью, и по искусству, съ которымъ онъ ею пользуется.

1. Значеніе наслѣдственности въ развитіи рѣчи.

Нѣтъ, вѣроятно, психологической задачи, разрѣшенію которой могло-бы въ большей мѣрѣ содѣйствовать изученіе дѣтскаго ума, какъ вопросъ о томъ, насколько великъ элементъ наслѣдственнаго и элементъ пріобрѣтеннаго въ области рѣчи. Задолго до наступленія зрѣлости къ нашему первоначальному запасу словъ присоединяется такое громадное количество пріобрѣтеннаго матеріала и вслѣдствіе постояннаго повторенія оба они настолько преобразуются, измѣняются и ассимилируются въ характерѣ, что мы оказываемся не въ состояніи болѣе отдѣлить ихъ одинъ отъ другого.

*) Съ другой стороны, сама мысль не можетъ достигнуть сколько-нибудь значительной степени отвлеченности (generality) безъ помощи языка. Такимъ образомъ, мысль и языкъ взаимно помогаютъ другъ другу въ своемъ развитіи.

Въ періодѣ дѣтства, однако, дѣло обстоитъ не такъ. Если ребенокъ совершаетъ нѣкоторый жестъ или произноситъ нѣкоторый звукъ настолько рано, что это исключаетъ возможность подражанія или собственнаго изобрѣтенія съ его стороны, то мы можемъ заключить, что этотъ звукъ или этотъ жестъ, или, по меньшей мѣрѣ, предрасположеніе къ нимъ, родились вмѣстѣ съ ребенкомъ. Такимъ образомъ, только здѣсь мы въ состояніи при разрѣшеніи занимающей насъ задачи примѣнить логическій методъ различеній.

Очевидно съ перваго взгляда, что рѣчь (speech) является продуктомъ совокупной дѣятельности указанныхъ двухъ факторовъ: *наслѣдственности* и *воспитанія*. Если, съ одной стороны, мы будемъ наблюдать первый лепетъ ребенка и обратимъ вниманіе на обнаруживаемую при этомъ поразительную (marveleus—чудесную) гибкость органовъ рѣчи, чрезвычайное разнообразіе интонацій и звуковъ, къ тому-же—въ такомъ раннемъ возрастѣ, который исключаетъ возможность наблюденія и подражанія другимъ, для насъ станетъ очевиднымъ, что ребенокъ явился на свѣтъ уже обладающимъ значительной долей физіологическихъ приспособленій. посредствомъ которыхъ онъ въ послѣдующей своей жизни будетъ выражать свои чувства и мысли. Если, съ другой стороны, мы будемъ тщательно наблюдать ребенка въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ его жизни и обратимъ вниманіе на то, какъ звуки (intonations), а впослѣдствіи слова, произносимыя окружающими, повторяются ребенкомъ, сначала безсознательно, впослѣдствіи намѣренно, а когда начнется сознательное подражаніе, то его роль становится насколько громадна, что мы легко согласимся и съ тѣмъ, что безъ этого второго фактора ребенокъ сдѣлалъ-бы весьма мало успѣховъ въ рѣчи.

Было-бы умѣстно разсмотрѣть вкратцѣ, какъ эти два фактора комбинируются въ каждомъ фазисѣ развитія рѣчи. Напр., чтобы говорить, ребенокъ долженъ владѣть, во-первыхъ, чувствительнымъ и двигательнымъ физіологическимъ аппаратомъ. Этотъ физіологическій аппаратъ, включая сюда слуховой аппаратъ для воспріятія звуковъ, чувствительныя и двигательныя нервныя клѣточки и нервныя волокна для установленія связи между впечатлѣніемъ и выраженіемъ, органы рѣчи (гортань, нёбо, языкъ, губы, зубы), — все это представляетъ наслѣдіе ребенка.

Но въ новорожденномъ ребенкѣ весь этотъ аппаратъ еще въ несовершенномъ видѣ, какъ со стороны строенія, такъ и со стороны функціонированія; развитіе его требуетъ постояннаго формирующаго вліянія тѣхъ факторовъ воспитанія, которыми человѣческое существо окружено со времени появленія своего на свѣтъ.

Далѣе, *расположеніе* произносить всякаго рода звуки и выражать

ими свои чувства несомнѣнно надо считать наслѣдственнымъ, такъ какъ съ самаго-же начала жизни и совершенно независимо отъ всякаго примѣра ребенокъ постоянно упражняетъ свои голосовые органы *). Тѣмъ не менѣе одной наслѣдственности настолько недостаточно, что ребенокъ не выучится языку своихъ родителей, если онъ не будетъ находиться среди тѣхъ, кто на немъ говоритъ. Если его будутъ воспитывать дикіе, онъ будетъ говорить на ихъ языкѣ; если его воспитывать съ волками, онъ будетъ выть **).

Говоря такимъ образомъ, мы не забываемъ тѣхъ замѣчательныхъ случаевъ, когда дѣти выдумали собственный языкъ, совершенно отличный отъ того, на какомъ говорили вокругъ нихъ, и даже упорно продолжали употреблять его въ теченіе нѣкотораго времени, совершенно пренебрегая вторымъ языкомъ. Х. Хэль (Horatio Hale) описываетъ ***) пять различныхъ случаевъ, когда это произошло въ дѣйствительности—два въ Соед. Штатахъ и три въ Канадѣ. Въ одномъ случаѣ выдуманный словарь состоялъ изъ двадцати одной коренной формы; изъ нихъ дѣти комбинированіемъ и видоизмѣненіемъ выработали полный языкъ, которымъ при помощи жестовъ они могли передавать другъ другу все, что имъ было нужно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выдуманный языкъ оказывался удовлетворительнымъ для всякаго рода сношеній между самими дѣтьми, и дѣти упорно имъ пользовались, пока не была окончательно устранена возможность этого тѣмъ, что ихъ раздѣлили другъ отъ друга, или пока не послали ихъ въ школу. Надо замѣтить, что въ каждомъ изъ этихъ случаевъ ребенокъ не выучивался языку своихъ родителей, такъ какъ при немъ не было такихъ лицъ, которыя говорили на соотвѣтственномъ языкѣ. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что новый языкъ былъ выдуманъ не *однимъ* ребенкомъ, но *двумя*.

Пріобрѣтеніе рѣчи *возможно* для всѣхъ нормальныхъ дѣтей, но пріобрѣтается *дѣйствительно* лишь при существованіи товарища. Если такой товарищъ есть, едва ли можно указать какія-либо границы для развитія рѣчи. Х. Хэль предложилъ даже теорію языка, въ которой про-

*) Рѣчь есть до такой степени свойственная намъ способность, что съ ранняго дѣтства упражненіе этой способности составляетъ потребность человѣка и его наслажденіе. Egger, «Sur le Développement de l'Intelligence et du Langage». 1887. Paris.

**) Извѣстно, что молодыя птицы никогда не поютъ такъ, какъ свойственно пѣть тому виду, которому онѣ принадлежатъ, если онѣ не слышали соотвѣтственнаго пѣнія; съ другой стороны, онѣ весьма легко выучиваются пѣть почти какъ любая другая птица, если ихъ держать вмѣстѣ. A. Russelle Wallace, «Natural Selection» (Существ. въ русск. переводѣ).

* *) «The Origin of Languages and the Antiquity of Speaking Man». «Proccedings of American Association for the Advancement of Science», vol. XXXV.

исхожденіе языковъ приписывается изобрѣтательности дѣтей, которыя очутились разлученными отъ своего племени, когда еще были очень молодыми. Исходя изъ фактовъ, какіе были приведены выше, можно думать, что эта теорія крайне правдоподобна. Съ другой стороны, всецѣло зависитъ отъ воспитанія, на какомъ изъ всѣхъ нынѣ существующихъ гдѣ-бы то ни было языковъ будетъ говорить тотъ или другой ребенокъ. Дѣтямъ не передается по наслѣдству способность говорить на какомъ-либо опредѣленномъ языкѣ или діалектѣ. Нѣкоторые думаютъ, что ребенокъ легче выучится родному языку, нежели всякому иному, но въ этомъ можно сомнѣваться. Возможно, что затруднительность для современныхъ французовъ произношенія англійскаго звука th объясняется существованіемъ нѣкоторой склонности къ наслѣдственной передачѣ такой особенности, но, какъ-бы то ни было, это не больше, какъ склонность, и это нисколько не мѣшаетъ ребенку выучиться какому угодно языку въ совершенствѣ, если только его воспитаніе въ этомъ направленіи начнется достаточно рано.

Тщательное изученіе языка знаковъ приводитъ къ тому несомнѣнному заключенію, что многіе жесты наслѣдственны, какъ, напр., протягиваніе впередъ рукъ для выраженія желанія—жестъ, который можно наблюдать во всемъ свѣтѣ и который совершаютъ дѣти, никогда не видѣвшія его ранѣе. Въ то-же время развитіе жестовъ во что-либо подобное сложной системѣ выраженія всецѣло зависитъ отъ извѣстныхъ соціальныхъ условій. Иными словами: языкъ, будучи средствомъ для сообщенія мыслей, не развивается при отсутствіи такихъ существъ, которымъ мысли могли-бы быть сообщаемы.

Вотъ какъ, слѣдовательно, стоитъ вопросъ объ относительномъ значеніи наслѣдственности и воспитанія въ происхожденіи языка или рѣчи. Если имѣть въ виду, чѣмъ ребенокъ одаренъ и на что онъ способенъ *въ моментъ своего рожденія на свѣтъ*, то мы должны сказать, что «онъ является продуктомъ безчисленнаго ряда поколѣній, которыя ему предшествовали, онъ есть видимая связь, соединяющая прошедшее съ будущимъ» *). Если-же имѣть въ виду то, чѣмъ ребенокъ дѣйствительно будетъ въ своей жизни, и то наслѣдство, которое онъ, въ свою очередь, передастъ тѣмъ, которые явятся на свѣтъ ему на смѣну, то придется сказать, что это въ весьма значительной мѣрѣ зависитъ отъ физическихъ и соціальныхъ условій окружающей его обстановки, и всѣ тѣ, кто составляетъ эту обста-

*) Princess Mary Ouroussow, «Education from the Cradle», translated by Mrs Fielding. London, 1890.

новку, желаютъ-ли они того или нѣтъ, такъ или иначе вліяютъ на его воспитаніе *).

2. Развитіе рѣчи со стороны физіологической.

На вопросъ: «почему новорожденный ребенокъ не говоритъ?» можно было-бы дать два отвѣта. Во-первыхъ, для этого есть психологическія основанія, а именно—у ребенка въ это время нѣтъ еще идей, а слѣдовательно, ему нечего сказать **). Во-вторыхъ, есть для этого и физіологическія основанія: а именно, его органы рѣчи настолько еще плохо развиты, что онъ не могъ-бы выразить своихъ мыслей, если-бы даже и имѣлъ ихъ.

Такимъ-же образомъ, на вопросъ: «почему тотъ или другой взрослый человѣкъ потерялъ способность рѣчи?» можно также отвѣтить двояко. Такой человѣкъ или потерялъ свои мысли вслѣдствіе какого-нибудь психическаго разстройства, или-же потерялъ способность ихъ выраженія вслѣдствіе какого-нибудь разстройства физіологическаго. Оба явленія представляютъ параллелизмъ и въ томъ смыслѣ, что какъ пріобрѣтеніе идей въ одномъ случаѣ, такъ и утрата ихъ въ другомъ самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ существованіемъ или отсутствіемъ необходимыхъ физіологическихъ процессовъ, если даже не зависятъ всецѣло отъ нихъ.

Итакъ, физіологическая причина того, что новорожденный ребенокъ не говоритъ, заключается въ неполномъ развитіи органовъ рѣчи. «Легкія еще не развились въ такой степени, какъ это нужно для членораздѣльной рѣчи. Процессъ выдыханія долженъ быть сильнымъ и точно регулируемымъ. Въ ребенкѣ-же грудныя мышцы развиты пока въ самой малой степени, дыханіе совершается скорѣе паденіемъ діафрагмы, нежели активнымъ расширеніемъ грудной клѣтки. Поэтому дыхательныя движенія у ребенка болѣе поверхностныя и менѣе правильныя, чѣмъ въ позднѣйшіе годы. Для рѣчи-же необходимъ полный контроль надъ механизмомъ дыханія, а ребенокъ еще до этого не достигъ; въ его голосовомъ инструментѣ не хватаетъ еще пока большого числа струнъ, трубъ и регистровъ».

«Органы рѣчи таковы: легкія, дыхательныя трубки, гортань и голосовыя связки, ротъ съ языкомъ, нёбомъ, губами и зубами. Лег-

*) Мать или кормилица являются не больше, какъ главными воспитательницами ребенка, такъ какъ всѣ, кто окружаетъ ребенка съ колыбели, кто разговариваетъ въ его присутствіи, участвуютъ, не подозрѣвая этого сами, въ этомъ основномъ воспитаніи человѣка. Degerando, «De l'Education des Sourds-Muets de Naissance». Paris, 1827.

**) F. Schultze, «Die Sprache des Kindes». 1880.

ками производится движеніе воздуха, тонъ и голосъ образуются гортанью; отъ того, насколько голосовыя связки сближаются или расходятся, зависитъ болѣе высокій или болѣе низкій тонъ голоса».

«*Форма* издаваемаго звука (т.-е. будетъ-ли произнесена гласная *а* или *о* и т. д., согласная б или ф и т. д.) зависитъ отъ формы рта въ то время, когда издается звукъ. Между тѣмъ у ребенка гортань пока еще очень мала и недоразвита по своей формѣ; то-же самое можно сказать про языкъ, губы и мышцы, двигающіе ими, а зубовъ такъ пока еще и вовсе нѣтъ». Наконецъ, надо принять во вниманіе и не вполнѣ развитое состояніе слухового аппарата и мозга.

Съ другой стороны, надо не терять изъ виду и того, что связь между органами рѣчи и самой рѣчью есть связь взаимная. Если вполнѣ справедливо, что рѣчь зависитъ отъ органовъ рѣчи, то не менѣе справедливо и то, что эти органы зависятъ отъ рѣчи и могутъ развиваться далѣе лишь при условіи постояннаго упражненія. Подобно тому, какъ, играя на арфѣ, учатся играть именно на арфѣ, такъ и ребенокъ, говоря, научается говорить. Упражненіе голосовыхъ органовъ развиваетъ эти органы и дѣлаетъ возможнымъ переходъ къ упражненіямъ болѣе труднаго характера.

Итакъ, ребенокъ рождается на свѣтъ съ потенціальной способностью рѣчи, которая лишь впослѣдствіи переходитъ въ область дѣйствительности. Ребенокъ рождается обладателемъ нѣкотораго аппарата, но въ этомъ аппаратѣ не всѣ еще части прилажены другъ къ другу, и хозяинъ еще не научился ими управлять. Такимъ образомъ, неспособность ребенка говорить не есть что-либо *ненормальное*, какъ нельзя считать ненормальнымъ неумѣніе его писать, плавать или играть на фортепіано *). Состояніе ребенка можно считать пока *неполнымъ развитіемъ*. Но когда ребенокъ оказывается не въ состояніи *научиться* говорить, то это уже представляетъ дѣйствительно ненормальное явленіе, причинъ котораго надо искать въ ненормальности физіологическихъ или психологическихъ структуръ и обусловливаемыхъ ими отправленій организма. Одно представляетъ неестественное состояніе, въ которое попадаетъ ребенокъ, другое—состояніе вполнѣ естественное, изъ котораго онъ долженъ постепенно выйти.

3. Развитіе рѣчи со стороны фонетической и психической.

Мы, во-первыхъ, намѣрены дать краткій общій очеркъ развитія рѣчи у обыкновеннаго ребенка въ продолженіе первыхъ двухъ

*) Прейеръ, «Душа ребенка»

лѣтъ жизни, дѣлая свои обобщенія изъ большого числа дѣйствительныхъ наблюденій (произведенныхъ разными лицами и надъ разными дѣтьми) и распредѣливъ это время на періоды въ шесть мѣсяцевъ каждый. Затѣмъ мы попытаемся суммировать данныя о количествѣ и составѣ словъ, употребляемыхъ дѣтьми, извлекая ихъ изъ «дѣтскихъ словарей», тщательно составленныхъ отдѣльными наблюдателями надъ дѣтьми разнаго возраста. Наконецъ, мы разсмотримъ, какія общія заключенія можно извлечь изъ имѣющагося въ нашихъ рукахъ матеріала, и предложимъ ихъ, какъ эмпирическіе законы, подлежащіе дальнѣйшей провѣркѣ. Мы умышленно говоримъ «эмпирическіе законы», потому что дѣти такъ разнятся другъ отъ друга, надежныхъ наблюденій такъ пока еще мало, что въ настоящее время приходится или воздерживаться отъ общихъ выводовъ, или высказывать ихъ только предположительно.

Первая половина перваго года. «Въ Тюрингіи, — говоритъ Сигизмундъ,—первые три мѣсяца жизни ребенка называютъ «das stumme Vierteljahr» (нѣмая четверть года); согласно Шультце *), и въ теченіе послѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ ребенокъ не дѣлаетъ успѣховъ по сравненію съ первыми тремя. Изъ этого, пожалуй, можно былобы заключить, что для насъ не найдется ничего заслуживающаго вниманія по отношенію развитія рѣчи въ теченіе первой половины года. Это однако далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ все это время совершается въ высшей степени важный подготовительный процессъ. Ребенокъ, даже въ то время, когда онъ лежитъ въ люлькѣ и не въ состояніи еще принять сидячаго положенія, получаетъ каждую минуту, пока только онъ не спитъ, разнаго рода впечатлѣнія отъ окружающей среды. Онъ слышитъ слова, видитъ жесты и подмѣчаетъ, можетъ быть даже не вполнѣ невольно, модуляціи голоса тѣхъ, кто находится вокругъ него, и изъ этого матеріала онъ впослѣдствіи составляетъ собственный словарь. Но и помимо этого, въ теченіе разсматриваемаго періода начинается тотъ своеобразный дѣтскій лепетъ (babble), который, хотя и представляетъ, по выраженію одного наблюдателя, «неумѣлое щебетаніе» («awkward twittering»), все-же содержитъ въ зачаточной формѣ почти всѣ звуки, комбинированіемъ которыхъ производятся впослѣдствіи многообразныя формы могущественнаго орудія человѣка—рѣчи. Ребенокъ автоматически, чисто импульсивнымъ упражненіемъ своихъ голосовыхъ мускуловъ производитъ поразительно разнообразные звуки; замѣчательно, что впослѣдствіи тому-же ребенку очень трудно произнести сознательно нѣкоторые изъ этихъ

*) F. Schultze, «Die Sprache des Kindes». 1880.

звуковъ. Подобнымъ-же образомъ ребенокъ въ это время совершаетъ автоматически многія движенія глазами, которыя впослѣдствіи становятся весьма трудными или даже невозможными. Тэнъ полагаетъ, что въ это время «всѣ оттѣнки душевныхъ движеній, удивленіе, радость, горе» выражаются различіями въ тонѣ голоса, которыя равняются или даже превосходятъ тѣ различія, какія можно наблюдать у взрослыхъ [1]).

Первое дѣйствіе ребенка есть крикъ [2]), который объясняли разнымъ образомъ. Семмигъ [3]) называетъ его «тріумфальной пѣснью вѣчной жизни» и характеризуетъ его, какъ «небесную музыку». Кантъ называетъ его крикомъ гнѣва, другіе называли его грустнымъ воплемъ при входѣ въ грѣховный міръ или предчувствіемъ житейскихъ страданій и горя. Болѣе научнымъ, хотя и менѣе поэтичнымъ, будетъ принять объясненіе естествоиспытателя, который видитъ въ этомъ не больше и не меньше, какъ выраженіе болѣзненности перваго дыханія, результатъ вторженія холоднаго потока воздуха въ легкія ребенка [4]).

Для насъ важнѣе выяснить отношеніе этого перваго голосового звука къ послѣдующей рѣчи. Крикъ сначала представляетъ простой автоматическій или рефлекторный вопль («squall»), безъ выразительныхъ модуляцій голоса или отличительнаго тембра; одинъ и тотъ-же крикъ служитъ для выраженія всякаго рода чувствъ. Но скоро онъ дифференцируется и принимаетъ различные оттѣнки для выраженія различныхъ состояній сознанія. Такая дифференціація начинается у разныхъ дѣтей въ разное время. Дѣвочка, которой было всего пятнадцать дней, выражала голодъ особаго рода крикомъ (Пэрэ). Въ другомъ случаѣ крикъ пересталъ быть простымъ неосмысленнымъ воплемъ въ концѣ перваго мѣсяца. Еще въ одномъ случаѣ голодъ, холодъ, боль, радость и желаніе были выражаемы ребенкомъ различными звуками ранѣе окончанія пятой недѣли [5]). Другіе наблюдатели отмѣчаютъ переходъ отъ однообразнаго «крика» къ выразительному (буквально—отъ «крика» къ «голосу») [6]) въ различное время, но во всякомъ случаѣ до истеченія первыхъ трехъ мѣсяцевъ.

---

[1]) H. Taine, «Acquisition of Language by Children». «Mind», val. II.

[2]) «Какъ только ребенокъ рождается на свѣтъ, онъ уже начинаетъ кричать» (Sigismund). «Ребенокъ родился на свѣтъ! Онъ входитъ въ него съ борьбой, крикъ—вотъ первое, что онъ произноситъ», Merenholz-Bülow, «The Child», London. 1890.

[3]) H. Semmig, «Das Kind. Tagesbuch eines Vaters». 1876.

[4]) B. Sigismund, «Kind und Welt».

[5]) W. Preyer, «Psychogenesis».

[6]) Egger, «Sur le Developpement de l'Intelligence et du Langage».

Дѣтскій крикъ въ первое время жизни ребенка описывается различно. Согласно одному наблюдателю, «крикъ, выражающій боль, вообще протяжнѣе, нежели крикъ, выражающій страхъ» *). Другіе наблюдатели говорятъ, что крикъ, выражающій страхъ, «короткій и отрывистый, тогда какъ голодъ выражается долгимъ, протяжнымъ стономъ» **). Одинъ ребенокъ двухъ мѣсяцевъ выражалъ удовольствіе и боль различнымъ произношеніемъ гласной *a*. Сынъ Сигизмунда на шестомъ мѣсяцѣ выражалъ удовольствіе своеобразнымъ «отрывистымъ» вскрикиваніемъ и дрыганьемъ ножками.

Ребенокъ дѣлаетъ еще шагъ впередъ, когда его крики и лепетъ принимаютъ характеръ членораздѣльныхъ звуковъ. Въ это время возможно уже разобрать звуки алфавита. При этомъ гласныя обыкновенно предшествуютъ согласнымъ, а изъ гласныхъ, вообще говоря, первой становится слышной *a* со всѣми ея различными оттѣнками ***).

---

*) W. E. Leonard, «Elementary Training of Infants». «Babyhood». 1890, March.

**) Наблюденія проф. Макъ-Кёрди и его жены.

***) Какъ читатель убѣдится далѣе, переводъ настоящей главы представляетъ немалыя трудности. Глава посвящена языку, какъ системѣ звуковъ, между тѣмъ какъ въ книгахъ мы имѣли дѣло съ письменнымъ языкомъ, въ которомъ,— и это справедливо въ особенности относительно англійскаго и французскаго языковъ,—одинаковые звуки часто изображаются разными буквами и однѣ и тѣ-же буквы изображаютъ часто различные звуки. Кромѣ того, собранныя авторомъ переводимой нами книги наблюденія надъ развитіемъ рѣчи у дѣтей относятся къ дѣтямъ разныхъ національностей, а извѣстно, что у разныхъ народовъ, даже такихъ, которые говорятъ на языкахъ, относящихся къ индо-европейской группѣ, не совпадаютъ вполнѣ не только системы гласныхъ звуковъ, но даже и системы звуковъ согласныхъ. Всякій, кто, напр., пытался изображать русскими буквами нѣмецкія, французскія и въ особенности англійскія слова, знаетъ, что часто такое изображеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если довольствоваться самымъ грубымъ сходствомъ, а иногда даже и вовсе невозможно.

Наибольшія затрудненія представляетъ, однако, языкъ англійскій; даже въ элементарныхъ англійскихъ *толковыхъ* словаряхъ (а такихъ въ Англіи—легіонъ) всегда указывается произношеніе *всѣхъ* словъ, причемъ самимъ англичанамъ для правильной передачи своихъ гласныхъ звуковъ приходится прибѣгать къ системѣ надстрочныхъ знаковъ. Систему такихъ знаковъ принялъ и проф. Трэси, употребляя ее всякій разъ, когда приходится написать слово или звукъ въ томъ видѣ, какъ они произносятся дѣтьми. Сообразно своей системѣ обозначенія гласныхъ и (нѣкоторыхъ) согласныхъ звуковъ проф. Трэси передѣлалъ подобныя обозначенія, которыя онъ нашелъ у нѣмецкихъ или французскихъ авторовъ, сочиненіями которыхъ онъ пользовался, что, конечно, потребовало не мало времени и труда. Производить этотъ трудъ заново, приспособляясь къ русскому читателю, намъ казалось задачей очень тяжелой, отвѣтственной, пожалуй, даже невыполнимой; къ тому-же, для такой работы полезно было-бы имѣть подъ руками всѣ тѣ матеріалы, которыми пользовался авторъ для составленія настоящей главы. Поэтому мы сочли болѣе благоразумнымъ оставить неприкосновенной

Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе, чтобы принять систему отличительныхъ знаковъ для обозначенія разнаго рода звуковъ, произносимыхъ ребенкомъ, такъ какъ для насъ очень важно, чтобы это произношеніе отмѣчалось возможно болѣе точно. Мы примемъ слѣдующую систему обозначеній, позволяя себѣ, гдѣ понадобится, измѣнить, сообразно принятой нами системѣ, обозначеніе произношенія дѣтьми разныхъ звуковъ, которое мы находимъ въ разныхъ, цитируемыхъ нами сочиненіяхъ, чтобы провести въ этомъ случаѣ строгое единообразіе:

a какъ въ словѣ calm *)	o какъ въ словѣ pot
ă » » » fat	ō » » » old
ā » » » fate	ö нѣмецк. o umlaut
â » » » awl	oo какъ въ словѣ food
ä (нѣмецкое a umlaut)	o͝o » » » foot
e какъ въ словѣ pet	u какъ въ up
ē или ee какъ въ словѣ eat или feet	ū » » use
i какъ въ словѣ pit	ü нѣмецкое u umlaut.
ī » » » ice	

Нѣкоторыя перемѣны придется сдѣлать и въ согласныхъ; напр., такія слова, какъ carner (чит. кор'нер), chorus (коо'рöс), coffee (кофи), мы пишемъ черезъ k вмѣсто c или ch; слова-же cigar (сигар), centre (сен'тер), cellar (сел'ăр) и т. д. черезъ s; въ такихъ словахъ, какъ write (первая буква не произносится), первая буква будетъ вовсе опущена.

Другія измѣненія будутъ указаны нами по мѣрѣ надобности.

Въ одномъ случаѣ наблюдалась слѣдующая послѣдовательность въ произношеніи ребенкомъ гласныхъ: *ä-a-u* **). Въ другомъ случаѣ звукъ *a-a*, какъ выраженіе радости, былъ наблюдаемъ на десятой недѣлѣ (Прейеръ). Въ наблюденіяхъ Лёбише ***) гласныя развива-

---

систему раздѣленія и обозначенія звуковъ, принятую проф. Трэси, тѣмъ болѣе, что при достаточной дозѣ вниманія, намъ кажется, даже и читатель, незнакомый съ англійскимъ языкомъ, можетъ оцѣнить работу проф. Трэси и достигнутые имъ результаты.

Передавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ русскими буквами произношеніе словъ, приводимыхъ проф. Трэси въ видѣ примѣровъ разнаго произношенія гласныхъ или согласныхъ, мы слѣдуемъ наиболѣе авторитетному указателю на русскомъ языкѣ—англо-русскому словарю Александрова. Какъ читатель увидитъ, англичане различаютъ бо̀льшее число гласныхъ звуковъ, нежели русскіе, а для насъ. русскихъ, нѣкоторые изъ приводимыхъ проф. Трэси гласныхъ звуковъ оказываются болѣе или менѣе сливающимися. *Примѣч. перев.*

*) Вотъ какое произношеніе этого и послѣдующихъ словъ даетъ намъ указанный англо-русскій словарь: ка'амъ, фăт (ă есть звукъ средній между *a* и *e*), фот, о'ол, пет, ит, фит, пит, ас, пот, о'олд, фуд, фут, ön (звукъ ö можно считать одинаковымъ съ нѣмецкимъ o umlaut), юз. *П. М.*

**) F. Schultze, «Die Sprache des Kindes». 1880.

***) Löbische, «Die Seele des Kindes». Wien, 1851.

лись въ такомъ порядкѣ: *a-e-o-u-i*. Одинъ ребенокъ началъ съ *a* и затѣмъ сталъ произносить *ai-ā-au-â*, но долго не произносилъ чистаго *ō*. Въ одномъ случаѣ всѣ гласныя были уже слышны въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ, причемъ чаще всего было употребляемо *ä*, въ другомъ случаѣ первоначальное *a* (изъ котораго главнымъ образомъ состояли первые крики) дифференцировалось въ разные гласные звуки въ теченіе перваго мѣсяца *).

Прейеръ приводитъ слѣдующій порядокъ усвоенія гласныхъ: *uä·ao-ai-uao-ä-o·a-ö ū·e-ā i-u*; Сигизмундъ приводитъ такой порядокъ: *a-ä-u-ei·o-i·ö·ü äu-au*.

Задолго до шестого мѣсяца первоначальные гласные звуки слагаются одинъ съ другимъ (какъ это видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ) и съ согласными, чѣмъ образуются первые звуки, составляющіе слогъ. Эти первые слоги, большею частью, представляютъ чисто механическое **) сложеніе звуковъ. Въ большомъ числѣ относящихся сюда случаевъ первые появляющіеся согласные — губные *b, p, m*, причемъ первое время эти согласные почти всегда появляются въ началѣ слога, а не въ концѣ. Легкій согласный звукъ *m*, соединяясь такимъ образомъ съ легкимъ гласнымъ *a*, даетъ комбинацію *ma*, которая, будучи удваиваема по самопроизвольному движенію ребенка, даетъ слово *mama* (мама). Такимъ-же образомъ являются слова *papa* (папа), *baba* (баба), послѣ переходящее въ *baby* (чит. бэби; это слово по-англійски значитъ ребенокъ, дитя) и т. п.

Не всегда, однако, первыми согласными звуками являются губные, иногда раньше ихъ бываютъ слышны гортанные (*g* или *k*); случается, что согласные, появляющіеся обыкновенно послѣдними (а именно *r* или *l*), произносятся нѣкоторыми дѣтьми очень рано. Одинъ мальчикъ А. сталъ сначала произносить гортанные *gg*, хотя самая ранняя комбинація *mam-mam* была употребляема при крикѣ (плачѣ—crying). Пяти мѣсяцевъ «ребенокъ почти пересталъ произносить горловые звуки и началъ издавать рѣзкіе гласные звуки»; когда ребенку исполнилось шесть мѣсяцевъ, его голосъ понизился и онъ началъ издавать губные звуки (lip-sounds) одновременно съ прорѣзываніемъ перваго зуба.

Въ другомъ случаѣ *m* появилась какъ первый согласный звукъ на второмъ мѣсяцѣ, а за нимъ послѣдовали *b-d-n-r*, иногда *g* и h и очень рѣдко *k*, первые слоги были *pa-ma-ta-na* ***).

Лёбише наблюдалъ появленіе согласныхъ въ такомъ порядкѣ:

*) E. Stow-Brown, «The Baby's Mind».

**) То-есть, такіе слоги не имѣютъ никакого значенія въ качествѣ выраженія мысли. *Прим. перев.*

***) W. Preyer, «Psychogenesis».

m-b-p-d-t-l-n-s-r, Сигизмундъ въ такомъ: *b-m-n-d-s-g-w-f-ch-k-l-r-sch*; женщина-врачъ Елизавета Стоу-Броунъ въ такомъ: *b-p f-r-m-g-k-h-t-d-l n.*

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти всѣ слоги были произносимы правильно до конца перваго полугода жизни; въ другихъ случаяхъ успѣхи были много медленнѣе, и до девятаго мѣсяца ребенокъ успѣвалъ овладѣть весьма немногими слогами.

Въ этотъ-же періодъ можно иногда наблюдать начало звукового подражанія. Такъ, напр., было замѣчено, что мальчикъ А. «внимательно слѣдилъ за движеніями губъ бывшихъ съ нимъ лицъ»; другіе наблюдатели также, приблизительно съ четвертаго мѣсяца, подмѣчали у ребенка «любопытное мимическое подражаніе разговору, причемъ въ особенности хорошо было подражаніе паденію голоса на концѣ предложенія («cadences»), такъ что, если-бы кто-нибудь находился въ сосѣдней комнатѣ, онъ могъ-бы легко подумать, что и въ самомъ дѣлѣ происходитъ разговоръ» (Прейеръ). То-же самое наблюдалось и относительно мальчика А, но нѣсколько позже.

Второе полугодіе перваго года. Большинство дѣтей въ это время дѣлаютъ весьма замѣтные успѣхи въ подражаніи звукамъ, равно какъ и въ сознательномъ (intentional—намѣренномъ) употребленіи звуковъ, имѣющихъ значеніе, наконецъ—въ пониманіи значенія словъ и жестовъ. Однако дѣйствительный запасъ словъ у большинства дѣтей пока еще чрезвычайно ограниченъ. Многія дѣти, достигнувъ года, не могутъ произнести ни одного слова; въ среднемъ, запасъ словъ ребенка въ это время не превышаетъ полудюжины словъ.

Дальнѣйшій прогрессъ наступаетъ съ возникновеніемъ активнаго прислушиванія (active hearing) и съ увеличеніемъ вниманія—въ періодѣ между седьмымъ и девятымъ мѣсяцами. Ребенокъ начинаетъ какъ будто отбивать тактъ, слушая музыку, которая ему видимо доставляетъ удовольствіе; это сильное возбужденіе поощряетъ его къ произведенію новыхъ звуковъ. Ребенку нравится, когда его носятъ на рукахъ, подпрыгивая въ тактъ. Онъ хлопаетъ ручками въ подражаніе движеніямъ, сопровождающимъ пѣніе дѣтскихъ пѣсенокъ, а иногда пытается даже произнести и слова. Онъ съ удовольствіемъ и по многу разъ произноситъ выученные имъ слоги, мѣняя ихъ и удваивая, говоря, напр., тата, вава, дада, папа и т. д.; при этомъ онъ иногда производитъ такія комбинаціи, которыя не легко вполнѣ разобрать.

Ребенокъ понимаетъ значеніе многихъ словъ, которыя онъ произнести не можетъ, и произноситъ многія слова чисто механически, не понимая ихъ смысла. Онъ знаетъ каждаго члена семьи по имени и можетъ передать сухарь любому изъ нихъ, котораго ему назовутъ.

Онъ знаетъ главныя части своего тѣла и можетъ показать ихъ, если у него спросятъ *). Слова *papa* и *mama*, поразительное распространеніе которыхъ по всему міру отчасти объясняется физіологическими причинами легкости ихъ произношенія (весьма естественно, что звуки, произносимые съ наибольшей легкостью и, слѣдовательно, раньше всѣхъ другихъ, ассоціировались съ тѣми лицами, присутствіе которыхъ возбуждаетъ самыя раннія и самыя живыя чувства и мысли), употребляются въ это время разумно многими дѣтьми, хотя, впрочемъ, нѣкоторыя дѣти достигаютъ этого позже.

Въ это время быстро развивается стремленіе къ подражанію. Въ одномъ случаѣ подражаніе жестамъ было наблюдаемо, когда ребенку исполнилось восемь мѣсяцевъ, а подражаніе словамъ на десятомъ мѣсяцѣ. Если кого-нибудь звали, то и ребенокъ громко кричалъ. Въ другомъ случаѣ въ концѣ перваго года ребенокъ началъ подражать звукамъ, издаваемымъ животными и неодушевленными предметами (Прейеръ). При наблюденіяхъ Сигизмунда инстинктъ подражанія проявился въ третьей четверти перваго года; тогда-же онъ наблюдалъ удвоеніе слоговъ, состоявшихъ изъ губного и зубного согласнаго звука и изъ гласнаго звука *ä*, а также болѣе частое употребленіе слоговъ, въ которыхъ гласный звукъ былъ на концѣ. Сынъ Чэмниса ясно подражалъ интонаціи голоса, когда ему повторяли нѣсколько разъ какое-нибудь слово или предложеніе. Тоже самое наблюдалось и надъ другими дѣтьми **).

Дѣти, которыя могутъ въ это время употреблять нѣсколько словъ, обнаруживаютъ своимъ употребленіемъ ихъ—какое неопредѣленное значеніе имѣютъ для нихъ эти слова. Маленькая дѣвочка, которая научилась говорить *â gâ* (all gone) и *ăg-gă* (gegangeñ), примѣнила это слово къ самой себѣ, когда ей однажды случилось упасть (наблюденія проф. Макъ-Керди и его жены). Гемфрисъ (Humphreys) говоритъ, что ребенокъ, за развитіемъ котораго онъ наблюдалъ, былъ въ состояніи въ это время назвать многіе предметы правильно и ясно произносилъ всѣ начальные согласные, исключая *th*, *t*, *d*, *v*, *l*; въ то-же время нѣкоторые *конечные* согласные были произносимы не ясно ***).

Одинъ ребенокъ одиннадцати мѣсяцевъ зналъ, что значитъ *guten Tag* (добрый день, здравствуйте), и отвѣчалъ съ своей стороны *tata*, онъ-же отвѣчалъ на *adieu* (прощайте) *adaa*. Первая ассоціація

*) Рукописныя наблюденія проф. Макъ-Керди и его жены.

**) Рукописныя наблюденія проф. Макъ-Керди и его жены.

***) A «Contribution to Infantil Linguistics Tranction of Amor. Philosophical Association», 1888.

звука съ понятіями (conception) у того-же мальчика былъ звукъ *ee*, что означало wet (по-англійски—мокрый) [1]).

Мальчикъ десяти мѣсяцевъ употреблялъ разумно слова *tata*, *Aggie* (*Maggie*, которое перешло затѣмъ въ Waggie [2]) и adie (перешедшее затѣмъ въ auntie [3]). Когда ребенку исполнилось одиннадцать мѣсяцевъ, Waggie уже сократилось въ Wag и adie въ att.

Другой мальчикъ семи мѣсяцевъ обыкновенно махалъ рукой и говорилъ *tata* при прощаніи; однажды онъ сдѣлалъ то-же самое, когда при немъ отворили и заперли дверь шкапа. Дочь Тэна, двѣнадцати мѣсяцевъ, узнавъ слово bébé (ребенокъ) въ связи съ изображеніемъ младенца Іисуса, впослѣдствіи распространила значеніе этого слова весьма оригинально не на всѣхъ маленькихъ дѣтей, а на всѣ картины. Иногда ребенокъ самъ выдумываетъ слово, напр., слово *tut* въ случаѣ, описываемомъ Дарвиномъ, когда ребенокъ употреблялъ это слово какъ вопросительный звукъ, прося пищи, а также и «какъ существительное съ широкимъ значеніемъ». Я наблюдалъ подобное-же широкое употребленіе слова *da* у мальчика F. Въ другомъ случаѣ ребенокъ употреблялъ звукъ *bo* для обозначенія всего, что ему нравилось. Ребенокъ, употреблявшій нѣкоторое время слова *tata*, *papa*, *babē* механически, пересталъ ихъ употреблять около средины разсматриваемаго періода и вернулся къ употребленію ихъ снова пять мѣсяцевъ спустя, «когда эти слова получили уже должное примѣненіе» (E. Stow-Brown).

Селли наблюдалъ въ началѣ этого періода (который онъ называетъ «*la-la* period») появленіе членораздѣльныхъ звуковъ, произносимыхъ самопроизвольно. Ребенокъ вдругъ нападалъ на какую-нибудь комбинацію слоговъ и повторялъ безъ всякаго смысла, исключая развѣ того, что ими обнаруживались разныя чувства ребенка [4]). Долгое ā показывало удивленіе, а «своеобразный звукъ *o*, образуемый какъ-бы вбираньемъ въ ротъ воздуха, показывалъ удовольствіе по поводу какого-нибудь новаго предмета» Въ одномъ случаѣ ребенокъ въ концѣ разсматриваемаго періода произнесъ маленькое предложеніе, состоявшее всего только изъ двухъ словъ. Онъ сказалъ: «*papa—tata*», что означало: «папа, возьми меня къ мамѣ» [5]).

---

[1]) Прейеръ, «Душа ребенка».

[2]) Надо замѣтить, что Maggie (чит. мэги) есть уменьшительное отъ имени собствен. Margaret (Прим. переводч.).

[3]) Надо думать, прибавимъ мы для читателей, незнакомыхъ съ англійскимъ языкомъ, ребенокъ произносилъ такимъ образомъ слово aunt тетка; читается это слово антъ. П. М.

[4]) W. B. Ganfield, «The Development of Speech in Infants. Babyhood». 1897, May.

[5]) Пэрэ, «Первые три года жизни ребенка».

Вслѣдствіе большой разницы, которая замѣчается между дѣтьми въ изучаемомъ періодѣ, было-бы рискованно дѣлать какія-бы то ни было обобщенія, исключая лишь того, что наиболѣе характернымъ явленіемъ второго полугодія перваго года жизни ребенка надо считать возникновеніе стремленія къ подражанію. Однако нѣкоторыя дѣти въ этомъ отношеніи подвигаются къ концу періода только настолько, насколько другія ушли въ началѣ періода. Не лишнее, пожалуй, замѣтить, что изъ того, что дитя обнаруживаетъ чрезвычайно рано стремленіе къ подражанію, не слѣдуетъ заключать, что изъ него выйдетъ очень смышленый ребенокъ. Подражаніе не требуетъ очень большой остроты ума, и тотъ ребенокъ, который отставалъ отъ другого въ этомъ отношеніи, можетъ затѣмъ превзойти своего скороспѣлаго товарища.

Первое полугодіе второго года жизни. Пока ребенокъ учится ходить, очень часто замѣчается пріостановка или даже регрессивное движеніе по отношенію къ рѣчи. Когда-же онъ выучится ходить, пріобрѣтеніе рѣчи снова идетъ впередъ, и уже съ большей быстротой, чѣмъ когда-либо въ другое время жизни.

Въ теченіе этого третьяго періода обыкновенно замѣчается значительный прогрессъ въ пониманіи словъ и въ разумномъ примѣненіи ихъ, хотя запасъ словъ пока еще очень ограниченъ, а произношеніе ихъ неудовлетворительно. Трудные звуки пропускаются вовсе или замѣняются болѣе легкими. Иногда измѣненіе одного согласнаго звука вліяетъ на другой звукъ, послѣдующій или предшествующій. Въ болѣе длинныхъ словахъ и сочетаніяхъ словъ произносится лишь наиболѣе замѣтная часть ихъ: тотъ звукъ, на который падаетъ удареніе или который находится въ концѣ слова. Часто къ концу слова присоединяется конечный звукъ *ie* (чит. и), ребенокъ говоритъ dinnie вмѣсто dinner (обѣдъ), ninnie вмѣсто drink (пить), beddy вмѣсто bread (хлѣбъ). Вотъ еще примѣры неправильнаго произношенія: *apy tee* (apple tree—яблоня), *piccy book* (picture book—книжки съ картинками), *garny or nannie* (grandma—сокращенная форма слова *grandmamma* — бабушка), *pee* (please—пожалуйста), pepe—(pencil—карандашъ), *mo-a* (more—еще), hō или hâ (horse—лошадь), Balbert (Gilbert), Tot (Topf—нѣмецкое слово горшокъ), Ka-ku (Carrie) и Ka-kie (Katy—собственное имя).

Большая часть дѣтей въ этомъ возрастѣ уже понимаютъ многое изъ того, что имъ говорятъ. Ребенокъ понимаетъ, напр., такія фразы, поступая соотвѣтственно смыслу ихъ: «принеси мячъ» (bring the ball), «поди къ папѣ на колѣни» (come on papa's knee), «сойди внизъ» (go down), «поди сюда» (come here). «поцѣлуй меня» (give me a kiss). Ребенокъ показываетъ также, когда ему ихъ называютъ

части собственнаго тѣла, какъ, напр., глаза, носъ, ухо, другое ухо, руку и т. д., равно какъ глаза, уши и прочія части тѣла другихъ лицъ. Ребенокъ приноситъ, уноситъ, кладетъ разныя вещи, куда ему скажутъ.

Нѣкоторыя дѣти въ концѣ разсматриваемаго періода начинаютъ выражаться короткими предложеніями, которыя обыкновенно бываютъ эллиптическими, или, какъ называетъ ихъ Ромэнсъ, «слова-предложенія» (sentence-words), такъ какъ ребенокъ произноситъ лишь наиболѣе важное слово или наиболѣе важныя слова въ предложеніи. Напр., ребенокъ говоритъ *ta* (thank you—благодарю васъ), *nee* (take me on your knee *)—возьми меня къ себѣ на колѣни **), *det off* (get off, т.-е. сними долой), det up (т.-е. get ap—подними); *where cows George*? (where are unde George's cows?—гдѣ корова дяди Егора); *mo-a mama* (give me more, mama—дай мнѣ еще, мама), dao (take me down from my chair—сними меня со стула). Дитя произноситъ чисто комбинаціи словъ, которыя близко подходятъ къ настоящимъ предложеніямъ, напр., mama dess (mama dresses herself — мама одѣвается). Мальчикъ полутора года знаетъ послѣднія слова многихъ дѣтскихъ пѣсенокъ (Mother Goose melodies), которыя ему поютъ, какъ, напр., *moon O; place O; bare, bare, bare*, и съ величайшей радостью вставляетъ ихъ самъ, какъ разъ въ то время, когда нужно ***).

Нѣкоторыя слова дѣти выдумываютъ сами, напр., дочь Тэна сама выдумала слово *tem* и употребляла его въ качествѣ общаго указательнаго—«звукъ, который гармонировалъ для нея со всякимъ опредѣленнымъ и сильнымъ желаніемъ и который потому ассоціировался съ ея главными ясными и сильными желаніями, какими въ настоящее время является стремленіе брать, получать, заставлять брать другихъ, разсматривать и заставлять смотрѣть другихъ». Та-же дѣвочка выдумала слово *ham* (амъ), что означало желаніе «что-нибудь поѣсть», подобно тому, какъ для того-же самаго сынъ Дарвина употреблялъ слово *mum*.

Любовь къ удвоенію слоговъ обнаруживается очень ясно въ это время; впрочемъ, можно эту склонность ребенка замѣтить съ самаго начала. Несомнѣнно, причина этого явленія чисто физіологическая, такъ какъ для органовъ рѣчи, конечно, легче произнести подъ-рядъ нѣсколько разъ одно движеніе, нежели приспособляться снова для произведенія другого звука. Весьма вѣроятно, что отчасти этотъ

*) Fr. Pollock., «An Infant's Progress in Language», vol. III.

**) Замѣтимъ, что въ словѣ knee первая буква не произносится и оно читается *ни*, что по-англійски можетъ быть изображено nee. П. М.

***) Mrs M. Allen, «Notes on the Development of Child's Language». «Mother' Nursery Guide». 1893, February.

фактъ объясняется и столь свойственной дѣтямъ любовью къ повторенію и къ однозвучнымъ словамъ, что, по мнѣнію Сигизмунда, составляетъ основаніе нашей любви къ стихамъ.

Въ это-же время можно часто наблюдать появленіе ономатопоэтическихъ *) названій для животныхъ и для вещей, хотя, несомнѣнно, многія такія названія не болѣе, какъ подражаніе тому, что дѣти слышатъ отъ взрослыхъ. Въ слѣдующихъ выраженіяхъ можно видѣть проявленіе одной или обѣихъ указанныхъ особенностей дѣтскаго языка: *dada*, *mama*, *papa*, *wawa* (water—вода), *wah wah* или *она она* или *bow-wow* (собака—русскія дѣти говорятъ *гамъ-гамъ* или *амъ-амъ*), *es es (yes*—да), *ni ni* (nice—красивый, вкусный, хорошій), *ko-ko* (цыплята), *puff* (wind—вѣтеръ), *quack quack* (duck—утка), *golloh* или *lululu* (всѣ катящіеся предметы), bopoo (bottle—бутылка), *too-too* (cars—повозки), *tuppa tuppa tee* (potato—картофель) и т. д. Дитя подражаетъ (часто по собственному желанію и безъ всякаго внѣшняго стимула) звукамъ, издаваемымъ собакой, кошкой, бараномъ, тиканьемъ маятника на часахъ и т. д., причемъ многіе такіе звуки онъ удваиваетъ.

Можно иногда замѣтить и обратный процессъ—укорачиваніе нѣкоторыхъ словъ. Въ одномъ случаѣ мальчикъ пятнадцати мѣсяцевъ сократилъ слова *papa*, *mama* и *addie* **) въ *pa*, *ma* и *att*, никогда, конечно, не слышавъ самъ такихъ словъ ***).

Стремленіе къ подражанію въ разсматриваемый періодъ очень сильно. Ребенокъ пытается повторять все, что онъ слышитъ; однако нѣкоторые звуки оказываются для него очень трудными. Весьма любопытно наблюдать, къ чему прибѣгаетъ ребенокъ въ случаѣ такихъ затрудненій. Мальчикъ R. обыкновенно говорилъ вмѣсто thank you (благодарю васъ), *nana*, и вмѣсто «*get caught*» (поймалъ—выраженіе, употребляемое въ играхъ) *dit taut*. Выраженіе *excuse me* (извините меня) было, однако, для ребенка слишкомъ трудно и онъ вмѣсто этихъ словъ произносилъ ōhō съ удареніемъ на второмъ слогѣ. Пѣнію дѣти часто подражаютъ лучше, нежели обыкновенной рѣчи. Мальчикъ четырнадцати мѣсяцевъ «повторялъ пѣсенку въ надлежащемъ тонѣ» (Сигизмундъ), другой шестнадцати мѣсяцевъ зналъ нѣсколько простыхъ маленькихъ гимновъ.

Пожалуй, однако, наибольшій интересъ въ этомъ періодѣ представляетъ постепенное «проясненіе» понятій (concepts) ребенка, насколько это выражается непрерывно идущимъ процессомъ ограниченія въ примѣненіи тѣхъ или иныхъ словъ. Все-таки въ

*) Т.-е. звукоподражательныхъ.

**) Вѣроятно, вмѣсто auntie (aunt—тетка; см. выше). *Прим. перев.*

***) Рукописныя наблюденія миссъ Сары Вилтсе надъ однимъ мальчикомъ въ Бостонѣ.

это время названія предметовъ имѣютъ у ребенка слишкомъ широкое примѣненіе, и для него нуженъ гораздо болѣе значительный опытъ, прежде нежели въ молодомъ умѣ составятся ясныя и опредѣленныя понятія, связанныя съ извѣстными названіями предметовъ. (Надо сказать, что даже у взрослыхъ людей большая часть понятій составлены поспѣшно и не имѣютъ ясно опредѣленнаго характера, и можно съ большимъ основаніемъ весь процессъ умственнаго развитія свести къ выясненію понятій).

Интересно отмѣтить какъ законъ ассоціаціи входитъ въ качествѣ фактора въ опредѣленіе сферы примѣненія названія. Когда ребенокъ называетъ луну лампой или примѣняетъ слово *bá* (ball—мячъ) къ апельсинамъ, мыльнымъ пузырямъ (bubble) и другимъ круглымъ предметамъ, когда онъ называетъ bow-woy (гамъ-гамъ) все, что̀ сколько-нибудь напоминаетъ собаку (включая бронзовыхъ собакъ на лѣстницахъ и козла на дворѣ), когда онъ примѣняетъ слова *papa* и *mama* ко всѣмъ мужчинамъ и женщинамъ, когда онъ называетъ *cutie* (acute—острый) не только ножъ, но и всякаго рода ножницы, серпъ и т. д. [1]), когда онъ говоритъ bă (bath—ванна), видя, какъ макаютъ корочку хлѣба въ чай [2]), когда для него слово *ati* (assis—франц. слово сидящій, сидя) замѣняетъ слова *стулъ* (chair), *скамейка* (bench), *сидѣть*, *садиться* и т. д. [3]), слова *perdu* (perdu—по-французски потерянный, пропавшій) или *atta* (gone or lost — по-англійски ушедшій, потерянный) выражаютъ всякаго рода исчезновеніе; во всѣхъ этихъ случаяхъ очевидно, что одно какое-нибудь бросающееся въ глаза сходство затемнило всѣ различія предметовъ въ другихъ отношеніяхъ. Одинъ ребенокъ, который узналъ слово ŏt [4]) въ качествѣ обозначенія предметовъ слишкомъ теплыхъ или горячихъ, сталъ примѣнять его и къ предметамъ слишкомъ холоднымъ (ассоціація по контрасту). Впослѣдствіи тотъ-же ребенокъ, смотря на картину, показалъ на изображеніе на ней облаковъ и сказалъ ŏt: очевидно, это напомнило ему пары, подымающіеся съ чайника (tea kettle). Такая способность подмѣчать аналогію, которую Тэнъ считаетъ источникомъ общихъ идей и языка, весьма часто обнаруживается не только въ развитіи рѣчи у ребенка, только что начинающаго говорить, но также и въ употребленіи словъ дикими и полуцивилизованными народами [5]).

Второе полугодіе второго года жизни ребенка. Прогрессъ въ пріобрѣтеніи рѣчи въ теченіе послѣдней половины второго года со-

[1]) E. A. Kirpatrick, «How Children learn to talk». «Science», 1891, September 25.

[2]) Sully, «Baby Linguistics». «Engl. Illustr. Magazine», 1884, November.

[3]) Egyer, «Sur le Développement de l'Intelligence et du Langage».

[4]) Надо думать, англійское слово hot—жаркій. *П. М.*

[5]) Romanes, «Mental Evolution in Man», Chapt. VIII.

вершается обыкновенно такъ быстро, что нѣтъ возможности дать о немъ подробный отчетъ. Мы можемъ лишь обратить вниманіе читателя на нѣкоторыя наиболѣе поразительныя черты, пояснивъ ихъ соотвѣтственными примѣрами.

«Въ концѣ второго года нормальный ребенокъ уже можетъ объяснить, чего онъ хочетъ, отдѣльными короткими предложеніями», говоритъ Шультце. Его собственный ребенокъ девятнадцати мѣсяцевъ уже могъ употреблять предложенія, заключающія подлежащее, сказуемое и дополненіе. Существуетъ одно наблюденіе, когда уже на двадцатомъ мѣсяцѣ было произнесено ребенкомъ сложное предложеніе (хотя очень эллиптическое, такъ какъ были произнесены только одни существительныя). Въ случаѣ съ ребенкомъ А. причиной, вызвавшей первое предложеніе, было истинное горе ребенка. Отецъ, котораго ребенокъ очень любилъ, игралъ съ нимъ нѣкоторое время и, наконецъ, когда его позвали, положилъ ребенка и самъ ушелъ изъ комнаты, заперевъ за собой дверь. Ребенокъ смотрѣлъ пристально нѣкоторое время на дверь и затѣмъ, соскочивъ на полъ, громко вскрикнулъ: *I want ту papa*—я хочу папу. До этого онъ выражался большею частью эллиптическими предложеніями или такими, которыя представляли просто комбинацію словъ *).

Мальчикъ С. произнесъ первое предложеніе на двадцать первомъ мѣсяцѣ: Pees mama **). За два мѣсяца передъ тѣмъ онъ произносилъ предложенія, состоявшія изъ комбинаціи отдѣльныхъ словъ (sentence words), напр., онъ говорилъ *papa cacker* (papa has firecrackers—у папы крендели). На двадцать четвертомъ мѣсяцѣ онъ разсказалъ цѣлую длинную исторію, не употребивъ ни одного глагола. Часто въ концѣ этого періода ребенокъ произноситъ даже сложныя предложенія и такія, въ которыхъ есть придаточныя предложенія. Иногда даже появляются глагольныя окончанія: naughty baby klide (послѣднее слово вмѣсто cried; дурной мальчикъ кричалъ) ***). Однажды тотъ-же мальчикъ сказалъ *comed* вмѣсто came, такимъ образомъ безсознательно исправляя неправильности англійскаго языка ****).

Въ другихъ случаяхъ наблюдались вопросительныя предложенія, напр., where's pussy? (where is pussy?—гдѣ кошка или гдѣ киса?). Большинство дѣтей въ это время говорятъ много и очень часто

*) Т.-е. рядъ словъ, не согласованныхъ между собой грамматически. См. примѣръ ниже въ текстѣ. *Примѣч. перев.*

**) Вѣроятно, *please mama*—пожалуйста, мама. *П. М.*

***) F. Pollock, «An Infant Progress in Language».

****) Неправильный глаголъ to come имѣетъ въ прошедшемъ времени came: если-бы онъ былъ правиленъ, то мы имѣли ту форму (comed), которую употребилъ ребенокъ. *Примѣч. перев.*

жестикулируютъ. Выраженія ихъ конкретны, абстрактныя-же слова, насколько только возможно, избѣгаются. Маленькій мальчикъ, увидя изображеніе мальчика-подростка, сказалъ про него: «little baby man» (буквально: маленькій дитя-человѣкъ или маленькій мужчина).

Ребенокъ очень легко схватываетъ все, что содержитъ риѳмы, или въ чемъ слышенъ размѣръ, тактъ. Мой маленькій племянникъ въ это время пѣлъ большое число пѣсенокъ и гимновъ, сохраняя вполнѣ вѣрно мотивъ. Другой мальчикъ, двадцати одного мѣсяца, услышавъ утромъ звонъ колокольчика человѣка, привозящаго молоко (the milkman's bell), обыкновенно говорилъ: milk man milk cow, crump horn, toss dog, kiss maid all florn, или-же, смотря сквозь заборъ на коровъ, начиналъ пѣть: «moo cow, moo cow, how-de-do-cow» *).

Въ этомъ періодѣ прогрессъ ребенка въ рѣчи характеризуется, между прочимъ, тѣмъ, что онъ постепенно овладѣваетъ употребленіемъ личныхъ и притяжательныхъ мѣстоименій. Употребленіе этихъ мѣстоименій представляетъ вообще для дѣтей особыя трудности и, согласно Эгжеру, ребенокъ успѣваетъ преодолѣть эти трудности только къ самому концу второго года, согласно другимъ наблюдателямъ—даже еще позже (по Линднеру—на тридцатомъ мѣсяцѣ).

Прежде чѣмъ начать употреблять мѣстоименіе *я*, ребенокъ называетъ себя собственнымъ именемъ или-же называетъ себя baby (бэби — ребенокъ), если его этому научатъ **). Когда ребенокъ начинаетъ употреблять слово *я*, то часто онъ его примѣняетъ совершенно логически съ точки зрѣнія ребенка—не къ первому лицу, а ко второму, т.-е. онъ называетъ другихъ *я*, а себя—*вы* ***). Одинъ ребенокъ употреблялъ слово *я* совершенно правильно уже на девятнадцатомъ мѣсяцѣ, хотя часто вмѣсто этого мѣстоименія онъ употреблялъ собственное имя (Schultze). Другой ребенокъ на двадцатомъ мѣсяцѣ все еще называлъ себя собственнымъ именемъ, но мѣсяцемъ позже сказалъ *меня* (me) въ первый разъ (Sully). Одна дѣвочка употребила то-же мѣстоименіе въ первый разъ на двадцать второмъ мѣсяцѣ (Mrs Talbot). Одинъ двухлѣтній ребенокъ часто употреблялъ мѣстоименіе *мой* (my) въ значеніи твой (your, т.-е. собственно вашъ), напр., онъ говорилъ: «пусти меня ко мнѣ на колѣни» («let me get ap on my lap»), буквально: позволь или позвольте мнѣ взлѣзть на мою колѣнку. Одинъ ребенокъ, такого-же возраста, все еще въ обыкновенныхъ случаяхъ продолжалъ называть себя «*baby*», но когда ему чего-нибудь очень хотѣлось, онъ

*) M. Allen, «Notes on the Development of a Child's Language».

**) См. выше наше примѣчаніе о словѣ baby. *П. М.*

***) Вспомнимъ, что по-англійски почти вовсе не употребляется мѣстоименіе 2 л. един. числа. П. М.

говорилъ: «*я хочу этого*» (I want öt), также и въ случаѣ большого страха онъ говорилъ: «*я боюсь*» (I afraid) *).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣти овладѣваютъ почти всѣми звуками къ концу второго года, но на основаніи имѣющихся у насъ матеріаловъ мы должны считать такіе факты исключеніемъ. Большинство дѣтей въ это время все еще затрудняется въ произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ затрудненій можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ дѣтскаго произношенія: *apoo* (*apple*—яблоко), *zhatis* (*there it is*—вотъ оно), *es* (*yes*—да), *yleg* (*egg*—яйцо; обратите вниманіе на трудность произношенія начальной гласной), *oken* (*open*—открытый), *tach* (*mustache*—усы), *sh'ad* (*thread*—нитка), *dam* (*gum*—смола), *nobella* (*umbrella*—зонтикъ), *uppervator* (*elevator*—элеваторъ), *aw yi* (*all riyht*—хорошо, ладно), *setto* (*cellar*—погребъ), *pato* (*potate*—картофель), *id da* (*sit there*—сядь сюда).

Одинъ наблюдатель отмѣчаетъ, какъ особенно трудные звуки s, z, d, g, k, l, n, g, r, t **). Другой наблюдатель говоритъ, что у ребенка девятнадцати мѣсяцевъ, вообще говоря, нельзя было различить звуковъ *s*, *sh* (русское ш), *ch* (русское г) и *j* (русск. дж); въ то-же время ребенокъ, хотя и произносилъ w, v и f, но также не вполнѣ отчетливо; звукъ *g* уже появился; ребенокъ овладѣлъ звукомъ *o*, стали слышны въ концѣ словъ *l*, *p* и *t*, звукъ же *k* сдѣлался любимымъ и былъ употребляемъ во многихъ словахъ. Ребенку легче давалось произношеніе шипящихъ, когда онѣ были въ концѣ слова, нежели когда онѣ были въ началѣ; въ то-же время только что стало слышно ясное произношеніе ă. На двадцать второмъ мѣсяцѣ звуки ch, j и th все еще были не вполнѣ удовлетворительны; вмѣсто твердаго th (hard sound of th, т. е. какъ въ словѣ thick) слышно было s и вмѣсто мягкаго звука th (какъ въ словѣ then) слышно было z. Мѣсяцемъ позже вмѣсто *r* все еще, вообще говоря, слышно было *l*; при стеченіи звука s съ какимъ-нибудь согласнымъ одинъ изъ этихъ двухъ звуковъ былъ опускаемъ; звукъ *k* иногда смѣшивался съ *p* или съ *t* ***). Другой наблюдатель отмѣчаетъ первое произношеніе стеченія согласныхъ *sp* въ концѣ второго года (Сигизмундъ).

Въ это время все еще можно указать много примѣровъ неудовлетворительнаго разграниченія понятій. Въ одномъ случаѣ ребенокъ, узнавшій слово *poor* (бѣдный) въ качествѣ выраженія сожалѣнія, жалости, употреблялъ его при всякой потерѣ или порчѣ и даже примѣнилъ это слово къ изогнутой булавкѣ. Dam (gum)—

*) Замѣтимъ кстати, что слѣдовало-бы сказать: Iam afraid. *П. М.*

**) I. E. Chaille, «Infants, their Chronological Progress».

***) F. Pollock, «An Infant's Progress in Language».

клей, которымъ были починяемы игрушки, сдѣлался универсальнымъ средствомъ для исправленія всякаго рода поломанныхъ или испорченныхъ вещей; впослѣдствіи, когда ребенокъ узналъ слово *sh'ad* (thread—нитка), всѣ сломанныя вещи стали дѣлиться на два класса: такія, которыя могли быть починяемы клеемъ (*dam*), и такія, для исправленія которыхъ нужны нитки—sh'ad (F. Pollock). Маленькій мальчикъ примѣнилъ свое слово *gee-gee* (horse—лошадь) къ изображенію страуса и къ бронзовой фигурѣ аиста. Мальчикъ С. употребилъ слово bōke (broke—сломалъ) относительно разорваннаго носового платка, и другой мальчикъ R. примѣнялъ слово dō (door—дверь) ко всему, что мѣшало входу или выходу куда-либо, включая сюда пробку въ бутылкѣ и маленькій столикъ, который не позволялъ ребенку сойти съ его высокаго стула.

Нормальныя дѣти *двухъ лѣтъ* обыкновенно пытаются произносить всякаго рода звуки, которые произносятъ при нихъ другіе, и практикуются въ новыхъ и трудныхъ звуковыхъ комбинаціяхъ съ большой настойчивостью, причемъ имъ нерѣдко приходится пройти нѣсколько фазисовъ, пока звукъ не достигнетъ полнаго совершенства. Мальчикъ А. въ первый разъ услышалъ слово «*pussy*» (киса, кошка), когда ему было семнадцать мѣсяцевъ; онъ сейчасъ-же сталъ пробовать произнести слово, но говорилъ сначала *pooheh*, затѣмъ *poofie*, затѣмъ *poopoohie*, *poofee*, пока наконецъ, послѣ долгихъ и упорныхъ усилій, ему не удалось произнести *pussy*; тогда онъ, казалось, былъ удовлетворенъ и пересталъ повторять это слово, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда видѣлъ возлѣ себя кошку.

Шультце приводитъ, между прочимъ, такіе примѣры: нѣмецкое слово *Wasser* (вода) прошло черезъ слѣдующія стадіи: *wawaff*, *fataff*, *waffwaff*, *wasse*, *wasser*; слово *grossmama* (бабушка) сначала было произносимо bmama, затѣмъ dōsmama и потомъ только приняло надлежащую форму. Насколько велико стремленіе къ удвоенію и насколько значительно вліяніе начальной согласной на остальную часть слова, можно видѣть по слѣдующимъ примѣрамъ дѣтскаго подражанія *): *wawa* (Mary), *dudu* (Julia), *ih ih* (little—маленькій), *ba ba* (blanket—одѣяло), *fafa* (faster—скорѣе), *mama* (master—хозяинъ, учитель и т. д.), *papa* (pasture—лугъ), *nana* (naughty—дурной, скверный).

Составъ употребляемыхъ дѣтьми словъ (Vocabularies). Мы употребили много труда, чтобы собрать нѣкоторое число «дѣтскихъ словарей», т.-е. списковъ словъ, употребляемыхъ дѣтьми и записанныхъ осторожными и компетентными наблюдателями. Мы старались при-

*) G. I. Hall, «Notes on the Study of Infants».

дать этой части своей работы возможно большую тщательность и полноту и попытаемся теперь передать читателю результаты нашихъ трудовъ въ наиболѣе сжатой формѣ, ограничиваясь тѣмъ, что прослѣдимъ, насколько часто встрѣчаются тѣ или иные звуки въ началѣ словъ и насколько часто употребляются дѣтьми разныя части рѣчи.

Для того, чтобы показать съ большей точностью, каковы были въ дѣйствительности звуки, произнесенные дѣтьми, мы должны были употребить алфавитъ, нѣсколько отличающійся отъ обыкновеннаго англійскаго алфавита. Вотъ какія измѣненія приняты нами: буква *c* опущена вовсе: такія слова какъ corner (чит. корнеръ), candy (чит. кэнди) и проч. отнесены нами къ словамъ, начинающимся съ *k*; такія слова какъ centre (читается сентръ), cigar (чит. сигаръ) и проч. отнесены къ начинающимся съ *s*; слова-же какъ chain (чит. чэйнъ), cheese (чит. чизъ), chair (чэйръ) и т. п. составляютъ особую группу подъ звукомъ ch (русское ч; по-англійски этотъ звукъ можетъ быть изображенъ лишь такой комбинаціей буквъ, такъ какъ нѣтъ ни одной простой буквы, которая имѣла-бы произношеніе русскаго *ч*). Слова въ родѣ George (чит. Джорджъ), gentleman и т. д. классифицированы подъ звукомъ j (джи), слово Philip и т. п. отнесены къ звуку f; слово knee (читается ни, такъ какъ *k* передъ n не выговаривается), knife (чит. найфъ) и т. д. отнесены къ начинающимся со звука *n*; слово write и т. п. (чит. ройтъ, такъ какъ w передъ r не выговаривается) отнесены къ начинающимся съ *r*. Наконецъ, кромѣ сложной буквы *ch* (русское ч) нами употребляются *sh* (русское ш) и th *).

Иными словами, мы старались классифицировать слова, произносимыя дѣтьми, по ихъ дѣйствительному произношенію, а не по тому, какъ они изображаются въ англійскомъ письмѣ. Если ребенокъ произноситъ *tatie* вмѣсто potato (картофель), то мы классифицируемъ это слово со словами, начинающимся съ *t*. Мы убѣждены, что это единственный способъ, какимъ можно надѣяться получить прочные и цѣнные результаты въ такого рода изслѣдованіяхъ.

а) По словамъ одного наблюдателя, ребенокъ девяти мѣсяцевъ говорилъ «девять словъ хорошо», но при этомъ мы не находимъ самыхъ словъ **).

б) Мальчикъ двѣнадцати мѣсяцевъ имѣетъ запасъ изъ «четырехъ словъ, произносимыхъ на свой ладъ» ***).

в) Ребенокъ двѣнадцати мѣсяцевъ употреблялъ десять словъ, придавая имъ извѣстное значеніе, изъ нихъ шесть существительныхъ,

*) Едва-ли есть возможность передать въ письмѣ произношеніе этого крайне труднаго англійскаго звука. *Прим. перев.*

**) Mrs. E. Talbot, Popers on Infant Development. Boston, 1882.

***) Mrs Talbot, op. cit.

два прилагательныхъ и два глагола (Пэрэ). Начальными звуками были *m* (три раза), *p* (четыре раза), n, a, k (каждый по разу).

г) Ребенокъ одного года употреблялъ восемь словъ, изъ которыхъ семь были существительными и одно нарѣчіе. Начальные звуки: *b* (четыре раза), *m*, *p*, *d*, *и* (каждый по разу) *).

д) Мальчикъ R. владѣлъ почти двадцатью словами; изъ нихъ тринадцать были существительными, четыре или пять восклицаніями. Начальнымъ звукомъ чаще всего являлся *b*, затѣмъ *p* и *t*.

е) Относительно одного ребенка сообщается, что, будучи пятнадцати мѣсяцевъ, онъ употребляетъ «слоги, но не слова» («syllables, but not words». Mrs Talbot).

ж) Относительно одной дѣвочки семнадцати мѣсяцевъ сообщается, что она употребляетъ тридцать пять словъ, изъ нихъ двадцать два существительныхъ, четыре глагола, два прилагательныхъ, четыре нарѣчія и три междометія. Начальными звуками являются *d* (восемь разъ), *s* (четыре раза); *m*, *b* и *ch* (русское ч, по три раза), *p*, *t*, *k*, *a*, *y* (по два раза), *c*, *j*, *n*, *o* (по разу) **).

з) Дѣвочка двадцати двухъ мѣсяцевъ употребляла двадцать восемь словъ, которыя распредѣлялись по частямъ рѣчи слѣдующимъ образомъ: шестнадцать существительныхъ, три глагола, три прилагательныхъ, пять нарѣчій и междометій. Начальными звуками были: *b* (шесть разъ) *d* (пять разъ), *m* (четыре), *p* (три), *g*, *h*, *k*, (по два), *e*, *i*, *n*, *o* (по одному) ***).

і) Двухлѣтняя дѣвочка употребляла тридцать шесть словъ: изъ нихъ существительныхъ шестнадцать, прилагательныхъ четыре, мѣстоименій три, глаголовъ семь, нарѣчій три, междометій три (цитированныя выше наблюденія въ Спрингфильдѣ). Начальными звуками были *p* (пять разъ), *m*, *b*, *w* (по четыре раза), *g*, *k*, *h* (по три) *d*, *i*, *n*, *r* (по два), *a*, *o* (по разу).

Остальныя наблюденія, для краткости, мы представимъ въ рядѣ таблицъ.

---

*) Рукописныя наблюденія подъ развитіемъ одного ребенка въ Бостонѣ. Словарь употребляемыхъ ребенкомъ словъ записанъ его матерью.

**) Рукописныя наблюденія одной матери (въ Сѣверной Каролинѣ) надъ развитіемъ своей маленькой дочери.

***) Рукописныя наблюденія одной матери (въ городѣ Спрингфильдѣ, Штатъ Массачусэтсъ) надъ своими двумя дѣвочками.

i) Краткая характеристика запаса словъ (словаря) мальчика девятнадцати мѣсяцевъ, въ Вашингтонѣ *)

	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.
A	2	1	—	1	—	—	—	—	4
B	10	2	—	2	—	—	—	1	15
Ch	1	—	—	—	—	—	—	—	1
D	4	2	—	1	1	—	—	—	8
E	—	—	—	—	—	—	—	—	—
F	1	1	—	2	—	—	—	—	4
G	4	3	—	2	—	—	—	1	10
H	3	—	—	5	—	—	—	—	8
I	1	—	—	—	—	—	—	—	1
J	—	—	—	—	—	—	—	—	—
K	8	—	—	3	—	—	—	2	13
L	—	—	—	2	—	—	—	—	2
M	5	1	—	1	—	—	—	—	7
N	2	1	—	—	1	—	—	—	4
O	2	1	—	1	—	1	—	—	5
P	6	1	—	5	—	—	—	—	12
Q	—	—	—	—	—	—	—	—	—
R	2	—	—	—	—	—	—	—	2
S	13	1	—	9	—	—	—	2	25
Sh	—	—	—	—	—	—	—	—	—
T	7	1	—	1	—	—	—	—	9
Th	2	—	—	—	—	—	—	—	2
U	—	—	—	—	1	—	—	—	1
V	4	1	—	—	1	—	—	—	6
W	1	3	—	1	—	—	—	—	5
Z	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего.	78	19	—	36	4	1	—	6	144

к) Запасъ словъ (словарь) дѣвочки двадцати одного мѣсяца, дочери одного профессора Андоверскаго богословскаго колледжа *)

	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.
A	4	—	—	—	—	1	—	—	5
B	22	1	1	—	1	—	—	—	25
Ch	5	—	—	—	—	—	—	—	5
D	7	1	—	1	1	—	—	—	10
E	1	—	—	—	—	—	—	—	1
F	6	—	—	—	—	—	—	—	6
G	6	—	—	1	—	—	—	—	7
H	9	—	—	1	—	—	—	—	10
I	2	—	—	—	—	—	—	—	2
J	—	—	—	—	—	—	—	—	—
K	17	2	—	1	—	—	—	—	20
L	3	—	—	—	—	—	—	—	3
M	9	1	—	—	—	—	—	—	10
N	7	—	—	—	—	—	—	—	7
O	—	—	—	—	1	1	—	—	2
P	11	—	—	1	—	—	—	—	12
Q	—	—	—	—	—	—	—	—	—
R	5	—	—	4	—	—	—	—	9
S	14	—	—	4	—	—	—	—	18
Sh	—	—	—	—	—	—	—	—	—
T	11	—	—	—	1	—	—	—	12
Th	2	—	—	—	—	—	—	—	2
U	—	—	1	—	1	—	—	—	2
V	2	—	—	—	—	—	—	—	2
W	5	1	—	1	—	—	—	—	7
Z	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего.	148	6	2	14	5	2	—	—	177

л) Запасъ словъ дѣвочки двадцати двухъ мѣсяцевъ (изъ гор. Ворсестера, Штатъ Массачусэтсъ) **).

	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.
A	—	—	—	—	—	—	—	—	—
B	6	—	—	—	—	—	—	3	9
Ch	—	—	—	—	—	—	—	—	—
D	3	—	—	—	2	—	—	1	6
E	—	—	—	—	1	—	—	1	2
F	1	—	—	1	—	—	—	1	3
G	—	—	—	—	—	—	—	—	—
H	1	1	—	—	1	—	—	—	3
I	—	—	—	1	—	—	—	—	1
J	—	—	—	—	—	—	—	—	—
K	1	—	—	1	—	—	—	—	2
L	—	—	—	—	—	—	—	—	—
M	3	1	1	2	—	—	—	1	8
N	3	—	—	—	—	—	—	—	4
O	—	—	—	1	1	—	—	1	3
P	3	1	—	1	1	—	—	1	6
Q	—	—	—	—	—	—	—	—	—
R	—	—	—	—	—	—	—	—	—
S	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Sh	2	1	—	—	—	—	—	—	3
T	9	—	—	1	—	—	—	1	11
Th	—	—	—	—	—	—	—	—	—
U	—	—	—	—	1	—	—	—	1
V	—	—	—	—	—	—	—	—	—
W	3	—	—	—	—	—	—	—	3
Z	2	—	—	—	1	—	—	—	3
Всего.	37	4	1	9	8	—	—	10	69

A B Ch D E F G H I J K L M N O P Q R S Sh T Th U V W Z

*) Наблюденія, любезно присланныя намъ профессоромъ Кирпатрикомъ (E. E. Kirpatrick) изъ Штата Миннесота.

**) Наблюденія надъ одной дѣвочкой въ Ворсестерѣ, которыя мы нѣкоторое время вели лично, затѣмъ намъ передали свои замѣтки родители дѣвочки.

	м) Запасъ словъ дѣвочки двадцати трехъ мѣсяцевъ изъ Бруклина *).									н) Запасъ одной маленькой американки, воспитывавшейся въ деревнѣ, двадцати четырехъ мѣсяцевъ **).									о) Запасъ словъ одного мальчика двадцати мѣсяцевъ, изъ штата Вермонтъ * *).									
	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Итого.	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Наречіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.		
A	1	2	—	—	—	—	1	—	4	4	2	—	1	1	—	—	—	8	1	—	—	—	—	—	—	—	1	A
B	22	—	—	2	—	—	—	1	25	20	1	—	4	—	—	—	1	26	13	1	—	4	—	—	—	4	22	B
Ch	2	—	—	—	—	—	—	—	2	5	—	—	—	—	—	—	—	5	7	—	—	—	—	—	—	1	8	Ch
D	8	—	—	—	2	—	—	—	10	7	1	—	2	1	—	—	—	11	7	1	—	1	2	—	—	—	11	D
E	4	1	—	—	—	—	—	—	5	1	—	—	1	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	2	E
F	1	—	—	—	—	—	—	—	1	10	1	—	2	—	—	—	—	13	2	—	—	—	—	—	—	—	2	F
G	1	—	—	2	—	—	—	—	3	7	1	—	6	—	—	—	1	15	3	—	—	—	—	—	—	—	3	G
H	2	—	—	1	—	—	—	—	3	8	4	—	6	—	—	—	—	18	1	1	—	1	—	—	—	1	4	H
I	3	1	—	1	—	—	—	—	5	2	—	1	1	—	1	—	—	5	1	—	—	—	—	—	—	—	1	I
J	2	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	2	J
K	10	—	—	1	—	—	—	—	11	24	3	—	5	—	—	—	—	32	11	1	—	3	—	—	—	1	16	K
L	2	—	—	1	—	—	—	—	3	1	1	—	—	—	—	—	—	2	4	—	—	—	—	—	—	—	4	L
M	8	1	2	1	—	—	—	—	12	9	1	3	—	—	—	—	—	13	8	1	1	—	—	—	—	—	10	M
N	3	—	—	—	1	—	—	—	4	4	1	—	1	1	—	—	—	7	3	—	—	—	1	—	—	—	4	N
O	1	—	1	—	—	—	—	1	3	3	1	—	—	1	1	—	1	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	O
P	11	1	—	4	—	—	—	—	16	15	1	—	3	—	—	—	—	19	12	—	—	1	—	—	—	1	14	P
Q	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	2	Q
R	1	1	—	—	—	—	—	—	2	5	—	—	4	—	—	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	R
S	9	1	—	1	—	—	—	—	11	17	2	—	5	—	—	—	—	24	7	—	—	7	—	—	—	—	14	S
Sh	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	1	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sh
T	3	2	—	1	—	—	—	—	6	13	—	—	4	—	—	—	—	17	5	—	—	2	—	—	—	1	8	T
Th	—	1	—	—	1	—	—	—	2	2	1	—	1	1	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Th
U	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	1	—	—	2	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	U
V	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	V
W	1	1	—	1	1	—	—	—	4	5	1	—	5	1	—	—	—	12	5	1	—	2	1	—	—	2	11	W
Z	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	2	—	1	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Z
Всего.	95	12	3	16	7	—	1	2	136	168	12	7	52	7	4	—	3	263	95	6	1	21	4	—	—	12	139	

*) Рукописныя наблюденія, сдѣланныя отцомъ и переданыя имъ въ наше распоряженіе.

**) Рукописныя наблюденія, предоставленныя намъ проф. Кирпатрикомъ.

***) Рукописныя наблюденія надъ развитіемъ мальчика, произведенныя чрезвычайно тщательно его матерью, окончившей курсъ въ Smith College.

	n) Запасъ словъ мальчика изъ Бостона, немного старше двухъ лѣтъ *).									p) Запасъ словъ дѣвочки на двадцать пятомъ мѣсяцѣ **).									c) Запасъ словъ дѣвочки изъ Санъ-Франциско, на двадцать седьмомъ мѣсяцѣ ***).								
	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.	
A	7	1	—	—	1	—	—	1	10	4	1	—	—	—	—	—	—	5	4	2	—	—	3	—	1	—	10	A
B	28	2	—	4	—	—	—	—	34	24	—	—	5	—	—	—	—	29	13	—	—	2	—	—	—	—	15	B
Ch	3	—	—	—	—	—	—	—	3	4	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ch
D	14	2	—	6	2	—	—	—	24	13	2	—	3	1	—	—	—	19	7	—	—	1	—	—	—	—	8	D
E	3	2	—	1	1	—	—	—	7	3	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—	—	1	E
F	9	—	—	6	—	—	—	—	15	9	—	—	—	—	—	—	—	9	4	3	—	2	—	—	—	—	9	F
G	7	1	—	2	—	—	—	—	10	6	1	—	2	—	—	—	—	9	6	1	—	—	—	—	—	—	7	G
H	10	2	—	1	2	1	—	—	16	19	—	—	—	—	—	—	—	19	8	2	—	2	—	—	—	—	12	H
I	1	1	2	—	—	1	—	—	5	2	1	1	1	—	1	—	—	6	1	2	1	—	—	1	—	—	5	I
J	2	—	—	—	—	—	—	—	2	3	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	J
K	22	2	—	2	—	—	—	—	26	23	2	—	3	—	—	—	—	28	11	—	—	4	—	—	—	—	15	K
L	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1	—	1	—	—	—	—	7	4	1	—	2	—	—	—	—	7	L
M	15	1	1	2	—	—	—	—	19	9	—	1	—	—	—	—	—	10	9	—	—	1	1	—	—	—	11	M
N	6	4	—	1	2	—	—	—	13	7	1	—	—	1	—	—	—	9	7	3	—	—	—	—	—	—	10	N
O	1	—	—	1	1	2	—	1	6	2	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	1	2	2	—	—	—	6	O
P	16	3	—	3	—	—	—	1	23	24	1	—	3	—	—	—	—	28	12	—	—	2	—	—	—	1	15	P
Q	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	1	Q
R	2	—	—	1	—	—	—	—	3	7	1	—	1	—	—	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	R
S	14	3	—	7	—	—	—	—	24	5	2	—	5	—	—	—	—	12	4	1	—	1	—	—	—	—	6	S
Sh	3	—	—	—	—	—	—	—	3	3	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sh
T	10	3	—	5	—	—	—	—	18	18	—	—	3	2	—	—	—	23	14	—	—	2	3	—	—	—	19	T
Th	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Th
U	—	—	—	—	1	1	—	—	2	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	1	U
V	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	V
W	13	2	—	4	1	—	—	—	20	4	2	—	1	1	—	—	—	8	6	1	—	5	—	—	—	—	12	W
Z	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	Z
* Всего.	187	30	3	46	11	5	—	3	285	196	15	3	28	5	3	—	—	250	113	16	2	7	10	1		1	171	

*) Рукописныя наблюденія миссъ Сары Вилтсе (Wiltse).
**) Рукописныя наблюденія, присланныя профессоромъ Кирпатрикомъ.
***) Ibidem.

т) Запасъ словъ мальчика изъ Чикаго, на двадцать восьмомъ мѣсяцѣ *).

	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.	
A	7	3	—	—	2	3	—	—	15	A
B	46	8	—	9	—	1	1	—	65	B
Ch	11	—	—	1	—	—	—	—	12	Ch
D	21	6	—	10	1	—	—	—	38	D
E	9	1	—	1	—	—	—	—	11	E
F	16	4	—	4	1	2	—	—	27	F
G	10	2	—	2	—	—	—	1	15	G
H	19	2	2	6	2	—	—	1	32	H
I	5	—	2	—	—	2	—	—	9	I
J	9	1	—	1	—	—	—	—	11	J
K	39	5	—	11	—	—	—	—	55	K
L	18	4	—	7	1	—	—	—	30	L
M	27	2	1	4	—	—	—	—	34	M
N	14	4	—	2	2	—	1	—	23	N
O	4	4	—	—	4	2	—	1	15	O
P	34	1	—	14	2	—	—	1	52	P
Q	—	—	—	—	1	—	—	—	1	Q
R	12	4	—	11	—	—	—	—	27	R
S	53	3	—	20	1	—	—	—	77	S
Sh	10	—	—	4	—	—	—	—	14	Sh
T	26	4	—	11	—	—	—	—	41	T
Th	3	5	—	2	1	—	—	—	11	Th
U	1	—	—	2	1	1	—	—	5	U
V	7	—	—	—	1	—	—	—	8	V
W	19	6	2	14	1	1	—	—	43	W
Z	2	—	2	—	2	—	—	—	26	Z
Всего.	422	69	9	136	23	12	2	4	677	

у) Запасъ словъ дѣвочки двадцати восьми мѣсяцевъ **).

	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.	
A	4	3	—	1	2	—	1	—	11	A
B	28	3	—	9	1	—	—	—	41	B
Ch	7	—	—	—	—	—	—	—	7	Ch
D	16	1	—	7	1	—	—	—	25	D
E	5	1	—	1	—	—	—	—	7	E
F	13	1	—	6	—	1	—	—	21	F
G	7	1	—	4	—	—	—	—	15	G
H	16	2	4	7	1	—	—	1	31	H
I	2	—	2	1	—	1	—	—	6	I
J	4	—	—	—	—	—	—	—	4	J
K	37	2	—	8	—	—	—	—	47	K
L	8	—	—	6	—	—	—	—	14	L
M	15	1	3	5	—	—	—	—	24	M
N	9	1	—	1	2	—	—	—	13	N
O	2	1	—	1	2	1	—	1	8	O
P	30	1	—	4	—	—	—	—	35	P
Q	1	—	—	—	—	—	—	—	1	Q
R	10	2	—	8	—	—	—	—	20	R
S	35	5	—	8	2	—	—	—	50	S
Sh	17	—	—	1	—	—	—	—	8	Sh
T	7	1	—	4	2	—	—	—	24	T
Th	4	2	1	2	1	1	—	1	12	Th
U	2	—	—	—	1	1	—	—	4	U
V	1	—	—	—	—	—	—	—	1	V
W	7	1	1	5	2	1	—	1	18	W
Z	—	—	—	—	2	—	—	—	4	Z
Всего.	287	29	13	89	19	6	1	7	451	

ф) Запасъ словъ (вѣроятно, неполный) мальчика тридцати мѣсяцевъ, изъ Бостона ***).

	Существ.	Прилаг.	Мѣстоим.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Предл.	Союзъ.	Междом.	Всего.	
A	2	4	—	2	6	2	2	—	18	A
B	14	3	—	5	1	1	—	—	24	B
Ch	1	—	—	—	—	—	—	—	1	Ch
D	13	6	—	10	3	—	—	—	32	D
E	1	—	—	2	1	—	—	—	4	E
F	—	—	—	—	—	—	—	—	—	F
G	2	—	—	1	—	—	—	—	3	G
H	10	1	5	7	3	—	—	—	26	H
I	1	1	2	1	1	1	1	—	8	I
J	1	1	—	1	1	—	—	—	4	J
K	1	—	—	1	—	—	—	—	2	K
L	5	—	—	5	—	—	—	—	10	L
M	15	2	3	2	—	—	—	—	22	M
N	6	3	—	1	4	1	—	—	15	N
O	2	1	2	4	3	3	—	—	15	O
P	10	—	—	3	1	—	—	1	15	P
Q	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Q
R	2	1	—	2	—	—	—	—	5	R
S	23	9	—	19	1	1	—	—	53	S
Sh	4	—	1	3	—	—	—	—	8	Sh
T	12	5	—	10	2	1	—	—	30	T
Th	—	1	—	—	—	—	—	—	1	Th
U	1	—	1	—	1	1	—	—	4	U
V	—	—	—	—	1	—	—	—	1	V
W	6	4	2	8	2	1	—	1	24	W
Z	—	—	2	—	—	—	—	—	2	Z
Всего.	132	42	18	87	31	12	3	2	327	

*) Рукописныя наблюденія, сообщенныя проф. Чикагскаго университета Г. Доналдсономъ (H. H. Donaldson).
**) Рукописныя наблюденія, доставленныя мнѣ проф. Кирпатрикомъ.
***) Рукописныя наблюденія одной матери надъ развитіемъ своего сына.

Суммируя данныя, представляемыя этими дѣтскими словарями, мы приходимъ къ нѣкоторымъ фактамъ, бросающимъ свѣтъ на процессъ развитія рѣчи какъ со стороны физіологической, такъ и со стороны психологической. Такъ, напр., поучительна слѣдующая таблица, показывающая относительное число разныхъ частей рѣчи, входящихъ въ составъ дѣтскихъ словарей. Изъ пяти тысячъ четырехъ сотъ словъ, составляющихъ приведенные словари *)

60	процентовъ	составляютъ	имена существительныя
20	»	»	глаголы
9	»	»	имена прилагательныя
5	»	»	нарѣчія
2	»	»	мѣстоименія
2	»	»	предлоги
1,7	»	»	междометія
0,3	»	»	союзы
100			

Изъ существительныхъ менѣе одного процента составляютъ существительныя отвлеченныя. Почти всѣ существительныя—названіе лицъ и повседневныхъ предметовъ. Въ первые мѣсяцы большинство существительныхъ употребляются, повидимому, почти какъ имена собственныя, что уже замѣтилъ также Шультейсъ **).

Прилагательными большею частью обозначаются величина, температура, чистота или грязное состояніе предметовъ и тому подобныя обычныя понятія. Эти таблицы подтверждаютъ также мнѣніе Сигизмунда, что особенно трудно дается дѣтямъ употребленіе союза.

Интересно также сравнить вышеприведенную таблицу съ аналогичной таблицей, показывающей относительное употребленіе различныхъ частей рѣчи у взрослыхъ людей. Профессоръ Кирпатрикъ ***) говоритъ, что изъ словъ англійскаго языка:

60	процентовъ	составляютъ	им. сущ.
11	»	»	глаголы
22	»	»	прилаг.
5,5	»	»	нарѣчія

Если мы будемъ исходить изъ первой таблицы и разсматривать только взаимное количественное отношеніе словъ, употребляемыхъ

*) Во всѣхъ послѣдующихъ разсчетахъ мы позволили себѣ *включить* вмѣстѣ съ собранными нами словарями и словари, собранныя проф. Холденомъ (Holden, On the Vocubularies of Children under two years of age. Transaction o Amer. Phil. Association, 1877) и проф. Хемфрисомъ (Humphreys, A. Contribution to Infantile Linguistic. Transactions of Americ. Philosoph. Association, 1880).

**) Schultheis, Das Kind in der Entwickelungszeit des Geistes. 1862, Nüremberg.

***) E. A. Kirpatrick, How Children learn to talk, «Science», 1891.

дѣтьми, то мы, *повидимому*, должны придти къ тому выводу, что существительныя имѣютъ значительный перевѣсъ надъ другими частями рѣчи. Но такой выводъ требуетъ дальнѣйшаго подтвержденія путемъ сравненія языка ребенка и взрослаго человѣка. Чтобы доказать, что ребенокъ легче усваиваетъ существительныя, чѣмъ глаголы, мы должны убѣдиться, что *относительное* число существительныхъ въ дѣтскомъ языкѣ болѣе значительно, чѣмъ *такое же число* въ языкѣ взрослыхъ. Попробуемъ выразить эти иначе.

Пусть n = относ. числу (proportion) существит. въ языкѣ *дѣтей*
и N = » » » » » *взрослыхъ*
Пусть v = » » » глаголовъ въ языкѣ *дѣтей*
и V = » » » » » *взрослыхъ*

Если ребенокъ усваиваетъ существительныя легче, чѣмъ глаголы, то отношеніе *n* къ N должно быть больше, чѣмъ *v* къ V.

Сравнивая, однако, обѣ таблицы, мы придемъ какъ разъ къ противоположному выводу, такъ какъ:

$$\frac{n}{N} = \frac{60\%}{60\%} = 1,$$

между тѣмъ какъ

$$\frac{v}{V} = \frac{20\%}{11\%} = 1{,}8.$$

Иными словами, двухлѣтній ребенокъ почти *вдвое* болѣе дѣлаетъ успѣховъ въ употребленіи *глаголовъ*, чѣмъ въ употребленіи существительныхъ, если исходить изъ моихъ таблицъ о составѣ словъ дѣтей и изъ таблицы проф. Кирпатрика о составѣ словъ взрослаго человѣка *).

Если мы сдѣлаемъ подобное сравненіе для прилагательныхъ и нарѣчій, то мы убѣдимся такимъ-же образомъ въ болѣе быстромъ усвоеніи нарѣчій по сравненію съ прилагательными. По моему убѣжденію, этотъ фактъ, на который, насколько мнѣ извѣстно, не обратилъ вниманія ни одинъ изъ ученыхъ, писавшихъ о развитіи рѣчи у дѣтей, имѣетъ весьма большое значеніе какъ для филолога и педагога, такъ и для психолога. Во-первыхъ, имъ подтверждается то мнѣніе, что отдѣльный человѣкъ, при усвоеніи рѣчи, проходитъ черезъ тѣ-же стадіи и слѣдуетъ тѣмъ-же путемъ, какъ и весь человѣческій родъ. Максъ Мюллеръ говоритъ, что первоначальные санскритскіе корни индо-европейскихъ языковъ всегда означаютъ *дѣйствія*,

*) Это мнѣніе еще разъ подтвердилось послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія настоящей книги. Намъ былъ сообщенъ запасъ словъ одного мальчика пяти лѣтъ изъ города Миннеаполиса. Изъ тысячи шести сотъ словъ, употребляемыхъ этимъ ребенкомъ, 19% глаголы и только 53% имена существ.

а не *предметы*, что при развитіи человѣческаго рода самыя раннія идеи, которыя пріобрѣтаютъ такую живость и такую силу, что, такъ сказать, вырываются изъ области жестовъ и облекаются въ слова— это идеи движенія, дѣятельности.

Мы убѣдились также изъ разсмотрѣнія запаса словъ двадцати пяти дѣтей, что идеи, которыя играютъ наиболѣе значительную роль въ умѣ ребенка и которыя (относительно) наиболѣе часто облекаются въ слова, суть идеи *дѣйствій*, а не *предметовъ; движенія*, а не *состоянія*. Ребенокъ легче усвоиваетъ *слова-дѣйствія*, т.-е. глаголы, нежели *слова-предметы* или существительныя, равно какъ и слова, характеризующія дѣйствія, т.-е. нарѣчія, преимущественно предъ словами, характеризующими предметы, т.-е. прилагательными *). Во вторыхъ, этотъ фактъ подтверждаетъ принципъ Фребеля, согласно которому воспитаніе тогда ведется наиболѣе нормально (а слѣдовательно, наиболѣе легко и наиболѣе быстро), когда оно идетъ путемъ упражненія активной дѣятельности **). Ребенокъ долженъ не столько воспринимать пассивно то, чему хотятъ его учить, сколько являться, по возможности, активнымъ изслѣдователемъ явленія. Пусть онъ самъ *дѣлаетъ* то, что нужно, и тогда онъ будетъ наиболѣе прочно усваивать. Въ процессѣ воспитанія онъ долженъ быть *не пассивнымъ*, а *активнымъ* лицомъ. Движеніе къ основанію дѣтскихъ садовъ есть новѣйшее выраженіе этой идеи, но самая идея стара и уже высказана была въ слѣдующихъ словахъ Аристотелемъ: «Мы учимся всякому искусству, упражняясь въ *дѣланіи* того, чему мы хотѣли-бы выучиться; мы дѣлаемся архитекторами, занимаясь постройками и выучиваемся играть на арфѣ, упраж-

*) Проф. Кирпатрикъ въ частномъ письмѣ къ намъ замѣчаетъ, между прочимъ, что такъ какъ его таблицы состава словъ взрослыхъ выведены на основаніи подсчета словъ въ словарѣ, то едва-ли онѣ правильно представляютъ запасъ словъ средняго взрослаго человѣка. Повидимому, можно утверждать, что въ «Робинзонѣ Крузо» отношеніе существительныхъ къ глаголамъ не какъ 60 къ 11, а какъ 45 къ 24. Если «Робинзонъ Крузо» отражаетъ обыкновенный запасъ словъ средняго взрослаго человѣка, то намъ пришлось-бы нѣсколько измѣнить выводы, заключающіяся въ текстѣ. Мы склонны думать однако, что въ книгѣ, столь полной описаніями *дѣйствій*, какъ «Робинзонъ Крузо», употребленіе глагола необыкновенно часто.

**) Мой сотоварищъ проф. фанъ-деръ-Смиссенъ сообщилъ мнѣ интересное наблюденіе, что его маленькая дѣвочка, только что начинающая говорить, употребляетъ много предложеній, въ которыхъ глаголы выражаются не *словами*, а *дѣйствіями*, тогда какъ другія части предложенія выражаются словами, такъ напр., предложеніе: «Вилли наказалъ (розгами whipped) кису (pussy)» выражается такъ: «Вилли... кису», при чемъ эти слова сопровождаются сильнымъ ударомъ одной руки по другой.

няясь въ игрѣ на арфѣ. Такимъ-же образомъ, поступая справедливо, мы дѣлаемся справедливыми, совершая акты умѣренности и мужества, мы дѣлаемся умѣренными и мужественными» *).

Обращаясь теперь къ изученію приведенныхъ нами словарей съ точки зрѣнія *легкости или трудности произношенія* различныхъ простыхъ звуковъ, мы также приходимъ къ нѣкоторымъ поучительнымъ выводамъ. Слѣдующая таблица показываетъ, насколько часто встрѣчаются разные звуки *въ началѣ словъ*. При этомъ мы отбрасываемъ общепринятое письменное изображеніе этихъ словъ въ англійскомъ языкѣ; какъ было сказано выше, мы принимаемъ во вниманіе лишь дѣйствительные звуки, произносимые дѣтьми.

Изъ пяти тысячъ четырехъ сотъ словъ

11%	начинаются	со	звука	*b*	3%	начинаются	со	звука	*a*
10,3%	»	»	»	*s*	3%	»	»	»	*r*
9%	»	»	»	*k*	2%	»	»	»	*i*
8%	»	»	»	*p*	2%	»	»	»	*sh*
6,1%	»	»	»	*h*	1,3%	»	»	»	*th*
6%	»	»	»	*d*	1,2%	»	»	»	*e*
6%	»	»	»	*m*	1,1%	»	»	»	*o*
6%	»	»	»	*t*	1%	»	»	»	*ch*
5,2%	»	»	»	*w*	1%	»	»	»	*j*
4%	»	»	»	*f*	1%	»	»	»	*y*
4%	»	»	»	*n*	0,8%	»	»	»	*u*
3,2%	»	»	»	*g*	0,5%	»	»	»	*v*
3,1%	»	»	»	*l*	0,2%	»	»	»	*q*

Взглянувъ на эту таблицу, мы видимъ, какую выдающуюся роль въ языкѣ ребенка въ качествѣ начальныхъ звуковъ играютъ такъ наз. смычные **) согласные ***). Напротивъ того, гласные, хотя несомнѣнно и принадлежатъ къ числу наиболѣе раннихъ и наиболѣе часто произносимыхъ ребенкомъ звуковъ, тѣмъ не менѣе весьма рѣдко являются въ качествѣ *начальныхъ* не только абсолютно, но и относительно. Въ англійскихъ словаряхъ буква *a* занимаетъ четвертое мѣсто въ качествѣ начальной буквы слова ****), въ моей таблицѣ она занимаетъ четырнадцатое мѣсто, другіе гласные занимаютъ еще болѣе низкое мѣсто. Объясняется это довольно просто. Это есть лишь одно изъ проявленій

*) Аристотель, Этика. Книга II, глава I.

**) Которые Я. К. Гротъ называетъ также *мгновенными* или *взрывными*. «Русское правописаніе», § 10. С.-Петербургъ, 1890. *Прим. перев.*

***) Словарь пятилѣтняго мальчика изъ Миннеаполиса, о которомъ мы говорили въ одномъ изъ послѣднихъ примѣчаній, въ общемъ подтверждаетъ наши выводы. Пять начальныхъ звуковъ, которые онъ употреблялъ наиболѣе часто, были: *s*, *p*, *b*, *k*, *f*.

****) E. A. Kirpatrick, How children learn to talk.

закона, по которому болѣе легкое—съ физіологической точки зрѣнія—предпочитается болѣе трудному, въ чемъ всякій можетъ убѣдиться, попробовавъ произнести подъ-рядъ слѣдующіе звуки: *ap и pa*, *ab и ba*, *ak и ka*, *am и ma*, *ad и da*. Послѣ такого упражненія всякому станетъ ясно, насколько легче тѣ звуки, которые начинаются съ согласнаго звука.

Другимъ интереснымъ фактомъ, бросающимся въ глаза при разсмотрѣніи этой таблицы, надо считать высокое мѣсто, которое занимаетъ гортанный *k* въ качествѣ начальнаго звука. Онъ стоитъ выше *p* и *m*, слѣдуя непосредственно за *b* и *s*. Этотъ фактъ не подтверждаетъ гипотезы, высказанной нѣкоторыми изъ тѣхъ, кто писалъ о развитіи рѣчи у ребенка, что дѣти будто-бы раньше всего усвоиваютъ тѣ звуки, для произнесенія которыхъ необходимо участіе наиболѣе замѣтныхъ для глаза органовъ рѣчи, какъ, напр., губъ. Если-бы эта гипотеза была справедлива, то не только высокое мѣсто долженъ-бы занять губной звукъ *p*, но также и звуки *d*, *m*, *f*, *sh*, *th* и т. д., такъ какъ движенія, необходимыя для произнесенія ихъ, ясно видны; звукъ-же *k* долженъ-бы занимать одно изъ послѣднихъ мѣстъ, такъ какъ глазу совершенно недоступны тѣ движенія, которыя необходимы для произнесенія его. Между тѣмъ мы видимъ противное: *k* занимаетъ третье мѣсто въ качествѣ начальнаго звука, тогда какъ звукъ *th*, произнесеніе котораго сопровождается столь бросающимися въ глаза движеніями, занимаетъ 18-е мѣсто.

Повидимому, мы отсюда можемъ заключить, что ребенокъ научается произносить звуки *не тѣмъ*, что онъ наблюдаетъ движенія рта лицъ, окружающихъ его. Это мнѣніе находитъ себѣ дальнѣйшее подтвержденіе въ наблюденіи Шультце, что ребенокъ обыкновенно смотритъ не на ротъ, а въ глаза тому, кто ему что-нибудь говоритъ. Съ другой стороны, нѣтъ основанія считать, что законъ распространенія дѣйствія по линіи наименьшаго сопротивленія нарушается будто-бы фактомъ частаго употребленія дѣтьми звука *k*. Для большинства дѣтей этотъ звукъ не труднѣе, чѣмъ губные. Часто этотъ звукъ является однимъ изъ наиболѣе раннихъ. Мы знаемъ одного ребенка, который чаще произноситъ *k*, чѣмъ даже *b*. Однимъ словомъ, насколько позволяютъ намъ говорить это наши наблюденія, мы, не колеблясь, утверждаемъ, что ребенокъ выучивается первымъ звукамъ отнюдь не подражаніемъ звуку или движеніямъ органовъ рѣчи; нѣтъ, эти звуки чисто импульсивны по своему характеру. Они являются просто результатомъ избытка двигательной энергіи,—фактъ, который, какъ мы видѣли выше, играетъ такую важную роль въ другихъ сторонахъ жизни ребенка. Естественно, что и постепенное

овладѣваніе ребенка разными звуками идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія.

Въ нижеслѣдующихъ таблицахъ мы привели результаты тщательнаго изученія семисотъ случаевъ неправильнаго произношенія словъ дѣтьми,—случаевъ, которые намъ удалось найти въ вышеприведенныхъ примѣрахъ дѣтскихъ словарей. Первая таблица показываетъ разные звуки въ томъ порядкѣ, въ какомъ они распредѣляются, смотря по тому, на сколько часты случаи ихъ неправильнаго произношенія, вмѣстѣ съ тѣмъ показали и какъ эти звуки искажаются дѣтьми; вторая и третья таблицы даютъ нѣкоторыя дальнѣйшія подробности.

Въ послѣдующей таблицѣ, въ первомъ столбцѣ, показаны звуки, искажаемые дѣтьми, во второмъ—число случаевъ, когда эти звуки замѣняются другими, въ третьемъ—число случаевъ, когда эти звуки просто опускаются при произношеніи слова, не будучи замѣнены ничѣмъ, въ четвертомъ столбцѣ показано, какъ часто тотъ или иной звукъ вводится въ слово, гдѣ его быть не должно (не для замѣны другого звука, а просто, какъ явленіе интерполированія, безъ всякой видимой причины.

Неправильно произносимые звуки.	Замѣнены.	Опущены.	Вставлены.	Всего.	Неправил. произносимые звуки.	Замѣнены.	Опущены.	Вставлены.	Всего.
R	51	87	4	142	W	7	5	3	15
L	35	70	—	105	Ch	13	—	—	13
S	25	34	1	60	Y	1	10	1	12
G	25	6	—	31	V	8	2	—	10
T	13	17	1	31	E	2	5	—	7
Gh	26	4	—	30	H	2	5	—	7
K	20	8	—	28	I	5	—	—	5
Th	21	2	—	23	P	4	1	—	5
(твердое *)	—	—	—	—	A	—	4	—	4
F	15	4	1	20	M	4	—	—	4
D	5	12	2	19	Wh	3	—	—	3
Th	14	4	—	18	O	3	—	—	3
(мягкое **)	—	—	—	—	B	3	—	—	3
Ng	15	—	—	15	Z	1	1	—	2
N	7	7	1	15	Q	1	—	—	1

Слѣдующая таблица показываетъ, какъ часто тотъ или другой звукъ *замѣняется* другимъ въ то время, когда онъ стоитъ въ началѣ, въ срединѣ или въ концѣ слова, или (если дѣло идетъ о согласномъ звукѣ) въ случаѣ стеченія двухъ согласныхъ подъ-рядъ

*) Th hard—приближается къ русскому зс (см. Англо-русскій словарь Александрова).

**) Th soft—приближается къ русскому сз (см. цитир. сочин.).

(напр., буква *r* въ словѣ cream—сливки) *). Изъ той-же таблицы видно, насколько часто происходитъ такая замѣна одного звука каждымъ изъ тѣхъ звуковъ, которымъ онъ иногда замѣняется.

Звуки, подвергш. замѣнѣ:	когда въ началѣ слова.	когда въ срединѣ слова.	когда въ концѣ слова.	при стеченіи двухъ согласныхъ.	какимъ звукомъ замѣнены.	сколько разъ.	ПРИМѢРЫ.
R	21	21	9	4	w	29	kweem (cream—сливки).
					l	6	tomollă (tommorow—завтра).
					y	3	all yite (all right—хорошо, ладно).
					e	8	tumblic (tumbler—стаканъ).
					v	1	voom (room—комната).
					t	1	tauteck (traurig—печальный).
					m	1	pipe (ripe—спѣлый).
					p	1	Kaka (Carre—уменьшит. отъ Caroline).
					k	1	
L	8	8	8	3	e	9	minnie (milk—молоко).
					w	7	tabie (table—столъ).
					u	7	singu (shingle—валунъ, галька).
					n	4	setta (celery—сельдерей).
					t	3	bampe (lampe—лампа).
					b	2	degen (legen—класть).
					d	2	apoo (apple—яблоко).
					oo	1	
Sh	17	2	7	—	s	19	fis (fish—рыба).
					h	4	hŏogar (sugar—сахаръ).
					b	1	tooz (shoes—башмаки).
					t	1	
					n	1	
S	18	4	3	6	t	8	tweet (sweet—сладкій).
					h	8	hlate (slate—аспидная доска).
					f	3	hoofee (pussy—киса, кошка).
					b	3	dīde (side—сторона).
					d	3	
G	19	5	1	4	d	17	dass (glass—стекло, стаканъ).
					k	2	hookoo (sugar—сахаръ).
					t	2	toss (gross—большой).
					b	1	bavy (gravy—подливка).
					w	1	detting (getting—выигрышъ).
					j	1	
					n	1	
Th твердое (hard)	11	3 **)	7	5	f	10	free (three—три).
					t	4	mous (mouth—ротъ).

*) Намъ казалось небезполезнымъ привести здѣсь и ниже въ таблицахъ русскій переводъ словъ, неправильно произносимыхъ дѣтьми, такъ какъ это дополняетъ характеристику дѣтскихъ словарей, приведенныхъ выше. *Прим. перев.*

**) Приближается къ русскому зс.

Звуки, подверш. замѣнѣ:	когда въ началѣ слова.	когда въ срединѣ слова.	когда въ концѣ слова.	при стеченіи двухъ согласныхъ.	какимъ звукомъ замѣнены.	сколько разъ.	ПРИМѢРЫ.
Th	11	3	7	5	s	3	tank (thank—благодарить).
					p	1	harf (hearth—очагъ, печь).
					d	1	nuppin (nothing—ничего).
					n	1	
					r	1	
K	11	7	2	7	t	15	bastet (basket—корзина).
					s	2	sun (come—пришелъ).
					g	2	untle (uncle—дядя).
					d	1	tanny (candy—леденецъ).
F	7	4	4	2	p	6	nup (enough—довольно).
					s	5	buttersy (butterfly—бабочка).
					k	2	kork (fork—вилка).
					t	2	ŏt (off—прочь).
Ng	—	5	10	1	n	12	finner (finger—палецъ).
					e	2	tockies (stockings—чулки).
					a	1	lockatair (rocking chair—качалка).
Th мягкое (soft)*)	11	3	—	—	d	13	altogedder (altogether—совсѣмъ).
					m	1	dare (there—тамъ).
T	—	—	7	—	e	6	dockie (doctor—докторъ).
					k	4	bankie (blanket—одѣяло).
					v	1	jackie (jacket—куртка).
					g	1	coak (coat—кафтанъ).
					h	1	wawer (water—вода).
Ch	9	2	2	1	s	7	sair (chair—стулъ).
					t	4	tillens (children—дѣти).
					sh	2	shick (chick—цыпленокъ).
V	1	5	2	—	b	5	gib (give—давать).
					f	2	shufer (shovel—лопата).
					d	1	Dadie (David).
N	—	1	6	—	e	4	buttie (button—пуговица).
					m	2	pim (pin—булавка).
					l	1	lemolade (lemonade—лимонадъ).
W	6	1	—	—	v	6	go vay (go away—ступай прочь).
					l	1	lalla (water—вода).
D	1	4	—	—	n	2	winner (window—окно).
					t	2	kankie (candy—леденецъ).
					k	2	town townt (down town—въ городъ?).
J	4	1	—	—	d	4	demidon (demijohn—бутыль).
					g	1	Gekkie (Jessie—имя собств.).

*) Приближается къ русскому зз.

Звуки, подвергш. замѣнѣ:	когда въ началѣ слова.	когда въ срединѣ слова.	когда въ концѣ слова.	при стеченіи двухъ согласныхъ.	какимъ звукомъ замѣнены.	сколько разъ.	ПРИМѢРЫ.
P	3	—	1	1	b t	2 2	bee (please—пожалуйста). patie (paper—бумага).
M	2	2	—	—	k n w	2 1 1	hankie (hommer—молотокъ). Waggie (Maggie—имя собств.).
Wh	3	—	—	—	f h	2 1	feel (wheel—колесо). haiah (where—гдѣ).
O	—	—	3	—	a ĕ	2 1	winna (window—окно).
B	1	2	—	—	d m	2 1	badie (baby—дитя). Milly (Billy—имя собств.).
E	1	2	—	—	ă oo	1 1	vera (very—очень). cookoo (cookie—пирожное).
H	1	1	—	—	t l	1 1	torns (horns—рога). lă lo (là-haut—наверху).
Y	—	1	—	—	ē	1	bēwo (bureau—письменный столъ, контора).
Z	—	1	—	—	d	1	Dōderfeen (Josephine).
Q	—	1	—	—	k	1	skeeze (squeeze—сжимать).

Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены подобныя данныя относительно *пропуска* трудныхъ звуковъ.

Опущенный звукъ:	когда въ началѣ слова.	когда въ срединѣ слова.	когда въ концѣ слова.	при стеченіи двухъ согласныхъ.	ПРИМѢРЫ.
R	2	61	24	50	each (reach—достигать, достичь). apicot (abricot—абрикосъ). dotta (daughter—дочь). baselet (braselet—браслетъ).
L	10	37	23	39	etta be (let me be—я буду). peeze (please—пожалуйста). fâ (fall—упасть). buttafy (butterfly—бабочка).

Опущенный звукъ:	когда въ началѣ слова.	когда въ срединѣ слова.	когда въ концѣ слова.	при стеченіи двухъ согласныхъ.	ПРИМѢРЫ.
S	27	4	3	30	poon (spoon—ложка). Bottie (Boston). gă (gas—газъ). tâbewie (strawberry—земляника).
T	—	9	8	8	dissance (distance—разстояніе). bonny (bonnet—шляпа). sottin (stocking—чулокъ).
D	1	5	6	12	sanny (sandy—песочный). gamma (grandmama—бабушка). bines (blinds—жмурки).
Y	6	4	—	—	ard (yard—ярдъ). panna (piano—фортепіано).
K	4	2	2	2	opf (kopf—голова). basse (basket—корзина). bŏŏ (book—книга).
N	1	—	6	1	pi. (pin—булавка). burr (burn—жечь).
G	6	—	—	1	atten (Garten—садъ).
W	5	—	—	—	ont (want—желать, нуждаться). ŏŏdn't (would not—не хотѣлъ бы, не хочу)
E	3	—	2	—	nuff (enough—довольно). koff (coffee—кофе).
H	5	—	—	—	eah (here—здѣсь).
Sh	4	—	—	—	litta (Schlitten—сани).
F	—	3	1	2	nătanoon (afternoon—послѣ обѣда).
Th (мягкое)	3	1	—	—	ăt (that—это, то). ōber air (over there).
A	4	—	—	—	fade (afraid—боюсь). nudda (another—другой).
Th (твердое)	—	—	2	—	bă (bath—ванна). mao (mouth—ротъ).
V	1	—	1	—	ammum (warum—почему). Duttie (Justave).
P	1	—	—	—	tătie (potato—картофель).
Z	—	—	1	—	nō (nose—носъ).

Здѣсь не лишнее прибавить слѣдующее. Эти таблицы не показываютъ, собственно говоря, порядка, въ какомъ звуки располагаются по ихъ трудности, такъ какъ изъ нихъ можно видѣть число разъ неправильнаго произношенія разныхъ звуковъ *не* по сравненію съ числомъ правильнаго произношенія тѣхъ-же звуковъ, а лишь по сравненію съ общимъ числомъ случаевъ неправильнаго произношенія словъ дѣтьми. Такъ, напр., изъ первой таблицы можно, *повидимому*, вывести то заключеніе, что звукъ *g* легче, чѣмъ *b*, такъ-какъ первый звукъ былъ произнесенъ неправильно разъ, а второй три раза. Если однако мы примемъ во вниманіе, что въ нашихъ словаряхъ *b* встрѣчается въ пятьдесятъ пять разъ чаще, чѣмъ *g*, то дѣло совершенно измѣняется. Если разсматривать вопросъ такимъ образомъ, то по нашимъ разсчетамъ порядокъ, въ которомъ располагаются звуки по трудности, представляется въ слѣдующемъ видѣ: *r*, *l*, *th*, *v*, *sh*, *y*, *g*, *ch*, *s*, *j*, *e*, *f*, *t*, *n*, *q*, *d*, *k*, *o*, *w*, *a*, *h*, *m*, *b*, *p*. Иными словами— самый трудный звукъ *r* и самый легкій *b*.

Надо замѣтить также, что, какъ видно изъ тѣхъ-же таблицъ, неправильное произношеніе наблюдается особенно часто при стеченіи двухъ согласныхъ, и наиболѣе часто въ тѣхъ комбинаціяхъ согласныхъ, которыя г-нъ Питманъ отнесъ къ такъ называемому имъ ряду *pl* и *pr* (the *pl* and *pr* series). Такія слова, какъ *cream*, *brucelet* и *fly*, почти всегда произносятся неправильно, при чемъ *r* и *l* иногда замѣняются *w* или другимъ звукомъ, иногда-же вовсе опускаются.

Достойно вниманія также и то обстоятельство, что выборъ буквы, замѣняющей трудный для произношенія звукъ, часто опредѣляется родомъ согласнаго звука въ предшествующемъ или послѣдующемъ слогѣ, а это, въ свою очередь, ведетъ къ удвоенію болѣе легкаго звука вмѣсто употребленія болѣе труднаго. Такъ, напр., ребенокъ говоритъ *cawkee* вмѣсто *coffe*, *kork* вмѣсто fork, *la lo* вмѣсто la-hàut. Число случаевъ такого удвоенія весьма велико, тѣмъ болѣе, что ребенокъ прибѣгаетъ къ тому-же способу обхода произношенія труднаго гласнаго звука, какъ, напр., *Deedie* замѣняетъ Edie, Didu замѣняетъ Ida.

Замѣчательно также, насколько часто звукъ *e* (соотвѣтствующій русскому и) служитъ замѣной для трудныхъ звуковъ, какъ согласныхъ, такъ и гласныхъ, особенно въ концѣ слова. Ребенокъ говоритъ *ittie* вмѣсто *little*, *finnie* вмѣсто *finger*, *ninnie* вмѣсто *drink*.

Кромѣ тѣхъ случаевъ неправильнаго произношенія, которые намъ удалось свести въ произведенныя выше таблицы, мы собрали еще значительное число случаевъ неправильнаго произношенія, которые было-бы весьма трудно какъ-нибудь классифицировать, какъ, напр., *mednis* вмѣсто *medecine*, Maugie fag вмѣсто *American flag*, *skoogie*

вмѣсто *excuse me*, *kidlie* вмѣсто *tickle*, pa-ta-soo вмѣсто patent-leathers-shoes и т. д.

Если мы теперь сдѣлаемъ попытку открыть какой-либо принципъ, лежащій въ основѣ процесса развитія рѣчи у ребенка, разсматриваемаго съ психологической точки зрѣнія, то намъ кажется, мы и здѣсь должны отмѣтить тотъ-же принципъ *превращенія* (transformation), проявленіе котораго мы находили такъ часто въ другихъ сферахъ жизни ребенка. Первые звуки, издаваемые новорожденнымъ ребенкомъ, имѣютъ весьма мало психическаго значенія, пожалуй, даже вовсе не имѣютъ такового. Они во всякомъ случаѣ не имѣютъ никакого значенія въ качествѣ выраженія мысли. Однако мало-по-малу эти первые звуки измѣнились, увеличившись въ числѣ и комбинируясь между собой разнымъ образомъ, ассоціируются съ идеями, которыя также измѣняются, увеличиваются въ числѣ и комбинируются между собой, пока наконецъ ребенокъ не научится вполнѣ контролировать свои органы рѣчи и употреблять ихъ для выраженія своихъ мыслей.

Предшествующее справедливо не только въ самомъ общемъ смыслѣ, но и въ высшей степени вѣрно характеризуютъ процессъ развитія рѣчи у ребенка. Мы можемъ прослѣдить съ достаточной точностью процессъ постепеннаго поднятія психологическаго значенія произносимыхъ ребенкомъ звуковъ отъ такого состоянія, при которомъ звуки не имѣютъ никакого значенія въ качествѣ выраженія, до самаго высокаго заключительнаго состоянія, когда они также въ высокой степени выразительны; мы можемъ указать даже главныя промежуточныя стадіи. Эти стадіи или фазисы, повидимому, тѣже самыя, какія мы отмѣтили въ развитіи движеній ребенка, а именно: *импульсивный* фазисъ, *рефлекторный*, *инстиктивный* и *волевой*.

Первые звуки, произносимые ребенкомъ, суть простыя органическія (spontaneus—самопроизвольныя), лишенныя элементовъ воли и мысли (will-less, idea-less) проявленія двигательной энергіи. Въ это время еще нѣтъ надобности предполагать существованіе соотвѣтствующихъ чувствованій, дѣло ограничивается простымъ двигательнымъ процессомъ, который представляетъ актъ чисто автоматическій.

Тотъ-же избытокъ энергіи, тотъ-же, такъ сказать, двигательный инстинктъ (muscle-instinct), который побуждаетъ ребенка хватать все руками, дрыгать ногами и т. п., побуждаетъ его къ движеніямъ губъ, языка, гортани, легкихъ *). Это будетъ импульсивный фазисъ.

Наблюдая далѣе, мы видимъ, что ребенокъ произноситъ звуки въ отвѣтъ на извѣстныя ощущенія. Онъ видитъ яркій свѣтъ, слышитъ необычный звукъ, ощущаетъ мягкую, теплую поверхность, и

*) A. Kussmaul, Die Störungen der Sprache. Leipzig, 1877.

всѣ эти ощущенія вызываютъ извѣстные звуки. Эти звуки все еще простой неосмысленный лепетъ (only babblings); воля пока еще въ произношеніи этихъ звуковъ не участвуетъ, хотя мы теперь имѣемъ уже дѣло съ процессомъ двигательнымъ и чувствительнымъ. Это примѣръ рефлекса въ простѣйшей его формѣ. Въ это-же время начинается подражаніе. Это такъ называемый рефлекторный фазисъ.

Въ слѣдующемъ періодѣ мы замѣчаемъ, что нѣкоторыми звуками выражаются потребности ребенка, и хотя ребенокъ все еще произноситъ эти звуки, вѣроятно, безъ яснаго сознанія ихъ значенія, все же они сами по себѣ имѣютъ смыслъ и цѣль, а именно—удовлетвореніе этихъ потребностей. Плачъ, который до этого былъ монотоннымъ и лишеннымъ выраженія, теперь дифференцируется, выражая различныя душевныя состоянія: голодъ, боль, нетерпѣніе и т. д. Это будетъ инстинктивный фазисъ.

Наконецъ, ребенокъ вполнѣ овладѣваетъ своими органами рѣчи и произноситъ слова съ сознательнымъ намѣреніемъ; подражаніе звукамъ, которое прежде было пассивнымъ и безсознательнымъ, теперь дѣлается активнымъ и сознательнымъ; слова начинаютъ комбинироваться разнымъ образомъ, служа для выраженія все болѣе и болѣе сложныхъ идей. Итакъ, мы дошли, наконецъ, до волевого, разумнаго фазиса, или фазиса разумнаго употребленія органовъ рѣчи.

Въ качествѣ примѣра превращенія одного какого-либо звука, проходящаго послѣдовательно черезъ всѣ перечисленные фазисы, возьмемъ тотъ звукъ, который большею частью является первымъ членораздѣльнымъ звукомъ ребенка—слогъ *та*. Сначала этотъ звукъ является чисто самопроизвольно. Ребенокъ лежитъ покойно въ люлькѣ, избытокъ двигательной энергіи выражается въ движеніи губъ и тихомъ открываніи и закываніи рта, при чемъ изъ легкихъ выдыхается воздухъ—и въ результатѣ оказывается звукъ *тататата*. Пока еще этотъ звукъ не имѣетъ никакого значенія; это чисто автоматическое движеніе голосовыхъ органовъ. Однако постепенно тотъ-же звукъ начинаетъ являться въ качествѣ отвѣта на нѣкоторыя ощущенія, однимъ изъ которыхъ, вѣроятно, бываетъ видъ матери или какого-нибудь другого лица. Слово пока еще не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія, его можно считать просто указательнымъ восклицаніемъ самаго неопредѣленнаго характера, простымъ рефлексомъ. Впослѣдствіи этотъ звукъ дѣлается выраженіемъ нѣкоторыхъ физическихъ нуждъ и состояній организма, и голодный ребенокъ произноситъ этотъ звукъ для выраженія своей потребности въ естественной для него пищѣ. Такимъ образомъ, слово твердо ассоціируется съ матерью, первое время, вѣроятно, даже съ грудью матери *),

*) H. Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Leipzig, 1884.

а потомъ со всей ея особой вообще; такимъ образомъ, заключительный шагъ сдѣланъ, и произношеніе слова *mama* переходитъ изъ полусознательнаго, инстинктивнаго акта въ актъ разумный. Слово твердо ассоціируется съ матерью, и только съ ней одной; оно произносится съ сознательнымъ намѣреніемъ передать ей свои желанія и мысли; наконецъ, въ случаѣ отсутствія матери, употребленіе этого слова пріобрѣтаетъ такой характеръ, что ясно показываетъ, какъ крѣпко въ умѣ ребенка запечатлѣлся образъ матери и какъ прочно онъ удерживается въ его памяти. Впослѣдствіи ребенокъ овладѣваетъ болѣе общими и болѣе сложными примѣненіями этого слова, но мы теперь уже достаточно прослѣдили развитіе употребленія этого слова, по крайней мѣрѣ для нашихъ цѣлей. Это слово было выбрано нами потому, что на немъ лучше, нежели на какомъ-либо другомъ, можно было подтвердить справедливость принципа, который мы хотѣли иллюстрировать, такъ какъ оно ассоціировано съ такими чувствами, которыя возникаютъ раньше всѣхъ, длятся дольше всѣхъ и наиболѣе глубоко овладѣваютъ человѣческой душой. Мы могли-бы однако подтвердить справедливость того-же принципа, хотя и не въ такой полной мѣрѣ, выбравъ въ качествѣ примѣра почти любой изъ первыхъ звуковъ, произносимыхъ дѣтьми.

Psych
T761p
.Rm

Tracy, Frederick
Psichologiya pervago detstva, ...

48211

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET